

Андрей

Хворостов

Бездрушное  
урочище

# Андрей Константинович Хворостов

## Бездушное урочище

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=67044036](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67044036)*

*SelfPub; 2024*

### **Аннотация**

Как могут быть связаны между собой исследования в сфере физиологии мозга, поиск древних артефактов и убийство владельца крупной торговой сети, напоминающее восточную казнь? Следствие, пытаясь распутать необычное преступление, зашло в тупик. За расследование берётся молодая вдова погибшего бизнесмена. Ради выяснения истины она готова на любые злодеяния...

# Содержание

Бездушное урочище	5
1. Сломанные жалюзи	5
2. Бронзовый век в Диком поле	14
3. Пьянеют ли траурницы?	23
4. Странная гостиная	29
5. Протокол осмотра	36
6. Пробковый кабинет	49
7. Разговор в летнем кафе	61
8. Помощница прокурора	71
9. Конференция нейрофизиологов	78
10. В прокуратуре	87
11. Разговор с начальником охраны	97
12. Ужасная ночь братьев Ужастовых	108
13. Нечаянное счастье	117
14. Золото срубников	131
15. Предостерегающие эсэмэски	146
16. Мстители из села Казьиновки	161
17. Избиение на мусорном полигоне	176
18. Кончина Ужастовых	184
19. Деньги на операцию	191
20. Второе дно щедрости	200
21. Спасительный перевод	208
22. Вожденные материалы дела	215

23. Предостережение	230
24. Камран в гостях у Жужелицы	238
25. Неожиданное приглашение	246
26. Симулянтка и «Белая лошадь»	254
27. Бездушное урочище	263
28. Полосатый рейд	272
29. Массаж по-кхмерски	279
30. Устрашающие маникюрные щипчики	286
31. Встреча с ректором	296
32. Шантаж? Хакерство? Воровство?	305
33. Письмо нейробиолога	311
34. Простёршееся жерло	319
35. Шла машина тёмным лесом	326
36. Прощальный подарок	336
37. Два рыбака	345
38. Дети свалки	351
39. Свинокомплекс	358
40. Восемь лет спустя	371

# Андрей Хворостов

## Бездушное урочище

### Бездушное урочище

#### 1. Сломанные жалюзи

Редакционная секретарша сочувственно вздохнула, протягивая Вирятину бумагу.

– Павел Валентинович, подпишите, пожалуйста, ваш новый трудовой договор...

Он подмахнул документ молча и не глядя, ведь и так было понятно, что там написано. С октября он больше не редактор отдела криминальной хроники и расследований «Ямовских известий». Ему найдут новую должность. Может быть, он даже не слишком потеряет в зарплате...

Секретарша вышла, не закрыв дверь. Павел Валентинович стал с грустью рассматривать полуоборванные жалюзи в своём кабинете, который ему обещали оставить из сочувствия и в качестве утешения.

За окном резкий ветер уносил за город сухие семена американских клёнов. Он просачивался через щель в неплотно закрытом окне и шевелил белые ламели, на которых игра-

ли зайчики осеннего солнца. Павел Валентинович задумчиво наблюдал за переменчивыми пятнышками света.

Сорок восемь – это ведь не приговор, правильно? Тяжело осознавать себя списанным в утиль, когда ты ещё не стар и вчера надеялся на пусть скромное, но всё же повышение по службе. Надеялся... но судьба распорядилась по-своему, и всё вышло строго наоборот. Не сразу обретёшь равновесие после такого удара!

Он был дежурным редактором в тот день, когда вышла заметка об убийстве Сергея Дремлюгина, владельца группы компаний «Бальзам». Номер до сих пор лежал у Вирятина на столе, и он невольно скользнул по нему глазами.

На первой полосе между портретами губернатора и спикера областной Думы, словно пулевая рана промеж глаз, зияла тёмная фотография обезглавленного тела. Под ней размещалась статейка с неподобающим для передовицы названием «Смерть в Бездушном урочище». Молодая журналистка написала её в привычном разухабистом стиле.

*«У Сергея Дремлюгина, мажоритарного акционера известной группы компаний и стратегического инвестора нашего региона, в понедельник вечером похитили голову.*

*Тело бизнесмена было найдено в потайном кабинете его лесного особняка. Обезглавленный труп полулежал в испачканном кровью кресле. На полу вокруг него было разлито антимикробное средство с резким неприятным запахом. С какой целью убийцы провели дезинфекцию тела потерпевшего,*

*остаётся загадкой.*

*Следствие исключает версию ограбления: кроме головы убитого, преступники ничего не взяли ни в доме, ни во дворе.*

*Обстоятельства гибели предпринимателя свидетельствуют о необычайном бардаке, который царил в его доме.*

*В момент убийства никто потерпевшего не охранял. Телохранители, воспользовавшись отсутствием начальника, после обеда развлекались с проститутками и были усыплены сильнодействующим снотворным.*

*Домработница и водитель отъехали в город по распоряжению хозяина особняка.*

*Удивительно, но факт: камеры видеонаблюдения не зафиксировали проникновение в особняк посторонних лиц, хотя и работали исправно.*

*Жена потерпевшего во время трагического происшествия отдыхала вместе с малолетним сыном на одном из Багамских островов.*

*Необычный в наших краях стиль убийства навёл следователей на мысль о мести со стороны радикальных исламистов. Однако известно, что у предпринимателя не было серьёзных конфликтов ни с чеченской, ни с какими-либо другими диаспорами мусульманских народов.*

*Поиски украденной головы успехом пока не увенчались.*

*Алёна АНАФЕМСКАЯ».*

*Главред не глядя одобрил статейку журналистки, с которой у него начинался роман. Ответственный секретарь по-*

ставил материал на первую полосу, чтобы угодить шефу. Ничто не предвещало беды... но на следующее утро в редакцию позвонил возмущённый губернатор. Сам! Минувя начальница управления информационной политики.

– С каких это пор у вас криминал на первой полосе? Рядом с моим фото – труп, да ещё и без головы! Это что, намёк? – закричал глава области.

– Это же не просто труп, а труп стратегического инвестора, – попытался оправдаться главный редактор.

– Вы что, издеваетесь надо мной? – заорал в ответ губернатор.

После звонка сразу стали искать крайнего. Им оказался Вирятин, как ответственный за номер. Отдел криминальной хроники и расследований, который он возглавлял, решили с начала нового квартала ликвидировать.

Тогда до октября оставалось ещё полтора месяца, и Павел Валентинович надеялся, что всё как-нибудь обойдётся. Не обошлось!

Он так бы и просидел до конца дня в задумчивости и растерянности, если бы после обеда не раздалась трель внутреннего телефона – дискового динозавра, который чудом сохранился с брежневских времён.

– Зайди ко мне! Надо поговорить, – послышался голос ответственного секретаря.

В тесном кабинете пахло перегаром, табачным дымом и пряными духами недавно побывавшей там верстальщицы.



Стол был завален распечатанными на стареньком матричном принтере статьями, деталями настольного компьютера, дешёвыми конфетами и чашками с недопитым кофе.

Ответственный секретарь оторвал глаза от экрана и вынул из ящика стола чекушку коньяка:

– Входи, Паша! Угощайся. Не «Хеннеси», конечно. Всего лишь «Киновский». Чем богаты...

Вирятин сел напротив него и опрокинул стаканчик – не смакуя, как будто это была водка.

– Нехорошо с тобой поступили, – виноватым голосом произнёс ответсек. – Но ты забей, не обижайся: были и мы рысаками, да время вышло. Это когда-то ты пил у губера на дне рождения. Сейчас уже и глава области другой, и главред новый... Настала пора уступать место молодым.

– Но ты почему-то свою должность никому не уступил! – презрительно бросил Павел Валентинович. – Зачем позвал?

Ответсек наклонил голову и долго водил мышью по коврику, ни разу не взглянув на экран. Затем поднял взгляд на Вирятина:

– Мне главред поручил с тобой поговорить. Сам стесняется. Паша, скажи честно: ты сейчас трахаешь помощницу прокурора?

У Павла Валентиновича вытянулось лицо: он ожидал услышать любой вопрос, но не этот. Убийственная бестактность! Ну, какое им дело до его отношений с женщиной, которую он знал уже почти двадцать лет?

Когда-то точно такой же вопрос Вирятину задавала жена, боясь, что он уйдёт к более привлекательной и успешной сопернице. Павел Валентинович всегда отвечал, что с Мариной Вячеславовной у него ничего нет, но тем лишь больше возбуждал подозрения.

А ведь Вирятин говорил правду! У него и в мыслях не было бросать супругу или изменять ей.

Марина Вячеславовна тогда тоже не была свободна. Похоронила мужа она полгода назад, и замену ему пока не искала. Видимо, сильно переживала утрату человека, с которым незадолго до его смерти отметила серебряную свадьбу.

– Никогда её не трахал... – смущённо ответил Вирятин.

– Ага, конечно! – заржал ответсек. – С чего она тебе эксклюзивную инфу сливала в таком количестве? Любовно так подбирала дела, даже материалы предварительного следствия иногда показывала. Нарушала порядок ради тебя. С чего бы это?

– У нас взаимная симпатия, не буду отрицать... но дальше дело не заходило.

– Не прикидывайся валенком! – усмехнулся ответственный секретарь, а потом тихо, заговорщически произнёс: – Не станешь по ночам шептать ей на ушко, чтобы прокурор наслал на нас проверку?

– Ты за кого меня принимаешь?! – взвился Павел Валентинович.

Ответсек удовлетворённо улыбнулся, разлил оставшийся

коньяк, протянул Вирятину конфету и, не чокаясь, опустошил свой стаканчик.

– Паша, Паша! – покачал головой он. – Понимаешь, почему о тебя ноги вытерли? Ты ведь не интригуешь, ни под кого не копаешь, ни на кого не стучишь. Наушничал бы в администрации и в прокуратуре – тебя сочли бы опасным и не тронули. Кстати, ты и сейчас мог бы мне сказать, что спишь с этой Мариной Вячеславовной. Цена твоя сразу бы поднялась: это ведь прямой выход на прокурора области!

– Значит, ни опыт, ни квалификация ничего уже не значат? – риторически спросил Вирятин. – Важнее, с кем я сплю?

– Дк и раньше так было. Ну, когда ты водку пивал с прежним губернатором, и он справлялся, не обижают ли тебя здесь... Ладно, забей! До октября осталось всего ничего, а там у тебя будет новая должность. Пониже нынешней, но что поделать. Вот тебе задание. Напиши репортажик из картинной галереи.

Вирятин чуть не выронил стаканчик с недопитым коньяком.

– Почему не с детского утренника? – обиженно спросил он. – Уж опускать меня, так до конца.

– Ты не понял, – рассмеялся в ответ ответсек. – Там открывается выставка изделий бронзового века.

– Выставка чего? Отродясь ими не интересовался...

– И зря. Организатор – мадам Дремлюгина. Выставила

коллекцию своего обезглавленного мужа.

– Это задание для новичка. Не втаптывайте меня совсем уж в грязь! Девочек в редакции целый взвод. Пошли какую-нибудь из них. С таким заданием любая справится.

– Ты опять не понял! Дамочка заплатит за статейку, как за рекламу. Обещала по прайсу, по полной программе, без скидок! Твоя задача – уговорить её на хороший объём. На полосу, конечно, нереально, но на полполосы попробуй. Газете денежки, тебе процентики...

– Процентики? Утешил!

– Пойми, у Ириши условие – чтобы материал писал ты. Именно ты! Да и где видишь унижение? Познакомишься с мультимиллиардершей.

– Рублёвой...

– Тебе этого мало, Паша? У покойного Сергея Петровича всего два наследника – Ириша и её двухлетний сынишка. Недавно она стала богатейшей женщиной города, если не всего округа. За вычетом столичного региона, конечно. Нельзя упускать такого рекламодателя. Надо с ней подружиться.

– Легко сказать!

– Трудно, конечно, – согласился ответсек. – Баба хоть и молодая, но тёртая. Та ещё вампирша! Сколько же денег она когда-то высосала из любовников – бизнесменов, бандитов, силовиков... И ничего, всё ей сходило с рук: красота – страшная сила. На комплименты и лесть она не падкая,

это ты учти. Думаю, вот на чём можно сыграть. Она вправду любила мужа, ведь он разглядел в ней незаурядного человека. Скажи Ирише, что интересуешься древностями, которыми увлекался Сергей Петрович. Глядишь, у неё к тебе какая-никакая симпатия возникнет, а там полполоски рекламы и попросишь. Чтобы не опозориться, почитай про бронзовый век. До мероприятия ещё целых четыре часа. Хватит, чтобы войти в курс дела.

Вирятин презрительно посмотрел на загорелое морщинистое лицо ответсека и сжал губы.

– Я и так в курсе, что это чёрная археология, – процедил он. – В государственной картинной галерее! До чего мы дожили! Предмет, кстати, для журналистского расследования... хотел бы я...

– Засунь в жопу свои хотелки! – цыкнул на него ответственный секретарь. – Какие тебе расследования? Шутишь, что ли? Сейчас не начало девяностых. Иди, читай про бронзовый век!

## 2. Бронзовый век в Диком поле

Редакционная «десятка», снизу доверху покрытая жучками ржавчины, повезла Вирятина в областную картинную галерею. За окнами машины мелькали однообразные новостойки старинного города. Когда-то он был селом с ямской станцией, которое называлось «Ямово», но разросшись и по-солидней, потерял в своём имени последнее «о».

До открытия выставки «Бронзовый век в Диком поле: лесные финно-угры и степные индоевропейцы» оставался час, однако струнный квартет уже играл Рахманинова и другую заезженную классику

Ирина Геннадьевна отдыхала в потёртом кожаном кресле, откинув гривастую голову назад, и не обращала внимания на подобострастные улыбки сотрудников. Умаялась, готова выставку!

Павел Валентинович никогда раньше не видел Дремлюгину, однако сразу понял, что это она. «Какое потрясающее лицо! – поразился он. – Страстное, правильное, женственное и волевое одновременно. Сказать «красавица» – не сказать ничего. Только вот платьице у неё совсем не траурное».

И правда, чёрное шёлковое платье в натяг обхватывало статное тело вдовы, а большой вырез открывал всему миру загорелую грудь. Ирина Геннадьевна любила, когда ей любуются и восхищаются – и никакое горе не могло ослабить в

ней эту тягу. При виде журналиста её светлые глаза заискрились доброжелательностью:

– Как хорошо, что вы приехали пораньше, Пал Валентинович! Я вас узнала по фоткам под статьями. Садитесь рядом. Через полчаса народу здесь станет невпроворот. Не протиснуться будет. Сейчас же есть возможность спокойно поговорить. Выпьем по шампусику?

Ирина Геннадьевна, не дожидаясь ответа, махнула рукой молодому человеку, которого, видимо, наняла специально для обслуживания посетителей. Тот удалился и через минуту вернулся с подносом, на котором стояли бокалы с вином и ваза с фруктами.

– Какая необычная экспозиция! – польстил ей Вирятин.

Он взял с подноса бокал и обвёл взглядом застеклённые рамы. Блики на стёклах мешали разглядеть экспонаты.

– Посвятила Серёже, – улыбнулась Дремлюгина. – Он года два с половиной назад сильно полюбил старину. Летом подолгу пропадал на раскопках.

– Кто же в это время «Бальзамом» руководил? – удивился Вирятин.

– На то наёмный менеджмент имеется, – засмеялась Ирина Геннадьевна. – Гендиректор – моя подруга со школы. Обманывать и воровать не станет. Я и сама изредка сую нос в управление, контролирую... а вот Серёжа потерял интерес к материальным благам. Привозил с раскопок горшки и прочую утварь. В общем, всякий мусор. Хотя иногда попадалось

и такое, на что можно взглянуть. Пойдёмте, посмотрим. Я вам сама всё расскажу: не ждать же, пока включат видосик.

Дремлюгина встала и подвела журналиста к ближайшему стенду с наконечниками стрел и копий.

– Нет, это всё не то, – фыркнула она. – Пойдёмте дальше.

Они двинулись вдоль коридора с висящими на стенах рамами. За стеклами мелькали костяные псалии, бронзовые и медные топоры, ножи, наконечники стрел... Наконец, Дремлюгина и Вирятин добрались до рамы с женскими украшениями.

– Вот скульгамы и серьги в виде гусиных лапок. Это из лесных могил. А вон дальше – из степных курганов, тоже наших. Кольца, все в патине... гривны и ожерелья... бронзовые и серебряные наконечники... Ооо, а вот невероятная редкость – золотая височная подвесочка. Почему-то всего одна. Её носила какая-то очень-очень статусная древняя дама. Как думаете, мне подошла бы? – кокетливо спросила Ирина Геннадьевна.

Вирятин не ожидал такого вопроса и невразумительно промычал.

– Мне в голову пришла идея, – внезапно воодушевилась Дремлюгина и протянула ему смартфон. – Помогите мне сделать фоточку с ней. Захотелось в инет послать.

Она прижала затылок к стеклу рамы – так, чтобы подвеска оказалась рядом с её виском. Павел Валентинович сделал несколько фотографий и вернул ей девайс.



– Последние года два с небольшим Серёжа особенно увлекался срубной культурой, – уже серьёзным тоном продолжила Ирина Геннадьевна. – Это вроде как древние арии. Наташил всяких штучек из курганов! До сих пор их не успели отреставрировать.

– Неужели сами восстанавливаете предметы старины? – полушутя спросил Вирятин.

– Что вы! Это же памятники старины, требуют аккуратности. Я лучших реставраторов наняла. Они и сейчас работают у меня в особняке. В подвальчике. Хочу все Серёжины находки восстановить в лучшем виде – чтоб память о нём не умирала. Ведь он так мечтал о вечной жизни!

На полках за стеклом покоились костяные жезлы и лепные горшки с простым орнаментом, ступки с пестиками, каменные молоты, сверлёные каменные топоры и булавы...

– Это тоже из курганов, – пояснила Дремлюгина. – Срубная и абашевская культуры. Вещички Серёжа чаще покупал у официальных археологов. У тех, что работают в управлении по охране культурного наследия и всяческих памятников. Копатели ведь не все находки сдают государству. Что-то в кабинетах зажиливают, а вещички поценнее вообще дома прячут. На продажу.

Тут Павел Валентинович решил блеснуть знаниями, почерпнутыми час назад из Интернета:

– Значит, срубная культура? Предки иранцев, скифов и индийцев, как считал Эдвин Грантовский?

– Да-да, – безразлично согласилась Ирина Геннадьевна.

– Что Сергея Петровича в ней увлекало?

– Серёжа был закрытым человеком. Знаю только, что примерно в то же время он загорелся восточной философией и мистикой...

– Выставку вы организовали ради покойного мужа. Сами, получается, не увлечены древностями?

Дремлюгина оторвала глаза от экспонатов и тряхнула густыми каштановыми волосами:

– Всё правильно, Пал Валентиныч. Меня мало волнуют эти черепки, я ведь на биофаке училась. Коллекционирую жуков. Жужелиц. Мне дали такое прозвище в институте.

– Такая же красивая, юркая и... – Вирятин осёкся.

– И такая же хищная? – ухмыльнулась Ирина Геннадьевна. – Вы ведь это хотели сказать? Что ж, может быть... Есть такой род жужелиц – *Eromis*. Питаются земноводными. Личинка этого жука притворяется доступной добычей, но, как только лягушка соберётся её проглотить, вцепляются в горло несчастному животному, перегрызает и затем постепенно съедает труп. Подруги считали, что именно так я поступала с богатыми любовниками. Правы они были или нет, не мне судить...

После этих слов Дремлюгина задумалась. Видимо, засомневалась, не сказала ли что-нибудь лишнее. Помолчала минуту – и вдруг отрывисто произнесла:

– Зря я вам рассказала, откуда Серёжа брал артефакты. Не

вздумайте об этом писать! Как-нибудь аккуратно обойдите эту тему. Чёрное копательство, как-никак. Пятно на светлой памяти о нём.

– Даже не сомневайтесь! – успокоил её Вирятин. – Вредить вам не в моих интересах. Какие ещё будут пожелания?

– Да никаких. Пойдёмте, сядем – и ещё по шампусику.

Павел Валентинович утомился, разглядывая черепки и слушая лекцию богатой красавицы. Он рухнул в кресло и закрыл глаза. Перед ними мелькали древние предметы...

– Очнитесь! – легко щёлкнула его по лбу Ирина Геннадьевна. – Берите бокальчик... а касаясь заметки у меня нет никаких пожеланий.

Вирятин от удивления чуть не пролил шампанское. Он привык совсем к другому отношению со стороны рекламодателей – к капризам, мелочным и глупым придирам, к требованию переписывать материалы, порой по нескольку раз...

– Вы же заказали статью. Обещали заплатить деньги. Я должен отработать. Назовите хотя бы объём. Четверть полосы или, может, половину?

– Любой объём оплачу, – ответила Дремлюгина. – Торговаться не стану. Заполняйте хоть весь номер.

– Вам всё равно, сколько я напишу?

Ирина Геннадьевна с усмешкой поглядела на его ошеломлённое лицо.

– Абсолютно! Даже согласовывать не потребую: надеюсь на вашу порядочность. Мне, кстати, совсем не нужна публи-

кация в вашей умирающей газетёнке. Я вас по другому поводу позвала. Хочу пригласить в гости. В загородный особняк.

– В Бездушное урочище? – передёрнулся Вирятин.

– Вас пугает название? Считаете, что там до сих пор живут разбойники? – продолжила подтрунивать над ним собеседница.

– Нет, конечно... но...

– Какое может быть «но»? Там не разбойники живут, а я. Почти безвылазно. Не представляете, как там чудесно! Душой отдыхаешь. Люблю погулять среди осин и сосен. Даже просто полежать, вдыхая лесной воздух. Будь моя воля, вообще бы в городе не появлялась, не смотрела бы на эти бандитские, бизнесменские и чиновничьи рожи. Мне тяжело после смерти Серёжи, а природа лечит. Приезжайте!

– Как-то... – вновь замялся Вирятин.

– Пал Валентиныч! Вас не кто-нибудь, а хозяйка «Бальзама» к себе зовёт. Такая удача случается раз в жизни, а вы сомневаетесь. А чего сомневаться-то? Вы ведь два года, как потеряли жену. Я не ошиблась? Никто вам дома скандал не учинит, никто не заподозрит в измене. Почему бы не отдохнуть у меня?

– Такое неожиданное приглашение...

– Не подумайте лишнего. Соблазнять не стану, – захохотала Дремлюгина. – Мне нужно с вами поговорить. На очень серьёзную и на важную тему. Так поедете?

«Соблазнять не стану...» – незаметно усмехнулся Виря-

тин. Он удивлялся тому, что за время всей беседы не почувствовал ни намёка на желание, несмотря на слепящую внешность вдовы. У неё была безупречная красота существа из чуждого мира. Такими хочется бесконечно любоваться, но к ним боязно даже приблизиться.

– Конечно, Ирина Геннадьевна! – кивнул он.

– «Ирина Геннадьевна»... – хмыкнула она. – Это ещё зачем? Я же вас в полтора раза моложе. Говорите просто «Ирина». Завтра после обеда пришлю за вами машину...

Больше у неё не было времени на разговор с Вирятиным. В выставочном зале собралась областная элита в вечерних костюмах, и началось действо – выставка и шоу в одном флаконе.

Нанятые Ириной Геннадьевной пареньки начали разносить подносы с бокалами. Вина, коньяки, виски, коктейли... Ну и, разумеется, водка – не выдыхающийся символ России. На любой вкус и с любыми добавками. Даже «Сокровище Руси» с плавающими в толще жидкости золотыми лепестками!

После короткого видео Ирина Геннадьевна начала рассказывать о старинных предметах, выставленных в зале. Гости пили алкоголь и подобострастно улыбались, льстили ей, но, судя по выражению их глаз, им не было дела до наследия старины.

И правда, как только Дремлюгина отходила, они начинали обсуждать вчерашнее бормотание премьер-министра, свои

охотничьи трофеи, поездки в экзотические страны, любовные победы... Всё, что угодно, то только не выставку!

Ирина Геннадьевна, не желая участвовать в этих разговорах, тихо вышла из зала. Вернулась она лишь перед выступлением балалаечников, сказала ещё несколько дежурных слов о любви к родному краю и его прошлому, обвела собравшихся презрительным взглядом, подмигнула Вирятину и направилась к выходу, чтобы уехать в свою берлогу.

### 3. Пьянеют ли траурницы?

Пройдя по шоссе мимо обшарпанного баннера «Добро пожаловать в Варматинский район!», охотничий «Лендкрузер» свернул на песчаную лесную тропу и потрохал среди мачтовых сосен. В грязном салоне пахло гнилью, чесноком и тошнотворной масляной кислотой: до сих пор никто не удосужился выбросить из багажника карповую прикормку, напоминающую об одном из увлечений погибшего бизнесмена.

Окно возле водителя было открыто, однако ветерок не мог выгнать из салона удушающий смрад. У Павла Валентиновича кружилась голова и путались мысли. Он не чаял дожидаться момента, когда машина, наконец, придёт к загородному особняку Дремлюгиных.

Сосняк сменился мрачным густым осинником: внедорожник вошёл в Бездушное урочище.

Почему его так называли? Когда-то в этом густом лесу жили разбойники, которые грабили и убивали путников, отнимая у них души. Земледельцы боялись селиться близ опасного урочища, и потому в его окрестностях не было ни единой крестьянской души...

Наконец, среди осин и орешника показался серый забор, украшенный геометрическим орнаментом и странными барельефами. За ним виднелись готические шпили и стрельчатые арки особняка. В девяностые годы такой стиль был в

моды.

Автомобиль остановился. Вирятин стремглав выскочил из салона, чтобы вдохнуть свежий воздух.

Водитель сразу же уехал по своим делам. Павла Валентиновича перестала преследовать вонь масляной кислоты, и он начал различать запахи осеннего леса.

Пахло прелостью и грибами. Вирятин огляделся. Неподдалёку на деревьях виднелись грозди опят, а на земле среди опадающих листьев – красные шляпки подосиновиков. Такого их изобилия Павел Валентинович ещё никогда не встречал.

Под дикой яблоней прела мелкая падалица, над которой кружили крупные бабочки с темно-бордовыми крыльями, обрамлёнными каёмкой цвета слоновой кости. Они питались соком забродивших яблок. «Интересно, почему они не пьянеют? Кстати, сфотографировать бы их!» – озадачился Павел Валентинович, порылся в кармане и обнаружил, что от волнения забыл в редакции сотовый.

Вирятину сразу стало не до бабочек, ведь осторожная хозяйка особняка предупредила, что откроет ему лишь после телефонного звонка.

Видеофона на калитке не было. Лишь внимательно рассмотрев дверь, Павел Валентинович заметил маленькую чёрную кнопку. Три раза нажал. Никакого ответа!

Он не знал, что делать дальше, и начал рассматривать необычные барельефы на сером заборе.



На одном было изображено трёхногое животное с ослиными ушами, которое стояло по щиколотку в воде и упиралось в небо рогом, торчащим из носа.

На другом барельефе оно же баламутило этим рогом поверхность водоёма.

На третьем над колосьями летала крылатая собака...

Скорее всего, это были сюжеты из мифов, о которых Павел Валентинович ничего не знал.

Через четверть часа ветер усилился. Над лесом зависло тёмное облако, и пошёл легкий дождик. Замерзающий журналист начал беспрестанно нажимать на чёрную кнопку, вспоминая азбуку Морзе и пытаясь воспроизвести своё имя.

Прошло минут пять, прежде чем Вирятин услышал высокий укоризненный голос:

– Долго вы здесь ждали, Павел Валентинович? Почему не позвонили, как было условлено?

– Телефон разрядился, – солгал он. – Совсем ещё новый. Не ожидал от него такой подлянки.

Калитка открылась. За ней стояла Ирина Геннадьевна в чёрном платье без рукавов. Её плечи покрывал шоколад ровного загара, привезённого с Багамских островов.

– Проходите! – улыбнулась она.

– Вы? – удивился Вирятин. – Сами?

– Да, решила не посылать Ксюшу, – Дремлюгина оглядела трясущегося журналиста с головы до ног. – Ну, разве можно быть таким рассеянным? А если бы у вас разрядился дикто-

фон перед интервью с губернатором? Что бы вы тогда делали?

– Я здесь таких красивых бабочек видел, – Вирятин постарался перевести тему разговора. – Тёмных с белой каймой. Любовался, пока дождь не начался.

– Да, они красивые, – согласилась Ирина Геннадьевна. – Это траурницы. Я хорошо разбираюсь в местных насекомых.

Вирятин усмехнулся себе в усы: «Траурницы...»

Они пошли к особняку по булыжной дорожке, по краям которой сплошным забором росли невысокие кустики. За ними Вирятин рассмотрел скульптуру, которая изображала всё того же трёхногого животного.

– Мировой осёл из «Бундахишна», – заметив любопытство гостя, пояснила Ирина Геннадьевна. – Это древнеперсидская философия. Сергей Петрович последнее время бредил ей, особенно главкой «О сущности воскрешения». А вот скульптурная композиция дальше – это уже индийский сюжет. Асуры и девы дерутся из-за кувшина с Амритой, напитком бессмертия.

Вирятин увлёкся разглядыванием скульптур и не заметил, как дождик усилился.

– Серёжа заказал эти изваяния полтора года назад, – сказала Дремлюгина. – Не у кого-нибудь, а у лучшего скульптора области.

У неё льняной сарафанчик прилип к телу, причёска сбилась, плечи покрылись мурашками, и в таком виде она казалась намного ближе и человечнее, чем была вчера...

Ирина Геннадьевна дрожала, однако не торопила гостя.

– Всё это мифы о бессмертии. Выходит, Сергей Петрович предчувствовал скорый конец? – спросил Вирятин.

– Да, Серёжа очень любил жизнь. Трясся над своим здоровьем. Последний год только о смерти и говорил, хотя вроде ничем не болел. Получается, предчувствовал. Наверное, потому и увлёкся этими мифами.

– Как может человек предчувствовать смерть, если ничем серьёзным не болеет? – задумался Павел Валентинович.

Вдова в ответ подёрнула плечами:

– Значит, может. Всё! Хватит! Продолжим разговор в гостиной. Я уже совсем промокла и замёрзла.

Она повела гостя к дубовой двери дома, за которым виднелась гладь лесного озера.

– У нас здесь нет наружного бассейна, только внутренний. Так решил Серёжа, ведь он купался в озере до ноября, чуть не до первого льда, – пояснила скороговоркой Дремлюгина.

Особняк с тонированными окнами был построен из охристого итальянского кирпича и покрыт толстыми листами меди, которая ещё не успела помутнеть. Из неё же были сделаны и водосточные трубы...

– Видите: сплошная медь, – сказала Ирина Геннадьевна. – Её он поставил, когда менял кровлю. Мол, вдруг опять рванёт Чернобыль, и ветер принесёт сюда радиацию, как четверть века назад. Сергей Петрович очень её боялся. Все продукты проверял дозиметром.

Она открыла дверь и, проведя Вирятина по винтовой лестнице на второй этаж, пригласила в обширную гостиную.

– Садитесь. Домработница сейчас принесёт сухие рубашки и брюки. У вас с Сергеем Петровичем почти одинаковый рост и размер, так что будет из чего выбрать. Я, кстати, тоже совсем окоченела, хоть была под дождём и меньше, чем вы.

Раздался детский плач, и Ирина Геннадьевна выбежала в коридор. Вскоре в зал вошла служанка с ворохом поношенной одежды.

Вирятину было неприятно надевать вещи недавно погибшего человека, но капризничать не приходилось. Он выбрал шерстяные штаны и фланелевую рубашку потеплее – и, как только прислужница вышла, начал переодеваться.

Хозяйка не торопилась возвращаться. Чтобы избыть время, Павел Валентинович стал рассматривать гостиную, обставленную неожиданно скромно. Не верилось, что это жилище первого богача города Ямова. С зеленовато-серыми шёлковыми обоями почти сливались небольшие графические этюды и застеклённые рамки с реставрированной древней утварью. Неподалёку в застеклённых этажерках стояли лепные глиняные горшки с простым геометрическим орнаментом.

## 4. Странная гостиная

Раздалось цоканье каблучков. В гостиную вошла хозяйка дома в шёлковом траурном платье.

– Извините. Приняла горячий душ и покормила ребёнка, поэтому и задержалась.

Её шею украшало ожерелье из прозрачного голубого камня – под цвет глаз. Павел Валентинович задержал на нём взгляд, что не осталось незамеченным Ириной Геннадьевной.

– Это подарок мужа, – сказала она. – Огромная редкость: голубые бриллианты.

Они сели за дубовый обеденный стол. Служанка принесла горячее вино, и Вирятина окутал запах корицы, чёрного перца и мёда.

– Надо согреться, – улыбнулась ему хозяйка особняка. – Всё-таки осень, а вы долго пробыли под дождём. Я люблю пряные глинтвейны. С перчиком. Не знаю, как вы. Выпьем, пока повар готовит ужин?

Павел Валентинович кивнул:

– Конечно. Пока вас не было, я рассматривал комнату. Здесь те же экспонаты, что и в галерее...

– Я уже говорила вам: это срубная культура. В основном. Серёжа считал, что она как-то связана с индийскими и иранскими мифами о бессмертии. Потому и собирал эти древние

изделия.

– А где ваши жужелицы? – поинтересовался Вирятин.

– Там, куда я никого не пускаю. Это мой интимный уголок, моя спальня. Право посмотреть на них нужно заслужить... но вы даже не надейтесь. Впрочем, хватит о них! Перейдём к делу. Догадываетесь, зачем я вас позвала?

Павел Валентинович опасливо посмотрел на неё и не ответил. Ирина Геннадьевна скривила губы:

– Вы помните статейку об убийстве моего мужа? За что же вы так Серёжу обосрали?

У Вирятина душа ушла в пятки. Ему померещилось, как в гостиную врываются охранники Дремлюгиной. Хозяйка дома снисходительно посмотрела на него.

– Я вас не затем пригласила, чтобы избить. Кстати, мои охранники очень хотели начистить личико вашей Алёне: они Серёжу очень уважали. Я же им запретила марать руки о вашу газетёнку. Решений своих не меняю. Так что не бойтесь: вам ничто не угрожает.

– Чего вы от меня хотите?

– Вы совсем закисли. Вам нужно встряхнуться. Раньше я с удовольствием читала ваши статьи. Почти боготворила ваш талант... но сейчас вас словно подменили.

– Это не меня, а газету подменили. Нас совсем задавили. Ни одного живого слова не допускают.

Ирина Геннадьевна сочувственно улыбнулась Вирятину.

– Я это уже заметила. Соболезную... И ещё, как я знаю, у

вас хотят отобрать криминальный отдел. Я ничего не напутала?

– Вы так хорошо осведомлены, Ирина! – удивился Павел Валентинович.

– Отдел у вас отнимают, но связи ещё остаются, правильно? Вас ведь не забыла Марина Вячеславовна? Та, что всегда давала вам уголовные дела?

– Всё-то вы обо мне знаете! – усмехнулся Вирятин. – Откуда такой интерес к моей персоне?

Дремлюгина словно не расслышала его вопрос.

– Марина Вячеславовна к вам равнодушна. А ведь она симпатичная женщина, и не так давно потеряла мужа. Чего вы тянете? Взяли бы быка за рога.

– Это моя личная жизнь! Говорите по делу.

– Я по делу и говорю. Криминальные темы никуда от вас не денутся. Рекламную серию газете подброшу, потолкую с кем надо – и останетесь редактором отдела хроники и расследований. Как можно скорее поговорю, пока не начался октябрь!

– Я вчера уже пописал новый трудовой договор.

– Подписали? В самом деле? – рассмеялась Дремлюгина. – Это всего лишь бумажка. Долго, что ли, её порвать?

– Мой отдел решили упразднить не просто так, а после звонка губернатора, – грустно сказал Вирятин. – Нашли козла отпущения!

– Ах-ах-ах, губер-бубер, губер-бубер! Какая большая

шишка! – вновь захохотала Ирина Геннадьевна. – Мой «Бальзам», напомним – это стратегический инвестор в регионе. Не только с сетью магазинов, но и со свинокомплексами, с полями кукурузы, люцерны и фуражной пшеницы... а я не просто мажоритарный акционер. Я – фактически его хозяйка. Думаю, губер ко мне прислушается. Сделаю вас и замредактора. Со временем.

– Что я вам буду должен за покровительство?

Вдова внезапно встала из-за стола, поправила на себе платье, а затем стала в нерешительности теревить пальцами бусы из голубых алмазов. Наконец, прервала молчание.

– Как думаете, чем закончится следствие по поводу убийства моего мужа? Эти суки найдут убийц и его голову?

– Голову нет, а преступником кого-нибудь назначат. Упекут в тюрьму какую-нибудь мелочь из чеченской диаспоры. Выискивать зацепки им в лом. Такие у нас правоохранители!

Дремлюгина с симпатией посмотрела на него: нашла единомышленника!

– Вот именно! Эти раздолбаи из следственного управления настоящих убийц не будут искать. В самом деле, кто мог отрезать голову человеку? Конечно же, радикальные муслимы! У бандитов-христиан другой стиль. Такой у следаков ход мысли...

– А вы в эту версию, значит, не верите?

– Не верю, конечно, – согласилась Ирина Геннадьевна. – Хочу найти настоящих убийц, иначе меня так и будут за гла-



за винить в смерти мужа. В предпринимательской среде ведь судят просто: «Кому выгодно?» А кто, по их логике, больше всех был заинтересован в смерти Сергея Петровича? Ясен же пень, наследница! Я, значит, и сговорила с чеченами... И не будет этим скотам дела до того, что я вправду любила Серёжу. Мы, кстати, с ним случайно познакомились. У меня к тому времени уже был свой небольшой бизнес. Я его продала и купила пакет акций «Бальзама». Прочитала, наивная дура, статейки о Кеннете Дарте и воодушевилась. В общем, меня в задницу ужалила романтика гринмейла. Заявилась я на собрание акционеров, начала качать права. Тут Сергей Петрович меня и заметил. Подозвал к себе и шепнул: «Не занимайтесь больше такими вещами! Тут Россия, а не Запад. Быстро голову оторвут». Вот так всё и завертелось. Серёжа был первым, кто увидел во мне не просто красивый кусок мяса... и сделал предложение. И я его полюбила. Он был вроде бы и свой в бандитском мире, но совсем другой: тонкий, красивый, образованный. Очень поэзию русскую любил...

– Насколько я знаю, следствие вас и не подозревает в убийстве мужа.

– Алиби у меня стопудовое. В момент убийства была за границей. В Россию звонила только мужу и родителям. Все мои разговоры записаны. И потом, если бы даже я и захотела убить Серёжу, зачем отрезать голову? Я ж не обдолбанная террористка. Только вот конкурентам и завистникам это не докажешь. Всё равно шушукаются, распускают сплетни.

– Будете сами докапываться до истины?

– Да. Не только чтобы не ходили разговоры о моей якобы причастности. Ещё хочу отомстить. Найду убийц – привезу сюда и живьём разорву на мелкие кусочки. Сама! Своими маникюрными щипчиками!

Дремлюгина вдруг осеклась: в гостиную вошла служанка.

– Ещё глинтвейна?

Ирина Геннадьевна кивнула. Домработница поставила напиток на стол и замерла, ожидая распоряжений. Вирятин чиркнул по ней взглядом. Она была стройной, голубоглазой, с правильным овалом лица, но чересчур слащавыми чертами. Такие физиономии обычно называют «пасхальными яичками».

– Иди уж, Ксюшка! – бросила ей Ирина Геннадьевна. – Скажи повару, чтобы приготовил ужин.

Та угодливо улыбнулась, развернулась и выбежала из гостиной.

– До чего же исполнительная и смышлёная девушка! – ласково сказала ей вслед хозяйка дома. – Были бы все такими.

– Ирина, вы не договорили. Значит, хотите, чтобы я вам помог в расследовании? – спросил Вирятин. – Не проще ли нанять частного детектива?

– Думаете, не нанимала? Толку-то! В Ямове таких нет, пришлось выписывать хлыща из столицы. Расстались быстро. Только бабосы впустую потратила. Вот я и решила обра-

титься не к специалисту, а к человеку со свежим взглядом, не замыленным. Так будете со мной работать?

– Я же согласился сюда приехать. Значит, ждал предложения.

– Спасибо! – воодушевилась Ирина Геннадьевна. – Когда поужинаем, сходим в подвальчик, в Серёжин кабинет. Убили его именно там. Рассмотрим там всё внимательно... но перед этим я вам кое-что покажу.

– Сканы дела? – догадался Вирятин.

– Увы, лишь небольшой его части.

Дремлюгина подвела гостя к настольному компьютеру, незаметно приютившемуся в уголке гостиной.

– Пал Валентинович, из всех документов дела у меня только протокол первого осмотра и Ксюшкино объяснение. Чудом раздобыла даже эти сканы. Покажу наиболее интересные страницы, чтоб вас не утомлять.

– Других бумаг, значит, у вас нет? – удивился Вирятин. – Даже с вашими возможностями не сумели раздобыть?

– Представьте себе! Я не самый влиятельный человек в городе: бабосики у нас значат много, но далеко не всё. Начальник следственного управления не разрешает мне знакомиться с материалами дела. Я ему деньги предлагала, очень хорошие деньги... а он ни в какую. Трясётся за своё место, говорит: «Даже не просите! Покажу, когда следствие закончится, не раньше». Вот буквоед!

## 5. Протокол осмотра

Вирятин сел к компьютеру и стал читать сканы.

*«СООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ»*

*Когда поступило: 14 августа 2010 г. 18.30*

*Откуда поступило: охотхозяйство «Бездушное урочище», загородный дом С.П. Дремлюгина.*

*Сообщила по телефону гр-ка Таратайкина К.В., проживающая в г. Ямове на ул. Августа Бебеля, д. 23, кв. 45 о том, что в особняке, принадлежащем С.П. Дремлюгину, она обнаружила труп хозяина дома с отчленённой головой.*

*Заявление принял дежурный дежурной части ОМ по Ямовскому району Ямовской области мл. лейтенант милиции Ю.И. Гребёнкин».*

*«Мною, следователем следственного управления СК РФ при прокуратуре Ямовской области ст. лейтенантом юстиции Л.К. Юдиным, в 20 ч 05 мин в загородном доме С.П. Дремлюгина в охотхозяйстве «Бездушное урочище» получено объяснение от Таратайкиной Ксении Владимировны 07.10.1985 г.р. Место рождения: г. Ямов Ямовской области. Место жительства: ул. Августа Бебеля, д. 23, кв. 45. Телефон: 8-920-256-13-20. Гражданство: Российская Федерация. Образование: неоконченное высшее. Семейное положение: не замужем, детей нет. Место работы: домработница в семье Дремлюгиных. Документ, удостоверяющий лич-*

ность: паспорт 265 08 № 516298, выдан Ленинского отделом милиции УВД г. Ямова Ямовской области 14.10.2003 г.

## ОБЪЯСНЕНИЕ

В особняке С.П. Дремлюгина работаю с августа 2007 года. Конфликтов с хозяином дома и его супругой у меня не было.

По обстоятельствам произошедшего 14 августа 2010 г. могу пояснить следующее.

Около 16 ч 15 мин С.П. Дремлюгин попросил меня съездить в город, чтобы взять ужин в ресторане «Фаворит», так как повар И.Н. Шуняев заболел гриппом и не мог исполнять свои обязанности.

До ресторана и обратно меня возил водитель С.П. Дремлюгина А.Н. Суравин на принадлежащем ему автомобиле «Рено». Сотрудники заведения могут подтвердить, что около 17 часов я действительно брала у них готовый ужин: они меня хорошо знают.

Вернувшись в особняк, я не нашла хозяина ни в гостиной, ни в кабинете на втором этаже, ни в спальне, которая была открыта настежь. Позвонила охранникам, но они не отозвались.

Тогда я попросила А.Н. Суравина помочь мне выяснить, что случилось. Мы вместе обыскали первый и второй этаж, но не увидели ничего подозрительного, кроме отсутствия Сергея Петровича. Тогда мы продолжили поиски в подвале.

*Я знала, что С.П. Дремлюгин любил уединяться в подвальном кабинете, который называл «потайным», хотя о его существовании было известно и жене Сергея Петровича, и его друзьям, и мне, и водителю, и охране.*

*Дверь в кабинет была закрыта. Изнутри раздавался неприятный запах какой-то химии.*

*Мы с А.Н. Суравиным начали стучать, но никто не отозвался.*

*Будучи домработницей, я располагаю ключами всех помещений особняка, в том числе и подвального кабинета. Открыв дверь, я увидела там труп С.П. Дремлюгина без головы. В том, что это именно его тело, я поняла по одежде, особенностям его фигуры, расположению родинок и шрамов на руках, другим приметам.*

*В милицию я позвонила со своего мобильного телефона, сообщила об убийстве и стала вместе с А.Н. Суравиным ждать прибытия сотрудников правоохранительных органов.*

*Лицо, дающее объяснение: К.В. Таратайкина.*

*Объяснение принял следователь следственного управления СК РФ при прокуратуре Ямовской области ст. лейтенант юстиции Л.К. Юдин».*

*– Гражданка Таратайкина, если не поняли, это Ксюшенька. Та, что нам скоро ужин принесёт, – пояснила Ирина Геннадьевна.*

*– Уже понял, – ответил ей Вирятин и продолжил чтение:*

## *«ПРОТОКОЛ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ*

*Охотхозяйство «Бездушное урочище» Ямовского района  
«14» августа 2010 г.*

*Осмотр начат в 19 ч 45 мин*

*Осмотр окончен в 01 ч 15 мин*

*Следователь следственного управления СК РФ при прокуратуре Ямовской области ст. лейтенант юстиции Л.К. Юдин, получив сообщение от дежурного дежурной части ОМ по Ямовскому району Ямовской области мл. лейтенанта милиции Ю.И. Гребёнкина об убийстве, совершённом с особой жестокостью, прибыл в загородный дом, расположенный в охотхозяйстве «Бездушное урочище» Ямовского района, и в присутствии понятых:*

*1. Костенко Иван Александрович, 24.08.1981 г.р., г. Ямов, ул. Интернациональная, д. 54, кв. 46, тел. 56-81-13.*

*2. Филимонова Ольга Игоревна, 11.04.1986 г.р., г. Ямов, ул. Максима Горького, д. 15, кв. 62, тел. 43-21-33*

*с участием специалистов:*

*1. эксперта-криминалиста эксперта-криминалиста СУ СК РФ при прокуратуре Ямовской области ст. лейтенанта юстиции У.О. Федоткиной,*

*2. врача судебно-медицинского эксперта отдела судебно-медицинской экспертизы трупов ЯОГБУЗ «Бюро судебно-медицинской экспертизы» Д.П. Угольниковца,*

*заявителей:*

*1. водителя А.Н. Суравина, проживающего в г. Ямове на*

*ул. Олега Кошевого, д. 9, кв. 27,*

*2. домработницы К.В. Таратайкиной, проживающей в г. Ямове на ул. Августа Бебеля, д. 23, кв. 45*

*в соответствии со ст. 164, 176 и частями второй-пятой ст. 177 УПК РФ произвел осмотр места происшествия – особняка, принадлежащего С.П. Дремлюгину, и прилегающей территории.*

*Перед началом осмотра участвующим лицам разъяснены их права, ответственность, а также порядок производства осмотра места происшествия.*

*Понятым, кроме того, до начала осмотра разъяснены их права, обязанности и ответственность, предусмотренные ст. 60 УПК РФ.*

*Специалистам Федоткиной Ульяне Олеговне и Угольникову Дмитрию Павловичу разъяснены его права и обязанности, предусмотренные ст. 58 УПК РФ.*

*Лица, участвующие в следственном действии, были заранее предупреждены о применении при производстве следственного действия технических средств: измерительной ленты, лазерного дальномера Bosch, криминалистического чемодана, фотокамеры Nikon, ноутбука Asus, принтера Samsung.*

*Осмотр производился в условиях искусственного освещения.*

*Осмотром установлено:*

*Место осмотра – особняк, расположенный на террито-*



риш охотхозяйства «Бездушное урочище» в Ямовском районе Ямовской области. Длина здания – прямоугольная, длина – 40 м, ширина – 20 м.

Здание дома имеет три входа через двери из толстого металла, украшенные деревянными деталями.

Место преступления (кабинет потерпевшего) находится в подвале, спуск в который осуществляется по винтовой лестнице и при помощи лифта.

Подход к кабинету осуществляется через коридор, ведущий из мастерской к кабинке лифта. Дверь в кабинет дубовая, естественного цвета. На момент осмотра была открыта. При визуальном осмотре повреждений на ней не обнаружено.

С внутренней стороны входная дверь оклеена слоем пробки и имеет один накладной замок на расстоянии 110 см от нижнего края двери, который на момент осмотра видимых повреждений также не имел.

Кабинет прямоугольной формы, размер 8 на 6 м, высота потолка 3,0 м. Освещается люстрой чешского производства с двумя лампами накаливания, расположенной в центральной части потолка. Стены оклеены пробкой толщиной около 5 см. Пол покрыт дубовым паркетом естественного цвета. Окна отсутствуют.

Освещение на момент осмотра исправно. Приводится в действие выключателем, который расположен слева от входной двери на высоте 1,6 м от пола.

На полу по периметру помещения лежат пуфики из верблюжьей кожи, украшенные мехом и арабской вязью.

В центре кабинета располагается деревянный стол с системным блоком чёрного цвета и монитором LG Flatron, визуальных повреждений не имеющими и находящимися в выключенном состоянии, динамиками Sven, клавиатурой черного цвета и манипулятором-мышью также черного цвета. На столе также располагаются пепельница с окурками и две грязные чашки.

Компьютерное кресло обито чёрной кожей. В нём в положении сидя находится обезглавленный труп мужчины крепкого правильного телосложения, удовлетворительного питания. Обе руки свешены по сторонам кресла, ноги слегка разведены и согнуты в тазобедренных и коленных суставах.

Кожные покровы испачканы жидкостью красно-бурого цвета, похожей на кровь. Труп на ощупь в области открытых частей тела (плеч, предплечий, кистей) теплый. Трупное окоченение не выражено. Кости конечностей на ощупь целы. Половые органы развиты правильно. Голова отсутствует.

Температура трупа в прямой кишке, измеренная ртутным медицинским термометром в 20 ч 30 мин составила +35о С, в 21 ч 20 мин +34о С.

На трупе надето:

1. Майка хлопчатобумажная белая, без повреждений. Ткань загрязнена пятнами жидкости красно-бурого цвета.

2. Брюки льняные белые, без повреждений, застегнуты, пуговицы и петли гульфика целы. Ткань сильно загрязнена жидкостью красно-бурого цвета. Карманы пусты.

3. Трусы хлопчатобумажные белые.

4. Домашние тапочки вельветовые на резиновой подошве. Загрязнены жидкостью красно-бурого цвета.

На стенах и на полу не найдено следов борьбы либо повреждений, свидетельствующих об активном сопротивлении потерпевшего.

Пол вокруг кресла испачкан пятнами красно-бурой субстанции, похожей на кровь, и залит прозрачной жидкостью с сильным неприятным запахом.

На полу по всему кабинету имеются следы ног в бахилах, однако возле входной двери их нет.

Место происшествия, труп спереди, справа и слева сфотографированы экспертом-криминалистом.

Следователем Л.К. Юдиным изъяты образцы красно-бурой и прозрачной жидкостей и помещены в отдельные целлофановые пакеты с соответствующими надписями.

Все надписи на упаковках, изъятых с объектов места происшествия, скреплены подписями следователя и понятых.

Труп потерпевшего направлен в морг ЯОГБУЗ «Бюро судебно-медицинской экспертизы» для проведения судебно-медицинской экспертизы».

– Мартышкин труд! – вдруг скривила губы Ирина Генна-

дьевна. – Столько хлопотала, чтобы получить эти сканы, и ничего интересного в этих бумагах не нашла! Но вы всё равно читайте: вам нужно знать подробности. Вдруг заметите какую-нибудь мелочь, и она окажется ключом?

Вирятин вновь взгляделся в монитор, но тут вошла домработница, неся на бронзовом подносе жаркое, свежие ягоды и красное вино.

– Не бог весть, какие разносолы, Пал Валентиныч, – извиняющимся тоном сказала Ирина Геннадьевна. – Зато мясо свежее: тушёные губы лося с брусникой. Вам понравится. Всё из моего охотхозяйства! Лосиху пристрелили этим утром, ягоду собирали вчера. Специально для вас.

Затем она повернулась в сторону служанки:

– Ксюшенька, мы сейчас о тебе читали. О том, как ты нашла тело Серёжи и вызвала полицию.

– Я что-то не так сделала? – насторожилась домработница.

– Нет-нет. Мы сейчас сядем за стол, а ты почитай дело вслух. У Пал Валентиныча уже глаза устали.

Гостиную наполнил звонкий голос Ксении.

*«Вход в правый флигель осуществляется через дверь из толстого металла, отделанную деревом. Открыта в присутствии понятых ключом, предоставленным домработницей К.В. Таратайкиной.»*

*Коридор прямоугольной формы, размером 6 х 2 м, высота потолков – 3,5 м. Освещен бра с одной лампой накаливания. Освещение приводится в действие выключателем бело-*

го цвета, с глянцевой поверхностью.

Пол коридора покрыт паркетом из дуба. Слева расположена дверь, через которую осуществляется вход в помещение охраны, справа – лестница на второй этаж.

Дверь одностворчатая, деревянная, лакированная. С внутренней стороны оклеена слоем пробки и имеет один накладной замок, который на момент осмотра видимых повреждений не имел.

На момент осмотра дверь открыта.

Комната прямоугольной формы, размером 6 х 8 м, высота потолков – 3,5 м. Обои серые с геометрическим рисунком, виниловые. Освещена люстрой, расположенной в центральной части потолка. Выключатель серого цвета, с глянцевой поверхностью.

В стене напротив входа имеется окно, оснащенное тремя стеклопакетами, на момент осмотра закрыто. Стеклопакеты визуальных повреждений не имеют. Под окном расположен компьютерный стол, на котором находится системный блок серого цвета и монитор LG во включенном состоянии, с зависшим меню игры Mass Effect, динамики Sven, клавиатура и манипулятор-мышь серого цвета.

В центре комнаты расположен деревянный обеденный стол и 4 коричневых деревянных стула со спинками и матерчатой обивкой. На столе найдены недопитая бутылка водки «Ямовский извозчик», 8 пустых стаканчиков, 8 бокалов с недопитым соком, пицца, большая миска с салатом,

нож, 8 вилок и 2 пепельницы с окурками. 6 пустых бутылок из-под водки «Ямовский извозчик» поставлены на пол рядом со столом.

У стен по бокам от окна расположены 4 кровати с 4 спящими мужчинами. Верблюжьи одеяла зелёного цвета, предметы одежды и покрывала скомканы и брошены на пол. Рядом с кроватями на полу обнаружено 8 использованных презервативов.

В комнате на втором этаже расположены мониторы охраны, подключённые к системе видеонаблюдения, и компьютеры, ведущие запись видеоданных в реальном времени...»

– Ксения, все коридоры просматривались? – прервал её Вирятин.

– Именно так! – ответила домработница. – И все «глазки» были исправны.

– Как же преступники могли ускользнуть от видеонаблюдения?

– Сама голову ломала. Это выше моего разума.

– Как они попали в кабинет? Взяли твои ключи?

– Нет, – категорично сказала Ксения. – Я ключи прячу. Они лежали там же, где я их положила. На них не нашлось никаких отпечатков, кроме моих.

– Ксения, получается, крови было не так уж и много? Только пятна на полу и одежде? – спросил Павел Валентинович.

– Да, не очень много.

– Куда же она делась?

– Убийцы забрали её с собой... как и голову. По-другому объяснить не могу.

– Запах жидкости для дезинфекции тебе что-нибудь напомним?

Ксения задумалась.

– Больницу, – наконец, сказала она. – Только я не знаю, что это за вещество.

– Как же всё-таки убийцы попали в кабинет и как потом из него вышли? – продолжил её расспрашивать Вирятин.

– Борис Юрьевич считает, что Сергея Петровича убили мордовские духи. Вирь-ава какая-то. Материализовалась в кабинете, а потом и улетучились, – то ли в шутку, то ли всерьёз ответила девушка.

– Не балаболёшь, Ксюша, читай дальше! – цыкнула на неё Ирина Геннадьевна.

Домработница вновь повернулась лицом к монитору.

*«К протоколу прилагаются схема места происшествия, фототаблица. Фотографирование проводилось в ходе осмотра экспертом-криминалистом.*

*Протокол предъявлен для ознакомления всем лицам, участвовавшим в следственном действии. При этом указанным лицам разъяснено их право делать оговоренные и удостоверенные подписями этих лиц замечания, подлежащие внесению в протокол о его дополнении и уточнении.*

*Настоящий протокол составлен в соответствии со ст. 176 и 177 УПК РФ.*

*Следователь: Юдин Л.К.»*

Ксения закончила читать сканы документов, и Ирина Геннадьевна повела Вирятина к винтовой лестнице, ведущей вниз.

– Спустимся в подвальный кабинет, – сказала она. – Его, конечно, осматривали и следователь Юдин со специалистами и понятыми, и потом частный детектив. Проведите осмотр и вы. Вдруг что-нибудь интересное увидите? Вероятность, конечно невелика. Сотая доля процента, но всё же не ноль. Осмотрите комнату, как следует, вспомните всё, что сейчас прочли – и поиграйте в следователя. Допрашивать будете меня. Задайте все вопросы, какие вам придут в голову. Даже те, которые покажутся вам неприличными или дурацкими. Самое главное, не стесняйтесь. Не бойтесь глупо выглядеть: обижаться или смеяться над вами я точно не стану.



## 6. Пробковый кабинет

В подвале особняка располагалась мастерская, где при холодном свете энергосберегающих ламп трудились пять реставраторов. Ими руководил сотрудник управления по охране культурного наследия и памятников старины.

– Это Борис Юрич, доктор исторических наук, – шепнула Дремлюгина. – Днём он у нас белый археолог, а по вечерам и по выходным – чёрный копатель. Хорошо ему плачу, он на меня не в обиде. Пойдёмте дальше!

Подвальный кабинет Сергея Петровича не предназначался для приёма гостей. Стены были отделаны некрашеной пробкой, чтобы хозяин мог наслаждаться тишиной. Мебели – самый минимум: испачканное засохшей кровью кресло, четыре пуфика и стол, на котором стояли запылившийся компьютер, три грязные чашки и пепельница, полная окурков.

Ирина Геннадьевна присела на пуфик недалеко от стола.

– Я запретила слугам здесь убираться. Хочу, чтобы всё оставалось, как в момент смерти Серёжи.

– Запретили? – удивился Вирятин. – Здесь же был разлит раствор для дезинфекции. Рядом трудились реставраторы. Вдыхали вонь...

– Вытерпели же, – ухмыльнулась Ирина Геннадьевна. – Никто из них от работы не отказался. Я им очень хорошие

бабосики плачу. Так что забудьте. Лучше подумайте, зачем убийцы залили труп этим вонючим дерьмом. Как будто у Серёжи была чума!

– Может, он вправду подцепил какую-нибудь заразу, пока вы отдыхали за границей?

– Сомневаюсь. Он ведь не заразил ни Ксению, ни водителя, ни охранников.

– Давайте заглянем в его компьютер, – предложил Вирятин. – Вдруг там найдём ответ?

Ирина Геннадьевна подошла к чёрному пыльному системному блоку и нажала на кнопку Power. Вирятин удивился конфигурации устройства. Старенький Athlon 64 X2 с четырьмя гигабайтами памяти! «Слабоват для миллиардера! – подумал Павел Валентинович. – Впрочем, зачем ему был нужен мощный компьютер? Ведь Сергей Петрович, скорее всего, не увлекался игрушками и не занимался видеомонтажом или 3D-моделированием».

После загрузки BIOS вверху экрана высветилась надпись Not Boot Device Found.

– Диск обнулён, – пояснила Дремлюгина. – Я приглашала специалистов. Информацию восстановить нельзя. Никакими средствами.

– Для чего убийцы стёрли информацию на диске? Что там могло содержаться?

– Если б я знала! Я ведь никогда не заглядывала в компьютер мужа... В этом убийстве вообще очень много странного.

– Ну, да, – согласился Вирятин. – Зачем же они забрали голову с собой? У вас есть какие-то предположения на этот счёт?

– Всю жизнь считала себя неглупой женщиной. Выпутывалась из таких передраг, в которых другие погибли бы. Однако здесь задачка для более крутых мозгов, чем мои. Ничего не понимаю! Сначала думала, что голову Серёжи взяли, чтобы потребовать с меня выкуп... но вот уже почти полтора месяца прошло, а никто не звонит, денег не требует. За что его убили, кому он мешал жить? Он же в бизнес больше двух лет не совался, председателем совета директоров был чисто номинальным, да и с бандитами не ссорился. Они считали его своим, уважали по старой памяти...

– Может, его убили, чтобы отомстить вам?

– Ах да, Серёжу убил кто-то из моих брошенных любовников! – рассмеялась Ирина Геннадьевна. – Спустя пять лет после того, как я вышла за него. Самому не смешно? Давайте лучше не терять время. Осмотрите кабинет!

Вирятин пожал плечами:

– Если специалисты ничего не заметили, что же могу увидеть я?

– Всякое бывает...

Павел Валентинович прошёлся по кабинету, осмотрел стены и пол, но не заметил ничего, кроме бесформенных пятен засохшей крови.

– Убийцы работали в бахилах, – пояснила Дремлюгина.

– И в центре, и возле стен много следов... но рядом с дверью ни одного. Здесь есть другой вход?

– Нет, – уверенно ответила вдова. – Ничего о нём не знаю. Наверное, перед уходом они переобулись в чистые бахилы.

– Неужели преступники не оставили ни отпечатки пальцев, ни волосы, ни чешуйки кожи?

– Криминалисты ничего не нашли. Я же не могла сюда телепортироваться с Багамских островов. Приехала лишь через день после убийства, – вздохнула Ирина Геннадьевна.

– Может, они плохо искали?

– Я приглашала московского частного детектива.

– И он тоже ничего не заметил?

– Нет! – ответила Дремлюгина. – Вот я и отказалась от его услуг.

– Как преступники сюда приехали? Наверняка ведь остались следы шин ...

– Ни менты, ни следователь ничего такого вокруг особняка не заметили.

– Если камеры не видели посторонних людей, значит, убийцы хорошо знали их расположение. Откуда? Служанка не могла быть их сообщницей?

– И её, и водителя допрашивали не только следаки. Я выписывала полиграфолога из Москвы. Он каждого по два часа мучил на трёх детекторах лжи: на «Крисе», Lafayette и «Диане». Это лучшие полиграфы из тех, что я смогла купить. Сама руководила допросом, кстати.

– А начальник охраны? Он не мог быть соучастником? – предположил Вирятин.

– Сомневаюсь. Он, как и я, отдыхал тогда на море. Когда Олег вернулся, я и его проверила на полиграфах.

– Он давно у вас работает?

– Лет двадцать.

– А до этого где трудился?

– В КГБ.

– Наверняка знает, как обманывать детекторы лжи.

– Всё равно не думаю, что он причастен к убийству, – покачала головой Дремлюгина. – Человек проверенный. Правда, в последнее время совсем исхалтурился. В день убийства он с подчинёнными ни разу не связался, хотя должен был их контролировать. Позванивать хотя бы по утрам и вечерам.

– Вы его уволили?

– До сих пор его не простила, но с работы не выгнала. Олег слишком много знает о Серёже и обо мне, чтобы с ним расставаться. Как же он меня тогда благодарил! Туфли целовал, словно египетской царице! Оно и понятно: где он ещё найдёт такую зарплату, как здесь?

– Не наказали? Сергей Петрович погиб по его вине. Если б он позвонил охранникам, убийства могло не случиться.

– По его вине? Бросьте! Ну, позвонил бы он утром охранникам... что бы это изменило? Всё равно бы они вызвали этих девок и дрыхли, когда Серёжу убивали.

– Что случилось с охранниками, которых усыпили про-

ститутки?

– Я их избила Серёжиной тростью. Потом уволила.

– Избили? И они никуда не пожаловались?

– На меня? – изумилась Дремлюгина. – Смеётесь? Они до сих пор надеются, что я их позову назад.

– Следаки допрашивали проституток?

– Которые усыпили охранников? Нет, конечно. Убийцы их увезли неизвестно куда. Девочки в город не вернулись. Это я точно узнала по своим каналам, через знакомых сутенёров. Значит, лежат где-нибудь под лесной подстилкой или на дне болота... Ещё есть вопросы?

Вирятин замялся.

– Вижу, вам больше ничего в голову не приходит, – улыбнулась ему Ирина Геннадьевна. – Может, я и зря вас позвала. Пойдёмте назад!

Когда они вышли из кабинета, хозяйка особняка направилась не в сторону мастерской, а в противоположную. Она подошла к массивной грубой двери из липовых досок, которая смотрелась в этом особняке инородным телом.

– Тут джакузи, русская баня и хамам, – пояснила Дремлюгина. – Вы ведь замёрзли, а я в свою душевую кабинку не могла вас пустить. Поймите правильно: она личная, только для меня. Так что попарьтесь здесь. Я наверху подожду.

– Я бы с радостью, но как-то неудобно отнимать у вас время... – засмутился Вирятин.

– Фигня! Это Натуся, генеральный директор «Бальзама»,

пашет как папа Карло с утра до ночи, а я не загнанная лошадь. У меня на сегодня ничего не запланировано, кроме встречи с вами. Можете смело париться. Пришлю банщика-массажиста. Могу, кстати, и девочку подогнуть.

– Вызвать из города? – немного удивился Павел Валентинович.

– Зачем? – Дремлюгина передёрнула плечами, будто вспомнила что-то очень неприятное. – Вызовы тут не практикуются. Не хватало притащить в дом СПИД или ещё какую-нибудь заразу. У меня здесь постоянно живут служанки специального назначения, нелегалки-мигрантки. Все красивенькие, нежненькие, ухоженные. Есть светленькие, есть смугленькие. Даже таечка и негритяночка имеются. Выбирайте любую. Можно и двух, если хватит сил. Вот, посмотрите!

Она провела Вирятина в комнату отдыха и включила экран со снимками девушек. У каждой были сфотографированы и лицо крупным планом, и обнажённое тело в разных ракурсах.

– Видите, какие у меня девахи? – похвалилась Дремлюгина. – Одна краше другой!

– И любая согласится?

Ирина Геннадьевна посмотрела на Вирятина снисходительно, как на ребёнка:

– Пусть только попробует заартачиться! У меня с ними разговор короткий. Если что не так – сразу выброшу в лес

без копейки денег, без паспорта и без верхней одежды. Поблукает полдня среди осин – станет, как шёлковая... если кабан её не заперет.

– Суровая вы женщина!

– Бизнес заставляет. С одними мосты надо навести, с другими... Чиновничка умаслить, силовичка задобрить, делового партнёра к себе расположить. Не хватало ещё, чтобы какой-нибудь мой план сорвался из-за капризов девки-нелегалки! Все они у меня вышколены, все вымуштрованы. И при этом никаких контактов с внешним миром, никаких левых связей, никакой заразы... Чисты, как слеза: их каждую неделю проверяют врачи. Ну, как насчёт девочки?

– Нет настроения, – сам не понимая почему, сказал Вириятин.

– Если передумаете, скажите банщику.

Ирина Геннадьевна вывела Вириятинна назад в коридор и нажала на кнопку лифта.

– Когда закончите париться, не тащитесь назад через мастерские. Поднимитесь на этом лифте, и окажетесь рядом с гостиной. Видите, как здесь всё продумано! Теперь идите и раздевайтесь, банщик к вам спустится минуты через две-три.

С этими словами Дремлюгина запрыгнула в открывшуюся кабинку.

*Через два часа \**

Когда Вириятин поднялся в гостиную, он увидел Ирину



Геннадьевну, отдыхающую в кресле перед камином. Как и вчера, в картинной галерее, она откинула голову назад и то ли дремала, то ли о чём-то размышляла.

Лишь когда Павел Валентинович почти вплотную к ней подошёл, она открыла глаза, вызвала домработницу и приказала заварить чай. Затем велела ему сесть на диван, рядом с которым стоял журнальный столик, а сама встала и посмотрела в окно.

– Дождь усиливается, – сказала она. – Оставайтесь здесь. Комнату я вам выделю.

– Неудобно как-то... – замялся Вирятин.

– Оставайтесь-оставайтесь! Кстати, что к чаю подать? Что-нибудь сладенькое? У меня готов яблочный пирог и есть дикий лесной мёд. Будете?

Вскоре вошла служанка, поставила на журнальный столик чайник и вазочку с мёдом, разлила чай по чашкам и удалилась. Ирина Геннадьевна села на кресло недалеко от Вирятина и ласково на него посмотрела.

– Так о чём мы договорились? – задушевно спросила она. – О том, что вы мне поможете, правильно? У вас ведь есть поклонница в областной прокуратуре...

– Зачем вам Марина Вячеславовна? – насторожился Вирятин.

– Какой же вы недогадливый! Мне ждать нельзя. Хочу как можно скорее увидеть дело об убийстве мужа.

– Думаете, Марина мне покажет эти бумаги?

– Она ведь давала вам незавершённые дела, – парировала Ирина Геннадьевна. – Даже домой...

– То был слив с согласия прокурора, – ответил Павел Валентинович. – Сейчас же ей придётся действовать на свой страх и риск. Забрать материалы из следственного управления, какие-то объяснения придумать. Это ж убийство не деревенского алкаша, а миллиардера. Дело на особом контроле. Испугается она, откажется.

Ирина Геннадьевна вскочила и начала метаться по комнате. Вирятин безмолвно сидел и в глубине души посмеивался, глядя на её нервные движения и напряжённое лицо.

– Нет, ничего не приходит в голову, – наконец, она вновь села на диван. – Может, Марину Вячеславовну всё-таки удастся уломать?

– Попробуйте... но я-то чем тут могу помочь? – пожал плечами Павел Валентинович.

Дремлюгина округлила и без того огромные глаза:

– Как чем? Вы же с ней друг к другу неровно дышите. Все же знают, что вы её любите. Вам даже притворяться не нужно, ухаживая за ней. Всё будет выглядеть искренне и естественно. Вообще не понимаю вас. Оба одиноки, а жизнь проходит. Ни вам невесты на шею не вешаются, ни ей женихи. Чего тянете? Поженились бы давно... В общем, поухаживайте за ней, вам же она нравится.

– Всё-таки откуда вы узнали о наших отношениях? – стал допытываться Вирятин. – У вас что, шпионы в редакции?

– Откуда-откуда! Я ж не журналистка-халтурщица. К любой беседе хорошо готовлюсь. Это основа успеха... Так чего вы теряетесь, не зовёте Марину Вячеславовну замуж? Она ведь согласится, и вы это понимаете... однако вас что-то останавливает. Бойтесь, что она будет вас попрекать зарплатой?

– Да нет...

– Как тогда объяснить, что вы и от моих девах отказываетесь, и к Марине Вячеславовне не подкатываете? Может, у вас не всё в порядке? Сейчас вот возьму, да проверю!

Ирина Геннадьевна потянулась к поясу его брюк. Вирятин инстинктивно отодвинулся, и она засмеялась, глядя на его ошеломлённое лицо.

– Это я прикололась, Пал Валентиныч! Какой мне интерес? А вот насчёт Марины Вячеславовны подумайте. Не стесняйтесь помощницы прокурора. Поработаете на меня – и денег у вас станет больше, чем у неё. Всё ваши комплексы улетучатся, будто их и не было. Точно вам говорю!

– Заманчиво, конечно. Мне она нравится, да и деньги нужны. Однако не только из-за них я согласился вам помогать. В газете тоска, не к чему применить мои способности... а я ведь в Европе, в Швеции обучался по теме «Журналистское расследование»...

– Всячески сочувствую, – улынулась ему Дремлюгина. – Буду рада, если помогу вам вновь себя раскрыть... но хватит разговоров: пора баиньки.

Комнатку Ирина Геннадьевна выделила темную, с крохотным окошком и двуспальной кроватью. На тумбочке у изголовья лежал планшет.

– Вдруг, какие мысли в голову придут. Сразу же их и запишете, – сказала Дремлюгина. – И потом, туда закачана хорошая библиотека. Можете почитать что-нибудь перед сном. Потом возьмёте планшет себе. Это мой первый подарок. И далеко не последний... если от вас будет польза, конечно.

Перед сном Павел Валентинович начал обдумывать задание Ирины Геннадьевны.

Он давно, очень давно был равнодушен к помощнице прокурора. Это была гремучая смесь дружбы и платонической любви.

Впрочем, она была не совсем платонической, а с примесью мыслей о браке... но тем мерзопакостнее было использовать Марину Вячеславовну – объясняться ей в любви, думая при этом, как вытянуть следственные материалы об убийстве Сергея Дремлюгина.

Это было очень гнусно и подло! Тем не менее, Вирятин решил...

## 7. Разговор в летнем кафе

Следующим утром после планёрки Вирятин закрылся в кабинете от случайных посторонних глаз, вынул из сумки сотовый и минут пять вертел его в руке, не решаясь позвонить помощнице прокурора. Наконец, набрал номер.

– Давненько не объявлялся! – немного удивилась его звонку Марина Вячеславовна. – Я уж и не надеялась.

– Марина, не хотел тебя беспокоить. И ещё стеснялся. Не знал, как ты отнесёшься к моему звонку.

– Может, и правильно делал. Не знаю, как я бы среагировала на твой звонок месяц-другой назад. Юра был каким-никаким, а мужем. Переживала, когда он умер... но сам знаешь: время лечит. Если нужны материалы, заходи. Буду рада.

– Может, сначала встретимся на нейтральной территории? Хотя бы в «Утопии».

– Гдеее? – обомлела помощница прокурора.

– Не лучшее место, конечно... зато тебе туда идти пять минут, и никто нам там не помешает пообщаться.

– Что ж за тайны ты мне хочешь поведать? – игриво спросила Марина Вячеславовна.

– Там и скажу. Придёшь?

Вирятин понимал, что рискованно приглашать немолодую ухоженную женщину в заведение, куда в основном ходит молодёжь, чтобы выпить пива. Тем не менее, Павел Вален-

тинович выбрал именно «Утопию». Уставшей на работе Марине Вячеславовне не надо было тащиться через весь город. При этом туда никогда не заглядывали прокурорские работники. Значит, можно было избежать нежелательных встреч.

Помощница прокурора на минуту задумалась, потом сказала:

– Чёрт с тобой. «Утопия» так «Утопия»!

Поговорив с Мариной Вячеславовной, Павел Валентинович начал с тоской и раздражением дописывать заметку о том, как ямовская милиция разоблачила очередную группу торговцев палёной водкой. Он с трудом выдавливал из себя каждую букву, думая не о статье, а о завтрашней встрече с помощницей прокурора и о вчерашнем разговоре с Дремлюгиной.

Вирятин нисколько не удивлялся тому, что Ирина Геннадьевна не надеялась на следователей и начала сама распутывать преступление: он хорошо помнил историю, которая приключилась с ним двенадцать лет назад.

Тогда, после кризиса 1998 года, большинство жителей Ямова оказались в нищете. Каждый выживал, как мог. Некоторые потерявшие работу горожане стали грабить пригородные дачи. Злоумышленники калечили двери и выдирали решетки из окон садовых домиков, выламывали двери, срезали провода, забирали каркасы парников, алюминиевую посуду и другие изделия из цветного металла, чтобы сдать их в приёмные пункты.

Большинство хозяев обобранных дач не писали заявления в милицию, понимая, что это бессмысленно. Большинство... но только не Вирятин. Он тогда был относительно молод и самонадеян.

Жена Павла Валентиновича увидела печальную картину, приехав посреди зимы на дачу, чтобы взять картошку из погреба. Рядом с домиком лежал её этюдник с красками: воры не поняли их ценность и поленились тащить в город. Замок наружной двери был выломан, а сама она открыта настежь.

Внутри домика все двери были тоже изувечены. Не сохранилось ни одного предмета из цветного металла, кроме упавшего за кровать медного молотка. Пропали парник, чудо-печка, тарелки и вилки, два самовара...

Их пропажа расстроила семью Вирятиных больше всего. Милиция, куда они обратились, вела следствие ни шатко ни валко, преступников искать ленилась... и супруги решили расследовать преступление самостоятельно.

Первым делом Павел Валентинович обратился в ООО «Милосердие», которое владело расположенным недалеко от садового товарищества приемным пунктом цветмета. Его хозяин разрешил незадачливым дачникам обследовать полки с предметами из цветного металла, и на одной из них жена Вирятина самовар – бронзовый, большой и, что самое главное, не повреждённый. Подарочная гравировка на нём не оставляла места для сомнений в том, кому он принадлежал ещё несколько дней назад.

Начальник приёмного пункта без препирательств отдал самовар Павлу Валентиновичу...но тут Вирятины совершили непоправимую ошибку: они сообщили о находке следователю.

Наивная чета надеялась, что милиция поспешит в ООО «Милосердие» и начнёт искать воров. Не тут-то было! Прошёл день, другой, третий... и, наконец, Вирятины отправились туда сами. Работники фирмы, сочувствую их горю, порылись в журнале и нашли имя человека, который сдал самовар.

Так без малейшего участия органов правопорядка был найден преступник. «Детективам» это стоило не только времени и нервов, но и... самовара: следователь изъясил его как вещественное доказательство. На время, разумеется. Потом вернул, но без крана: тот пропал во время перемещений предмета по милицейским коридорам и кабинетам. Найти ему замену Павлу Валентиновичу не удалось до сих пор...

Дописывая ненавистную статью и вспоминая печальную историю о самоваре, Павел Валентинович всё больше и больше погружался в хандру и задумчивость, из которой его вывел телефонный звонок.

Это была не та мелодия, которую Вирятин закрепил за номером Марины Вячеславовны.

Кто же это мог быть? Сумасшедший изобретатель, жаждущий публикации о своём «вечном двигателе»? Обиженный силовиками предприниматель? Житель хрущёвки с протека-



ющей крышей и затопленным подвалом? Въедливый читатель, который нашёл в последнем номере орфографические или фактические ошибки? А вдруг...

«Неужели Ирина?» – подумал он и взял смартфон.

Однако на экране не высветилась надпись «Дремлюгина». Только цифры. Значит, звонил неизвестный человек.

Поколебавшись секунды две, Вирятин нажал на иконку соединения. Раздался мужской голос, бархатный и вкрадчивый.

– Павел Валентинович! Меня зовут Камран. Я представляю курдскую диаспору. Могу ли поговорить с вами не по телефону?

– О чём? – насторожился Вирятин.

Несколько лет назад он расследовал махинации ООО «Рустам». Эта фирма, хозяин которой был курдом, закупила в Калмыкии больше четырёхсот барашков и привезла в Ямовскую область. Ветеринарную экспертизу животные прошли лишь через три месяца после своего прибытия, когда половина их была уже пущена на шашлыки. Пробы крови показали, что все овцы страдали от бруцеллеза. Значит, была больна вся привезённая из Калмыкии партия животных.

Вирятин целый месяц выдерживал психические атаки взбешённых сотрудников фирмы. Работать ему не давали, хорошо хоть не избивали...

Павел Валентинович помнил эту историю во всех деталях, и общаться с Камраном ему совсем не хотелось.

– О чём хотите поговорить? – повторил он свой вопрос.

– Как о чём? – ответил Камран. – О вашей статье. Про выставку в краеведческом музее.

– Чем она вас не устраивает?

– Наоборот, Павел Валентинович! Мы вам очень благодарны за неё. Вы там упомянули Эдвина Грантовского. Могли бы ещё и Олега Вильческого. Оба они считали, что мидяне, а значит, и курды – прямые потомки людей срубной культуры.

«Необычный какой-то курд!» – подумал Вирятин: те члены диаспоры, которых он знал, были людьми невежественными и либо работали в строительном бизнесе, либо держали придорожные кафешки.

– Я не археолог и даже не любитель краеведения. О чём именно вы хотите со мной поговорить?

– Это не телефонный разговор, – ответил Камран. – Давайте встретимся через час в летнем кафе возле площади Ленина. Возьмём пиво и шашлыки...

– Шашлыков не надо! – испуганно сказал Павел Валентинович.

– Хорошо, тогда креветок... и побеседуем за кружкой пива.

### *Через час \**

Когда Вирятин подошёл к открытому кафе, навстречу ему поднялся высокий полноватый мужчина лет сорока. На нём

был льняной костюм и шёлковая белая рубашка. На фоне его дорогой одежды несколько странно смотрелись четыре кружки с разливным пивом, пусть и «Крушовице», и незамысловатая закуска.

Смуглую шею Камрана украшал золотой фаравахар – зороастрийский символ, изображение царя в персидской тиаре с опоясывающим его талию крылатым кольцом. Курд поймал любопытствующий взгляд Вирятина:

– Не удивляйтесь. Я не мусульманин, а езид. У нашей религии много общего с зороастризмом. И я вовсе не строитель, не торговец наркотиками и не хозяин шашлычной, как вы могли подумать, а человек из высшей духовной касты. Работая в идеологическом подразделении Ассоциации общин Курдистана. Я – один из тех, кто приближают день, когда курды обретут собственное государство. Вы что-нибудь знаете о нашей борьбе?

– Слышал, что вы боритесь за автономию, – кивнул Вирятин. – Видел ваши манифестации в защиту Абдуллы Оджалана. Его, кажется, турки посадили в тюрьму.

– Автономия – лишь этап на нашем пути к независимому Курдистану. Думаю, вы это понимаете.

– Конечно. Ваши акции проходили здесь, в Ямове, у железнодорожного вокзала. Я общался с манифестантами, потом написал статью.

– Надеюсь, вы там нас не ругали?

– Нет, конечно, – ответил Вирятин.

Про свою статью о больных овцах он благоразумно промолчал.

– Хотите закурить? – спросил Камран. – Это настоящие Lucky Strike.

Курд вынул из кармана пиджака белую пачку с напоминающим печать синим кружком. Она была уже наполовину пустой.

– Спасибо, двенадцать лет как бросил, – ответил Вириятин. – Не понимаю, чем я могу вам помочь. С турками воевать точно не собираюсь.

– Мы хотим приобрести изделия срубной культуры, – сказал Камран. – Разумеется, не черепки, а что-нибудь более ценное. Для музея истории нашего народа.

– У меня нет никаких артефактов.

– У вас нет, а у Ирины Геннадьевны есть. У неё мы и хотим купить некоторые предметы.

– Не проще ли было сразу обратиться к ней?

– Она нас не любит, – сокрушённо произнёс Камран. – Всех. После того, как наши строители напортачили, возводя новый гипермаркет «Бальзам».

– А я тут чем могу помочь? – пожал плечами Павел Валентинович.

– Не скромничайте. Вы же недавно были у неё в гостях и даже оставались на ночь. Из этого мы делаем вывод, что вы её друг и можете выступить посредником.

– Каким образом?

– Скажите ей при встрече, что мы хотим купить артефакты. В долгу не останемся. Если сделка состоится, то можем, например, организовать для вас поездку в Ирак. Оплатим полностью. Не бойтесь, на курдском севере сейчас безопасно. Вас никто не тронет, зато соберёте много материала для статей, сделаете фотографии. У вас их с грабушками возьмут в Москве и даже за границей.

Вирятин знал об Ираке очень немного и сказал первое, что пришло ему в голову.

– Заманчиво... Смогу ли я посмотреть ворота Иштар?

– Можем, конечно, организовать, но это будет сложно. Развалины Вавилона намного южнее Курдистана. Для вас это выйдет уже не бесплатно... да и небезопасно там. Так что лучше туда не ездить. Поверьте, в Курдистане тоже много интересного. Эрбиль, например. Это один из древнейших городов на Земле. И потом, это же часть территории Мидии – первого в мире государства, созданного иранцами.

– Иранцами? – переспросил Вирятин, помня, что разговор только что шёл об Ираке.

– Ну да, – ответил Камран. – Мидяне – наши предки. Именно они разгромили Ассирию и создали первую империю иранцев. Персы лишь перехватили власть. Теперь понимаете, почему мы мечтаем о возрождении своего государства? Всё ещё чувствуем дыхание древней Мидии. А построили её, напомню, потомки срубной культуры. Той самой, предметы которой я хочу купить у Дремлюгиной.

У Вирятина голова окончательно пошла кругом. Мидяне, персы, курды, ассирийцы, иракский Курдистан, древний Иран, изделия срубников – всё это перемешалось в его сознании и превратилось в подобие каши «Шесть злаков».

– Значит, ваши предки родом из России? – поинтересовался он.

– Тогда ещё не было никакой России, – ответил Камран. – Была великая степь, где жили наши предки. В Авесте она называется «Айриянэм ваэджа» – «Простор ариев»... Но давайте перейдём от слов к делу. Вы мне поможете?

– Конечно, поговорю с Ириной Геннадьевной, – пообещал Павел Валентинович.

## 8. Помощница прокурора

По дороге в кафе «Утопия» Павел Валентинович зашёл в цветочный павильончик, чтобы купить розы. Выбирал долго, но так и не смог понять, какие из них больше подойдут Марине Вячеславовне.

– Помочь вам? – видя отчаяние на его лице, спросила молоденькая продавщица.

– Скажите, какие розы подходят брюнетке с азиатским разрезом глаз. Она немножко на Зету-Джонс похожа. Примерно моего возраста.

– Бордовые, – не задумываясь, ответила девушка.

Кафе мерно покачивалось на мутных волнах Ямовского водохранилища. Это была неказистая и ржавая железная коробка, установленная на понтонах. Забегаловка с допотопными столами – засаленными, покрытыми ожогами от окурков и неразборчивыми письменами, которые вырезали складными ножиками пьяные подростки. Плюс у заведения был всего один: шум волн, разбивающихся о его железные стены, не позволял разобрать речь человека, сидящего дальше, чем в полутора метрах от тебя. Значит, конфиденциальность беседы была почти обеспечена.

Вирятин вбежал сюда минут за пятнадцать до назначенного часа и занял двухместный столик в углу зала, освещённого мертвенным светом энергосберегающих ламп.

– Налейте сто грамм для храбрости! – попросил он подошедшую официантку.

– Водка только ямовская. Восемь сортов: «Лесной охотник», «Степная», «Ямовский извозчик»... Какую хотите?

– Какая лучше?

– Мммм... – замялась официантка и, наконец, честно сказала: – По-моему, все они из одного ведра разлиты.

– Тогда люблю.

– Какую всё-таки?

– Вы же сами сказали, что они разлиты из одного ведра. Значит, люблю... какая на вас больше смотрит.

Он выпил водку одним махом и переставил стаканчик на соседний стол, когда увидел входящую в зал стройную пухлощёкую женщину в лёгком вечернем платье до пят и меховой накидке на плечах. Официантки и посетители косились на её одежду, неподобающе парадную для затрапезной кафешки.

Марина Вячеславовна села напротив Вирятина и впилась в него взглядом, сощуриив и без того узковатые чёрные глаза. В них читалась надежда.

– Атмосферное же местечко ты выбрал, Паша!

– Зато безопасное. Никто нас не услышит.

– Что у тебя за секреты? – рассмеялась она, покосившись на лежащий рядом с Вирятиным букет.

– Чего тебе заказать? – ответил он вопросом на вопрос.

– Решил поиграть в джентльмена? Не стоит, платить бу-



ду я. Не распахивай передо мной павлиний хвост. Помнишь ведь, сколько лет мы знакомы?

– Восемнадцать, кажется... Или семнадцать...

– Вот и будь со мной проще. Зачем пригласил? Просто так посидеть, прошлое вспомнить?

Вирятин не успел ответить: к столику подошла официантка.

– Принесите красное вино и баранину в горшочке, – попросила Марина Вячеславовна, изучив прайс.

– Баранины нет.

– Тогда свиной шашлык. Или эскалоп.

– Мясо закончилось. Вино не подвезли. Есть водка, пиво, котлеты, пельмени, бутерброды...

– Хозяин здесь? – поинтересовалась Марина Вячеславовна.

– Нет. Отъехал.

– Как только прибудет, передайте ему мою визитку.

Она протянула официантке карточку с короткой надписью:

«Багримова Марина Вячеславовна,  
помощник прокурора Ямовской области».

Та на полминуты замерла с удивлённым лицом, потом встрепенулась и куда-то убежала.

Вскоре к столику подошёл высокий кавказец и затараторил извиняющейся скороговоркой:

– Я уже послал сотрудников в гипермаркет за мясом. Ско-

ро будут. Вам шашлык или в горшочке?

– Баранину в горшочке и овощной салат. По две порции. Ещё красное вино. Не слишком дорогое. Чилийское, например, – ответила Марина Вячеславовна.

– Мясо будет через час, не раньше, – предупредил хозяин кафе. – Сами понимаете: на приготовление фырын-кебаба по-турецки нужно время. В идеале два-три часа, но мы ускорим процесс. Хуже выйдет ненамного, даже не заметите... Кстати, не хотите пройти в отдельную кабинку? Зачем вам сидеть в общем зале? Нет-нет, лишних денег с вас не возьму. Может быть, хотите кальян? Или кофе?

– Почему бы и нет! – подняла брови Марина Вячеславовна. – Давайте и то, и другое. Ну, и где ваша кабинка?

Маленькая комнатка была отгорожена от общего зала плотными шторами, а внутри обшита сосновой шалёвкой и залита тёплым светом ламп накаливания. Окно её выходило на водохранилище, по которому бежала вечерняя красная рябь.

Марина Вячеславовна выжидательно смотрела на Вирятина, время от времени чиркая взглядом по букету. Павел Валентинович притронулся было к цветам... но тут в кабинку вошёл хозяин кафе, собственноручно неся на бронзовом подносе две чашки кофе и дымящийся кальян.

Помощница прокурора затянулась дымом с яблочным привкусом, продолжая с любопытством поглядывать на Павла Валентиновича.

– Мы так давно друг друга знаем, Марина! – наконец, сказал Вирятин, привстал и протянул ей розы.

– Да, много лет знакомы! – кивнула она. – И сколько раз друг друга выручали... а вот цветы ты мне даришь впервые.

– Это было моей ошибкой.

– Конечно... – вздохнула Марина Вячеславовна. – Но у тебя есть алиби. И я была замужем, и ты женат... а сейчас видишь, как судьба распорядилась! Оба одиноки...

Павел Валентинович вспомнил день, когда они познакомились. Он тогда был корреспондентом, даже не специальным, а обычным, она же – помощницей прокурора одного из городских районов. Еле заметная искорка проскочила между ними сразу же, как только он впервые вошёл к ней в кабинет.

Вирятин до сих пор не забыл рисунок на её лёгком сарафанчике. Да-да, тогда она была не в форме, хотя и на работе. Вот оно, бесшабашное начало девяностых!

– Мне нравятся ваши статьи. Отличный слог. Вы в любой момент можете так писать или ждёте, когда вас посетит вдохновение? – поинтересовалась она.

Он пригляделся к ней и поразился странному сочетанию азиатских черт лица, чёрных глаз и молочно-белой кожи.

– Журналистам некогда ждать вдохновения, – ответил он.

О чём они говорили дальше в тот день? Этого он вспомнить уже не мог. Впрочем, после этого было ещё столько встреч!

Марина Вячеславовна тоже ударилась в воспоминания. Они вместе стали восстанавливать каждый визит Вирытина к помощнице прокурора. Оказалось, они до сих пор не забыли, кто во что был одет во время этих встреч и о чём говорил.

– Мы всегда друг другу нравились, – сказала Марина Вячеславовна. – Иначе бы не запомнили все эти детали...

Обстановка явно не располагала к тому, чтобы просить у неё дело об обезглавленном бизнесмене. Павел Валентинович вообще не решился бы завести разговор о работе, если бы Багримова сама вдруг не спросила:

– Это правда, что тебя понизили? Действительно отняли криминал? Как глупо с их стороны! Неужели ты ровня этой пигалице – с твоим-то пером, опытом, контактами! Может, тебе помочь, с прокурором поговорить?

– Не надо, Марина. Они передумали. Решили не трогать отдел.

– Осознали ошибку? Значит, криминальный отдел опять у тебя? Ты давно ко мне не заходил, а я тебе кое-какие прикольные дела подобрала! Не сенсации, правда, не жареные факты, но очень колоритные истории. Поглядишь?

– Ещё спрашиваешь!

– Тогда заходи в понедельник в прокуратуру.

– А громких дел, значит, никаких для меня нет?

– Откуда ж они возьмутся в нашей дыре?

– Как же, а убийство Сергея Петровича? Ведь это из-за него я чуть не слетел с должности...

Марина Вячеславовна изменилась в лице.

– Убийство Дремлюгина? У вас ведь уже вышла заметка.

– Хочу копнуть подробнее...

– И без жениха меня оставить? А я ведь только-только планы на будущее стала строить.

– Я тоже, Марина. Также хочу видеть тебя своей женой... но чем мне может навредить это дело?

– Дело об убийстве Дремлюгина? – переспросила Марина Вячеславовна. – Не суйся! Скользкое оно. Не знаю даже, останется ли в живых Ириша.

– Что ей может угрожать?

– Жадность! – усмехнулась помощница прокурора. – Её собственная жадность! В подробности я тебе позже посвящу. В прокуратуре. Заодно дам материалы... но другие, которые Дремлюгиных не касаются. Заходи в понедельник. Где-нибудь после обеда. Пороешься, переснимешь что надо... а потом в конце недели мы сходим в кафешку ещё раз. Только не в эту рыгаловку, конечно.

За окошком уже совсем стемнело. Ветер утих, и спокойная гладь водохранилища отражала жёлтые огоньки Набережной.

– Мне пора! Береги себя, – сказала на прощание Марина Вячеславовна.

## 9. Конференция нейрофизиологов

Воскресная ночь была не по-осеннему тёплой, а отопление в особняке работало во всю мощь – и Ирина Геннадьевна сильно вспотела, пока спала. Проснулась она поздно, скинула с себя одеяло и простынку, приоткрыла форточку – и долго нежилась в постели, ловя кожей лёгкий ласковый ветерок и, от нечего делать, разглядывая коллекцию жуков на стене. Это были десятки застеклённых коробок с сотнями насекомых, приколотых энтомологическими булавками. Некоторые жужелицы выглядели обыденно, привычно для жителя средней полосы России. Другие, приведённые из южных стран, были крупными, яркими и завораживающе красивыми...

Приблизилось время завтрака, и Дремлюгина нажала на кнопку у изголовья кровати.

– Принеси чай прямо сюда! – приказала она вошедшей домработнице. – Что-то не хочется вставать и одеваться. Этот теплячок так приятно меня обдувает... ласкает... как будто у него выросли руки...

«Тяжело же вам даётся траур, Ирина Геннадьевна! Даже ветерок порождает эротические фантазии», – подумала прислужница и осторожно спросила:

– Что подать? Чай, кофе или какао?

– Чай.

– И любимый сыр?

– Какой-нибудь поострее. Только хлеба не надо, а то в тю-лениху превращусь.

– Ирина Геннадьевна, вы к себе слишком строги. Вы ещё очень-очень стройны...

В ответ Дремлюгина ущипнула себя за живот:

– А это что? Не складка? Не лезь не в своё дело, Ксения! У меня, дура, просто костяк тонкий.

Она вскочила, подбежала к антикварному дубовому трюмо и начала вертеться перед ним, долго и придирчиво себя разглядывая. Наконец, облегчённо вздохнула.

– Вот видите! – вновь улыбнулась ей домработница. – Стройности и изящества вам не занимать. А то, что вы не так худы, как пять лет назад, это даже к лучшему. Женственнее и соблазнительнее выглядите.

Ничего не ответив служанке, Ирина Геннадьевна опять прилегла. Домработница отправилась было за чаем, но вдруг остановилась и вновь повернулась лицом к хозяйке:

– Извините, если ещё раз влезу не в своё дело, Ирина Геннадьевна...

– Что такое?

– Может быть, вам это будет интересно? Свежий номер газеты.

– Опять похабная статья? – скривила губы Дремлюгина. – Про кого на это раз? Надеюсь, не про меня?

– Нет, это объявление о мероприятии. Пройдёт через три

с половиной недели в ЯГУ. Принести? Почитайте, пока чай будет разогреваться.

Она выбежала и через минуту вернулась с газетой и небольшим планшетом.

Ирина Геннадьевна взяла номер: «Двенадцатого октября в стенах Ямовского государственного университета начнётся IX Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы клинической нейрофизиологии». Продолжаться будет до пятнадцатого числа того же месяца».

– С чего ты решила, что это мне может быть интересно? – фыркнула Дремлюгина.

– Вам здесь ничего не показалось странным? – спросила домработница.

– Какое мне дело до этого увечного универа!

В ответ служанка протянула хозяйке планшет.

– Вот. Я уже зашла на сайт ЯГУ. Посмотрите имена гостей из Москвы.

Ирина Геннадьевна начала вслух читать программу:

*10:00-10:30. Приветственное слово: Екатерина Львовна Мартынкина, начальник управления образования и науки администрации Ямовской области.*

*10:30-11:00. Приветственное слово: Юрий Викторович Михальский, ректор Ямовского государственного университета.*

*11:00-11:30. Никита Владиславович Петросов (Санкт-Петербург): «Слуховые и зрительные вызванные потенциа-*



лы волны P300».

11:30-12:00. Александр Леонидович Шмаков (Ямов): «Опыт снятия электроэнцефалограмм у эпилептиков».

12:00-12:30. Кофе-брейк.

12.30-13.00. Владимир Фёдорович Моисеев (Ямов): «Природа сознания в работах Томаса Метцингера».

13.00-13.30. Пётр Савельевич Кожемякин (Москва): «Использование наночастиц в технологиях витрификации».

13.30-14.00. Валентин Николаевич Комаров (Москва): «Тренды исследований волны P300 в системе «человек-компьютер»».

14:00-14:30. Антонина Григорьевна Балбекина (Новосибирск): «Нейрофизиология боли».

14.30-15.30. Обед.

15.30-18.30. Работа по секциям.

18.30. Ужин».

– Нуууу? – вопросительно промычала она.

– Фамилия «Кожемякин» вам ничего не говорит? – вкрадчиво спросила домработница.

– Нет! Кто это такой? – встрепенулась Дремлюгина. – Ну-ка, тачи сюда завтрак и мне, и себе! Вместе поедем и поговорим.

Скоро Ксения вернулась с чаем и нарезанным сыром.

– Садись рядом! – скомандовала Ирина Геннадьевна и указала на стул. – Придвинь к моей кровати журнальный столик... а я пока полежу. Мне нравится этот ветерок.

Она бросила в свою чашку сахарозаменитель, размешала чай серебряной ложечкой и придавила служанку к спинке стула тяжёлым испытующим взглядом.

– Так кто такой Кожемякин?

– Разве не помните, Ирина Геннадьевна?

– Нет.

– Ах, да! Простите, запамятовала, что вы тогда отдыхали на Багамах. В общем, летом в наш особняк приезжал нейрофизиолог. За две или три недели до смерти Сергея Петровича. Захотел поохотиться в наших лесах.

– Мало ли у Серёжи бывало всяких гостей! – отмахнулась Дремлюгина.

– Кожемякин тогда второй раз прибыл в Ямов, – начала рассказать Ксения. – И второй раз гостил у нас. Первый визит случился два с половиной года назад, когда Сергей Петрович увлёкся мистикой.

– Как он выглядел, этот Кожемякин?

– Полноватый старичок такой. Ирина Геннадьевна, вы не могли его видеть. Когда он первый раз приезжал в урочище, вы тоже отдыхали за границей.

– Ну, у тебя и память! – покачала головой Дремлюгина. – А через две недели, значит, он в третий раз сюда прибывает?

– Да.

– А ты наблюдательная. И сообразительная. Вот не думала, что такой ценный кадр мне по утрам приносит чашки! Посиди ещё рядом со мной. Допью чай, оденусь – и тогда

пригласишь Сашу.

Ирина Геннадьевна допила чай и перевернулась на спину.

Солнце уже поднялось. В окне был виден его диск, прорезанный ветвями засохшей осины. Порыв ветра распахнул форточку – и в спальню влетела дневная бабочка. Большая траурница с блестящими бордово-коричневыми крыльями, которые обрамлял ободок цвета слоновой кости.

Минут пять она кружила под потолком, затем приземлилась на вспотевшее после горячего чая тело Ирины Геннадьевны.

– Вот бесстыдное насекомое! Куда посмело сесть! Прогнать? – тихо поинтересовалась домработница.

– Подожди! – прошептала в ответ хозяйка.

Она так пролежала ещё минут пять и, наконец, согнала бабочку.

– Ну-ка, позови Сашу и иди отсюда!

Дремлюгина встала, завернулась в пушистый халат и села в кресло. Вскоре в спальню постучался водитель, и она начала его расспрашивать.

– Недели за две до смерти Серёжи здесь гостил нейрофизиолог. Помнишь его?

– Был какой-то старик-учёный, – ответил Александр. – Я его сюда привозил из города. Сергей Петрович приглашал его на охоту.

– И где именно они охотились?

– Не знаю...

– Как? – удивилась Ирина Геннадьевна. – Не помнишь, куда ты их возил?

– За рулём был Сергей Петрович. Для меня места не нашлось.

– И ты мне об этом ничего не сказал?! – возмутилась Дремлюгина.

– Так вы же были на море.

– Ну, и что? Я уже полтора месяца как вернулась.

– Простите, Ирина Геннадьевна! – начал оправдываться водитель. – Закружился, да и не подумал, что это имеет какое-то значение.

– Ближе к делу! – осекла его хозяйка.

– Они тогда много всякой хрени набрали – и палатки, и спальные мешки, и ружья, и маскировочные плащи, и карповые кресла, и рыболовные снасти... Сергей Петрович сказал мне, что машина вся забита скарбом, есть только два места, и потому он сам поведёт.

– Они куда поехали – в сторону города или вглубь леса? – допытывалась Дремлюгина.

– В лес, конечно.

– А когда вернулись?

– К вечеру.

– Свободен!

Как только Александр удалился, Ирина Геннадьевна села к компьютеру, зашла на сайт Ямовского университета, начала читать отчёты о предыдущей конференции и с досады

плюнула в монитор:

«Обычная журналистская тарабарщина. Ничего нет по сути дела! Так зачем всё-таки Серёжа приглашал этого Кожемякина? И куда возил? Если они вернулись к вечеру, для чего им были нужны эти палатки и спальные мешки? А зачем рыбацкие кресла и снасти? В лесу ведь нет карповых прудов...

Для чего ему вообще потребовался нейрофизиолог? Может быть, у Серёжи было какое-то заболевание нервной системы? Но почему он скрывал от меня свой недуг? Не доверял? Неужели он считал меня настолько чужим человеком? Я его любила, и он не мог это не чувствовать и не видеть. Верил мне, отпускал одну на курорты, не боялся, что я ему стану там изменять. Опять же, управление бизнесом не побоялся доверить мне и моей Натусе.

И потом, зачем приглашать нейрофизиолога сюда? Не лучше ли было поехать в Москву: там диагностическая аппаратура лучше. Он же почему-то потащил столичного специалиста в лесной особняк. На какую-то непонятную охоту.

Нет, дело не в болезни нервной системы. Наверное, у них выявились общие увлечения, и Серёжа повёз Кожемякина за древними артефактами. Может быть, хотел показать ему остатки какого-то поселения. Но зачем было делать из этого тайну, отказываться от услуг водителя и охранников?

Ну и, наконец, эти конференции. В Ямов нейрофизиолога приглашал вовсе не Серёжа, а ректор университета. Он ведь

организовывал мероприятия. Но какой смысл проводить их в нашей дыре?»»

Ирина Геннадьевна поняла, что с наскока распутать новый клубок загадок не удастся, вздохнула и нажала на кнопку вызова:

– Ксения, пригласи ко мне Олега!

## 10. В прокуратуре

Вирятин долго искал клочок земли, где можно было бы пристроить свою старенькую «Нексию». Машин – пруд пруди. Все пригодные для парковки места заняты. И слева, возле двухэтажного кирпичного здания бывшего реального училища, сейчас областной прокуратуры. И справа, рядом с грандиозным новостроем в духе дворцов «новых русских», где размещалась епархия. И впереди, неподалёку от городского пляжа, где в этот тёплый осенний день проходили состязания по волейболу на открытом воздухе...

Наконец, Вирятин всё-таки извернулся и воткнулся между автомобилями, чуть не задев чей-то «Логан». Отдышался и включил почитаемый им рок семидесятых. Лишь когда в динамиках погасли последние ноты блюза «С тех пор, как люблю тебя», он выключил зажигание и вышел из машины.

Павел Валентинович поднялся к «вертушке» по лестнице с хромированными перилами.

– Вы к кому? – спросил его скучающий охранник.

– К Марине Вячеславовне. Она разве не предупреждала? Тот нехотя пропустил Вирятина.

Помощница прокурора ждала гостя, сидя за компьютером в тесном кабинетике, столы которого были завалены папками и глянцевыми журналами. Как только он вошёл, она сразу же включила электрический чайник и убежала мыть чашки,

оставив Павла Валентиновича одного.

Он сел возле неработающего вентилятора и начал просматривать надписи на папках, но не нашёл ни одной, которая намекала бы на дело об убийстве Сергея Петровича Дремлюгина. «Наверное, Марина его не взяла», – с досадой подумал он.

Вскоре вернулась помощница прокурора, бросила в чашки пакетики и разлила кипяток.

– У меня есть и кое-что к чаю, – сказала она.

Марина Вячеславовна взяла из шкафчика пузатую баночку с начавшим засахариваться мёдом – белым, зеленовато-желтоватым, настоящим липовым. Этот гостинец прислали ей ещё летом из соседней области, но она его не трогала, хранила специально для Вирятина – на тот случай, если он вдруг заглянет. Берегла, хотя и не ожидала, что Павел Валентинович сделает ей предложение: зная его характер, она думала, что он будет тянуть до самой смерти...

– Паша, не надо класть липовый мёд в чай. Это не сахар, – предупредила его Марина Вячеславовна, вынимая мокрый пакетик из своей чашки. – Можешь брать прямо из банки, как я. Уж кем-кем, а тобой я не брезгую. Надеюсь, ты мной тоже?

Вирятин радовался, чувствуя на себе тёплый взгляд помощницы прокурора. Ему совсем не хотелось говорить с ней о смерти Дремлюгина. Лишь сделав над собой усилие, он стеснительно попросил:



– Марина, порадуешь меня делом об убийстве Сергея Петровича?

– Я тебе уже всё сказала. Не дам. Ириша ведь разделит судьбу мужа, и очень скоро...

– Почему ты так считаешь, Марина?

– Не только я, но и следаки тоже. Два с половиной года назад Дремлюгин продал пятнадцать процентов капитала «Бальзама». Перечислил он эти деньги непонятно кому через фирмы-прокладки. Иришу это заедает. Мало ей контрольного пакета! Погубит её жадность. Отчекрыжат и её голову, вот увидишь.

– Кто? У тебя есть догадки?

– Те же, кто убили Сергея Петровича, – ответила она, с загадочной улыбкой облизала ложку и добавила. – У следаков на этот счёт однозначное мнение, и я с ним согласна. Это чеченцы сделали, их почерк!

– Зачем это им потребовалось? Дремлюгин не воевал в Чечне и российскую операцию не спонсировал.

– Не воевал, конечно... но с кадыровскими у него были общие интересы. Вот его диаспора и возненавидела. В ней же полно тайных сторонников вольной Ичкерии. Может, не все там такие, но через одного точно... В общем, Паша, не суйся в это дело.

– Не буду.

Марина Вячеславовна облегчённо выдохнула:

– Правильно! Дело даже не проси. Не хочу тебя потерять.

Для меня это будет страшная травма. Я больше всего на свете боюсь, что останусь одна на старости лет. Ведь у меня нет детей, и позаботиться обо мне будет некому.

Вирятин грустно и понимающе посмотрел на неё.

– Обо мне тоже...

– Мы друг другу нужны, Паша! И мы не в том возрасте, чтобы лезть на амбразуру. Тебя ведь сохранили должность. Чего тебе ещё надо? Умерь журналистское любопытство!

– Конечно, Марина, – успокоил её Вирятин.

– Вот, смотри, – улыбнулась она, указав на одну из папок. – Тракторист Иван Васильевич убил сына. Пальцем от гусеницы трактора. Виноват оказался покойный сторож Репин. Как тебе? Такую заметку и в Москве у тебя купят не глядя.

– Скорее решат, что это выдумка, – хмыкнул Вирятин.

– Что ты! Какая выдумка? Я сама была на месте преступления. Вот же дело!

– Марина, ты это редакторам и читателям объясни. Им ведь дело не покажешь.

– Неужели не возьмёшь?

– Возьму, конечно, – ответил Вирятин. – Рассказывай...

Двенадцать лет назад поздней осенью Марина Вячеславовна выехала в село Большая Криуша, где был убит сторож совхоза «Правда» Алексей Репин. Нашли преступника быстро. Им оказался Костя Дробышев, парень семнадцати лет.

Багримова забыла об этом случае и вспомнила о нём лишь

через одиннадцать лет, когда в очередной оперативной сводке УВД увидела информацию об убийстве в селе Большая Криуша молодого человека престарелым отцом. Она взяла в руки материалы дела, открыла случайную страницу и увидела показания старика.

Да, это была та самая семья! Константин пробыл в колонии десять лет и вернулся в родное село. Он не стал устраиваться на работу, а и деньги на еду и на выпивки брал родителей. В прямом смысле выколачивал их, избивая мать или отца. За три года он промотал почти все, что скопили Иван Васильевич и Елена Сергеевна Дробышевы.

Отец не выдержал, когда сын в очередной раз бросился на него с кулаками. Он схватил палец от гусеницы трактора, которым толок в ступе табак, и ударил сына по голове. Затем сам пошел к участковому и признался: «Я убил сына»...

– Вот такая история! – сказала Марина Вячеславовна и начала листать странички дела, ища подчёркнутые карандашом фразы.

– Видишь, как бывает, Паша! – продолжила она. – Судьи этого «Ивана Грозного» фактически простили. Вот смотри: «Суд, учитывая обстоятельства дела и раскаяние подсудимого, счел возможным не лишать Дробышева И.В. свободы, применив к нему условное наказание».

– Любопытно...

– Значит, возьмёшь дело? – ещё раз спросила помощница прокурора.

– Конечно. Что у тебя ещё?

– Подборка дел о тещеобидчиках. Их судьи пожалели, как и Ивана Васильевича. Приговоры тоже выносили мягкие, щадящие. Все как под копирку. Мужики избили тещ и получили тоже по году условно.

– Марина, а на меня твоя мама не заявит, если я вдруг разбушуюсь? – в шутку спросил Вирятин.

– Моя мама умерла, так что у тебя не будет тёщи, – ответила Марина Вячеславовна. – Разве не знал?

– Ты не говорила.

– Теперь будешь знать. Продолжим?

– Ты мне всё показываешь дела давно минувших дней. Неужели нет ничего посвежее?

– Есть. В одной деревне старушке-самогонщице разбили голову трёхлитровой банкой с первачом. Следствие ещё в самом разгаре, поэтому дело не у меня. Придётся идти в управление.

Помощница прокурора встала и вытащила из шкафчика кожаную куртку – иссиня-чёрную, под цвет её глаз и волос.

– Вставай, Паша! – сказала она, набирая номер следователя. – Пошли-пошли! Управление недалеко отсюда. До него меньше квартала.

*Спустя двадцать минут \**

Кругленький следователь с похожей на улыбчивую тыкву головой рассказывал гостям драматическую историю так,

будто это был анекдот.

– Ворвались они, значит, к старухе, изнасиловали и стали требовать деньги... а потом младший брат схватил трёхлитровую банку с первачом и, представляете, не пожалел напиток. Саданул старушке прямо по голове. Банка разбилась. На полу – «Кровавая Мэри». Только не с томатным соком, а с настоящей кровью!

– Ужас-ужас... Совсем для жёлтой прессы! – отмахнулся Вирятин, однако диктофон не выключил.

– Тут самое прикольное вот что, – сказал следователь. – Это фамилия злоумышленников-алкашей. Вот же материалы дела. Читайте сами. Ужастов<sup>1</sup> Владимир, 1974 года рождения. Ужастов Николай, 1979 года. Ещё несколько Ужастовых... но это уже не подозреваемые, а свидетели и потерпевшие...

– Паша, неужто не возьмёшь? – вмешалась в их разговор помощница прокурора.

– Марина, мне всё пригодится... но по этому делу я статью писать не буду, отдам Алёне. Для неё такая история – в самый раз.

– Той Алёне, что чуть тебя не подсидела? – спросила Багримова.

– Теперь она трудится под моим началом. Красивая нор-

---

<sup>1</sup> Похождения братьев Ужастовых – история подлинная. Их преступления расследовались Тамбовской областной прокуратурой. Фамилия фигурантов дела в романе не изменена.

вистая девочка. С гонором, с бойким пером, но почти без опыта. Пусть потренируется на самогонных банках! – засмеялся Павел Валентинович...

Они покинули следственное управление и вернулись в кабинет помощницы прокурора. Марина Вячеславовна начала разбирать на столе. Павел Валентинович присел и стал за ней наблюдать.

В одну стопочку она сложила папки для Вирятина, в другую остальные, а в третью – модные журналы, которые любила просматривать, когда скучала на работе. Открыла последний номер VOGUE, долго смотрела неподвижными глазами на изображение какой-то заокеанской красавицы и вздохнула:

– А ведь мы по сравнению с ними сущие бомжи.

– По сравнению с кем? С оффотошопленными портретами моделей?

Марина Вячеславовна словно его не расслышала.

– Бомжи... – прошептала она. – Да-да, бомжи! Совсем о них забыла.

– Дело о бомжах хочешь мне дать?

– Никакое это не дело, – ответила Багримова. – Мы не стали его возбуждать: мало ли какие глюки могут завестись в головах у бездомной алкашни. Забавный случай, хотя не стоит о нём писать. В общем, бомжи со свалки написали в прокуратуру жалобу, что их кто-то похищает. Мол, уходит человек утром искать цветной металл или воровать картош-

ку у дачников, а вечером не возвращается в свою кибитку. Вот бумажка, глянь.

– И прокуратура никак не отреагировала на жалобу? – удивился Павел Валентинович.

– А на что реагировать? У подателей жалобы даже паспортов не оказалось. Сами никто, и звать никак. Прокурорские отмахнулись: мол, допились бедняги до «белки», вот им и мерещатся то ли черти, то ли похитители. Хочешь, посмотри бумажку.

Вирятин взял страничку из ученической тетради с то ли промокшим от дождя, то ли обоссанным уголком. Под заявлением стояли непонятные закорючки, мало похожие на подписи. Тем не менее, сам текст был разборчивым:

*«Прокурору Ямовской области  
Алексею Константиновичу Толкунову  
от жителей городской свалки  
близ Рождественских прудов  
ЗАЯВЛЕНИЕ*

*Боимся ходить в дальнюю лесополосу. Там похищают людей. По вечерам, когда смеркается. Стариков не трогают. Берут тех, кто помоложе. Уже восьмерых не досчитались. Уходят в лесополосу и не возвращаются.*

*Спасите нас!»*

– Господи, что они там пьют? Или курят? – усмехнулась Марина Вячеславовна.

– Возьму этот сюжет! – ответил ей Вирятин. – Стосковал-

ся по журналистским расследованиям. Вдруг что-нибудь интересное или прикольное раскопаю?

– Не надо, Паша! Грешно смеяться над теми, кто выброшен из жизни.



## 11. Разговор с начальником охраны

Дремлюгина уничижительно смотрела на вытянувшегося по стойке «смирно» начальника охраны. Её холодные, кристально-голубые глаза были наполнены таким презрением, что Олега охватило желание превратиться с пылинку и улететь из дому. Неважно куда, лишь бы подальше отсюда...

«Чем я провинился? Что сделал не так? Сказала бы хоть что-нибудь!» – думал он. Причины опасаться у него были, ведь в день смерти Сергея Петровича его подчинённых усыпили проститутки, а он об этом узнал, только когда вернулся в Ямов.

Ирина Геннадьевна тогда выгнала всех охранников, но его оставила на службе. Даже сохранила ему всю зарплату, но Олег чувствовал висящую над ним угрозу. Сейчас он напряжённо и выжидательно смотрел на хозяйку.

Та молчала, не отводя от него тяжелого леденящего взгляда.

Прошла минута... Другая... Третья...

У начальника охраны начали сдавать нервы.

– Какой у тебя оклад? – наконец, спросила Дремлюгина.

Опасения Олега подтвердились, и бывший кэгебэшник промямлил:

– Восемь тысяч рублей, Ирина Геннадьевна!

– А в «конвертике» сколько получаешь?

– Сто тысяч каждый месяц.

– Итого сто восемь, правильно? Неплохие бабосики я тебе плачу! Ты ведь у меня не только начальник охраны, но и фактически домоправитель. Правильно?

– Так точно! – напрягся он.

– А теперь вот что объясни. Почему о будущей конференции нейрофизиологов я узнала не от тебя, а от домработницы?

– Не придал значение, Ирина Геннадьевна. Виноват!

– Итак, в Ямов уже третий раз придет Кожемякин. Знаменитый нейрофизиолог, между прочим. Ты об этом знал?

– Да.

– Почему не задумался, что с какой стати столичное светило зачастило в нашу дыру?

– Он же придет на конференцию. Мало ли здесь всяких научных мероприятий у нас проводится! Зайдите на сайт ЯГУ...

– Уже заходила. Смотрела план. Вот он.

Она развернула монитор к начальнику охраны:

*«XV Международная научно-практическая конференция «Экология языка и речи».*

*VI Межрегиональная научно-практическая конференция «Исследования природных и антропогенных систем».*

*Форсайт-кемп «Интеллектуальный ответ на мировые вызовы».*

*IX Международная научно-практическая конференция*

*«Актуальные вопросы клинической нейрофизиологии».*

*У межрегиональная конференция «Актуальные проблемы уголовного права»*

*Форсайт-кемп «Мотивации и компетенции».*

– Почти всё это, Олег, пустопорожняя болтология, – скривила губы Ирина Геннадьевна. – Она меня бесит... особенно эти мотивации с компетенциями. А вот конференции по нейрофизиологии, наоборот, заставили задуматься. В Ямове такая мощная научная школа?

– Едва ли, – настороженно сказал начальник охраны.

– Никаких исследований в области нейрофизиологии здесь не ведётся. С какой стати, повторяю вопрос, у нас планируется третья конференция за два с половиной года?

– Не знаю... – растерянно произнёс.

– А надо было задаться этим вопросом!

– Простите, Ирина Геннадьевна! Моё упущение.

– Вот заладил! А домработница почему-то им задумалась... хотя тебе я плачу сто восемь тысяч, а ей – всего двадцать. Это несправедливо, согласишься.

– Мммм...

– Не мычи, Олег!

Она нажала на кнопку вызова. Через минуту вбежала Ксения и вытянулась рядом с начальником охраны.

– Вот я и решила, Олег, двадцать пять тысяч из твоего конвертика отдать ей и назначить домоправительницей, – продолжила Ирина Геннадьевна. – Не обижайся, так будет

правильнее. Ксения, ты согласна?

Та молча кивнула, боясь сказать лишнее.

– В чём моя вина?! – взвился начальник охраны.

– Я уже тебе сказала... Кстати, Кожемякин два раза гостил в этом особняке. Ты об этом знал?

– Да.

– Выяснил, зачем сюда он приезжал?

– В последний раз Сергей Петрович приглашал его на охоту.

– Нейрофизиолога? – с усмешкой спросила Дремлюгина. – С какой стати? Это что, важный деловой партнёр, начальник полиции или крупный чиновник? И где конкретно они охотились?

– Не могу знать, – ответил Олег.

– Так за что же я тебе плачу сто восемь тысяч в месяц?

– Сашу надо спросить, куда они ездили.

– Значит, ты у него даже не поинтересовался? Поговорить с Сашей я уже сама догадалась. Без твоей помощи. И вот что выяснила: Серёжа сам был за рулём, когда они отправились на охоту. Сам! Почему ты мне об этом не доложил?

– Виноват.

– Они выезжали из леса?

– Наверное, нет, – неуверенно сказал начальник охраны. – На выезде стоят наши видеокамеры. Всё передаётся и записывается на компьютер.

– Значит, не выезжали?

– Нет... по-видимому...

– Так «по-видимому» или «нет»? – издевательски спросила Дремлюгина.

– Не знаю...

– Теперь объясни, почему Серёжа перед отъездом на охоту завалил хламом задние места в салоне внедорожника. Зачем были нужны палатки и спальные мешки людям, которые едут охотиться всего на день? А зачем им требовались карповые кресла и снасти? Ведь в лесу нет прудов, там только озёра и болота с карасями.

– Не знаю, – повторил Олег.

– А если подумать?

Начальник охраны молча пожал плечами.

– Дурак! – взвилась Дремлюгина. – Затем, чтобы Саше руль не давать! Чтоб самому вести машину. Под благовидным предлогом: мол, в салоне нет места.

– Наверное, так.

– Значит, Серёжа уезжал непонятно куда и непонятно зачем с каким-то хреном?

– Это не хрен, а московское светило, – поправил её начальник охраны.

– Знаю... Ты мне ещё перечишь? – прошипела Дремлюгина.

– Он же не преступник, а всемирно известный учёный, – продолжил настаивать Олег.

– Он-то учёный, а вот ты дурак... правда, пока ещё не

всемирно известный! Хоть понимаешь, что в лесу их могли подстеречь грабители?

– В урочище сейчас нет разбойников, – попытался отшутиться начальник охраны.

– Не идиотничай, Олег! – осекла его Ирина Геннадьевна.

– Но ведь никто же на них не напал.

– Это не твоя заслуга, идиот! Просто везение. К тому же, в лесу хватает и других опасностей. Серёжа мог выстрелить, скажем, в зайца, и случайно попасть в нейрофизиолога. Или наоборот... Это возможно?

– Да, такое иногда случается на охоте, – согласился Олег.

– И ещё кабан мог на них наброситься...

– Маловероятно.

– Но всё-таки представимо, правильно? – сердито спросила Дремлюгина. – Охрана же не только не берегла Серёжу и нейрофизиолога, но и даже не знала, где они. Почему не был послан второй автомобиль следом за ними?

– Готов понести наказание, Ирина Геннадьевна!

– И понесёшь. В общем, Олег, я сегодня добрая. Увольнять не стану. Оштрафую на пятьдесят тысяч за невыполнение прямых обязанностей. Деньги отдам Ксюшеньке.

Домработница, которая до этого молчала с каменным лицом, теперь расплылась в улыбке.

– Мне оставите всего двадцать пять, значит? – досадливо сморщил лицо Олег.

– Да. В сентябре, – кивнула Дремлюгина. – Потом будешь

получать семьдесят пять в конверте. И не морщись! Всё равно в Ямове лучше зарплату не найдёшь. Да и в столице тоже, хотя кому ты там нужен. Понял, за что я тебя наказала?

Начальник охраны побагровел и что-то невразумительно промычал.

– За риск, которому ты подверг жизнь Серёжи, – стала его отчитывать Ирина Геннадьевна. – И нейрофизиолога, кстати, тоже. Он же старенький. Вдруг у него случился бы инфаркт?

– Но ведь меня не было в России. Я отдыхал на море.

– Всё равно должен был контролировать ситуацию. Звонить своим подчинённым по три раза в день.

– Но ведь Сергей Петрович и Кожемякин вернулись невредимыми, – продолжил оправдываться Олег.

– Однако через две с половиной недели Серёжа погиб. Твоё счастье, что тебя не было тогда в доме. Кстати, ещё неизвестно, не связана ли его смерть с этой «охотой». Что они тогда привезли домой? Кабана подстрелили? Или косулю? Или зайца, на худой конец?

– Ничего.

– Знаю! – ехидно произнесла Дремлюгина. – В общем, хочешь остаться на своём месте – исправляй ошибки. Мне нужны точные ответы на все вопросы, которые сейчас тебе задала. Как ты их найдёшь, не моя забота. Вот так, Олег! И ещё подумай, как это светило сюда ещё раз заманить. Он ведь скоро опять приедет.

– Зачем он вам?

– Ты что, нарочно идиотом прикидываешься? Сделаешь вот что. Отвезёшь на охоту или на рыбалку, или куда он ещё захочет. Подпойши, подложишь девочку. Вдруг этот Кожемякин что-нибудь интересное ей расскажет? Запиши, а то забудешь! Пиши-пиши, тупица: надо подпойть и подложить девочку. Какую помышлённее. Понял? И почему я, бедная, должна тебе всё разжёвывать, как ребёнку?

– Обижаете, Ирина Геннадьевна! Всё сделаю в наилучшем виде.

– Очень надеюсь. Свободен!

Начальник охраны вышел, весь красный от подскочившего давления. Дремлюгина устало посмотрела на новоиспечённую домоправительницу.

– Ну что, справишься с новой ролью? – спросила она.

– Конечно, Ирина Геннадьевна! Только можно по-прежнему вам еду приносить?

– Зачем? Наймём новую домработницу.

– Нет для меня большей радости, чем быть рядом с вами и вам прислуживать, – ответила Ксения.

«Доступ к телу тебе нужен, шельма! Что ж, пусть будет по-твоему», – решила Дремлюгина и приказала:

– Тогда прямо сейчас принеси коньячку и каких-нибудь фруктов. Выпьем вместе. Я вся дрожу после разговора с этим старым идиотом. Нервы уже никуда. Как же довели меня эти тупари!



– Простите, Ирина Геннадьевна, но не только в тупарях дело, – вкрадчиво сказала Ксения. – Ещё и руки ветра...

– Ты на что намекаешь?

– Зачем вы над собой издеваетесь? Вы же мучаетесь, это видно!

Дремлюгина сразу догадалась, что имеет в виду Ксения. «Неужели всё так заметно? – испугалась она. – Неужели я настолько не умею подавлять инстинкты и скрывать желания? Впрочем, чего тут постыдного? Я же ещё молодая, гормоны играют...»

– Так положено, дура! – бросила она. – Траур у меня. Со дня Серёжиной смерти сколько прошло времени?

– Мы же недавно сорок дней справляли. Полтора месяца прошли, значит.

– Всего лишь! – усмехнулась Дремлюгина.

– Вы, Ирина Геннадьевна, женщина темпераментная. Любите это дело. Для вас и полтора месяца много. От воздержания у вас и иммунитет может снизиться, и ясность ума помутиться. А вы, как-никак, член совета директоров. Скоро председателем станете. Мужичок вам нужен для здоровья и душевного равновесия.

– Ты на что меня подбиваешь?! – рассердилась её хозяйка. – Я дала себе зарок год не заводить любовников.

– Я о другом...

– Советуешь выйти замуж? – хмыкнула Дремлюгина. – Тем более не стану.

– Я разве про мужа? Привести вам мальчика?

– То есть, любовника? Я же сказала: нет.

– Ну, какой же это любовник? Это ваша собственность...

можно сказать, домашний питомец, – прошептала Ксения.

– Чтоооо? – выкатила на неё глаза Ирина Геннадьевна. –

Какая ещё собственность? Ишь, язык распустила!

– А кто ж они? Вы ведь приобрели этих нелегалов и нелегалок.

– Думай, что говоришь! – зашипела на неё Дремлюгина. –

Я их не покупаю, а выкупаю из рабства. Сутенёры их эксплуатируют в хвост и гриву, заставляют обслуживать по десять клиентов в день. У половины был бы уже СПИД, если б я их не спасла. Я же этих девочек и мальчиков холю, берегу, работой не утруждаю. Только на питание каждого трачу две средние зарплаты в месяц. Ещё столько же – на косметику. Медицина для них – по высшему разряду. Украшения настоящие – золото и камешки, не бижутерия какая-нибудь... а ты... Как ты смеешь!

Дремлюгина покраснела и задрожала от раздражения.

«Однако паспорта вы им не даёте. Держите взаперти, под охраной. Телефонами и интернетом пользоваться не разрешаете...» – подумала домохозяйка, но, разумеется, ничего такого не сказала.

– Кто ж сомневается в вашем благородстве, Ирина Геннадьевна? Не осуждаю вас нисколько. Наоборот, хочу помочь. Нет в том греха и осквернения памяти о Сергее Петровиче.

Позвоните отцу Афанасию. Он скажет вам то же, что и я.

– Не буду никому звонить. Иди с глаз долой!

Дремлюгина посмотрела на неё так гневно, что Ксения была готова съёжиться до размеров атомного ядра. С испуганным лицом она выбежала из комнаты.

Ирина Геннадьевна тут же схватила телефон:

– Святой отец! Узнали меня?

– Как же вас не узнать, благодетельница наша!

– Порадуйтесь за меня, святой отец! У меня теперь уже шестьдесят один процент капитала «Бальзама». Плюс Серёжины банковские счета.

– Знаю, знаю, дочь моя...

– Не нужна ли помощь святой равноапостольной?

Отец Афанасий думал полминуты, потом елейно произнёс:

– Благодетельница наша! У нас ремонт храма в Первомайском застопорился и церковка в Боголюбове строиться перестала. Кризис... а ведь тамошние верующие ждут не дождутся...

– Подкину вам денег, – ответила Ирина Геннадьевна. – Только мне нужен прямой ответ на прямой вопрос... касательно моего траура...

## 12. Ужасная ночь братьев Ужастовых

За последние десять лет в кабинете шефа ничего не изменилось. Стена напротив окна была завешана грамотами и благодарственными письмами, которые редакция получала от областной думы, администрации и территориальных управлений федеральных ведомств. На другой висели портреты Путина и Медведева, а под ними располагался кондовый дубовый стол, сохранившийся со времён Брежнева, если не Хрущёва. Он переходил от одного главного редактора к другому, как флаг по эстафете.

На столе были набросаны ждущие подписания бумаги и черновые варианты газетных страниц. Хозяин кабинета полулежал в компьютерном кресле.

При виде входящего Вирятина главный редактор выпрямился и взял макет криминальной полосы, чтобы показать правки.

– Паша, у тебя всё более-менее нормально, – сказал он. – Только вот я решил вернуть настоящие фамилии фигурантов. И в твоём, и в алёнинном материале.

– Ни в коем случае нельзя! – взвился Павел Валентинович. – Ну, хорошо, по моим Дробышевым расследование завершено, прошёл суд, приговор вступил в законную силу. Значит, можно дать настоящие фамилии, хотя и не стоило бы... а вот у Алёны...

– У Алёны самый цимес – фамилия этих ублюдков. Без неё материал никак не сыграет.

– Следствие же ещё идёт...

– Ну и что! – усмехнулся редактор. – Хоть у кого-нибудь есть сомнение, что виновны именно эти два друга? Они, кстати, сами сознались, не стали отпираться.

– А вдруг не они?

– Даже если так... Кто они такие? Крупные чиновники или директора заводов? Нет, даже не профессора. Обычные деревенские алкаши. Следак ведь не побоялся дать тебе этот сюжет. Так чего нам страшиться?

– Есть же и нравственные нормы. Правила не нами придуманы.

– Фигня! Устарел ты, Паша. Смелее надо быть, современнее! Зачем хвататься за какие-то заплесневелые правила? Ты из алёниного текста вымарал все пикантные куски, сделал его пресным, как просвирка, да ещё и фамилии поменял. Кто такую бодягу станет читать? Я же всё вернул назад и кое-что даже усилил. Смотри, что получилось!

Главный редактор положил перед Вирятиным макет полосы. Вверху змейкой вился заливчатский заголовок: «Ужасная ночь братьев Ужастовых». Под ней располагался коллаж, изображающий трёхлитровую банку, летящую в сторону старушечьей головы. Ещё ниже – сам текст:

*«Вечером второго июля жители Казьминовки братья Владимир и Николай Ужастовы потребляли самогон. Судя*

по всему, ужасного качества.

Будь напиток не таким сногшибательным, Николаю едва ли пришло бы в голову предположение, что жена старшего брата спит с их несовершеннолетним родственником Димой Ужастовым. И уж точно эта нелепая мысль не привела бы Владимира в ужасный гнев.

«Соблазнитель должен быть наказан!» – решил Ужастов-старший и попросил Николая помочь осуществить ужасный замысел.

Близилась полночь. С ужасной бранью Ужастовы ворвались в дом Дмитрия и стали требовать, чтобы тот к ним вышел. Но Дима спал в своей комнате, куда дорогу братьям преградила его мать, Валентина Ужастова.

Ужастов-старший ударил родственницу ногой в бедро, и она упала. Ужасно загремела посуда. Проснувшийся Дмитрий тем временем убежал на кухню. Владимир бросился вслед за ним и попытался ударить ножом, но Дима увернулся и выскочил в прихожую, а затем пустился наутек из дома.

Ужасно разъяренные Ужастовы бросились догонять, но так и не настигли беглеца. Тогда они вернулись в дом и избили Василия Романова, сожителя матери Димы.

Около часу ночи в пьяные головы Ужастовых постучалась новая ужасная идея. Они пошли грабить молочно-товарную ферму.

Братья уже доламывали вторую дверь в кладовой МТФ,

когда их заметил сторож. Он потребовал уйти восвояси. В ответ Ужастовы обругали его ужасным матом и убежали, а сторож вернулся к себе в сторожку.

Вскоре Ужастовы отправились к дому одинокой самогонщицы Веры Хомутилкиной. В их головах зрел очередной ужасный план.

Подойдя к дому, они стали барабанить в дверь. Пожилая женщина, разбуженная криками непрошенных гостей, отказалась им открыть. Тогда братья разбили окно веранды и влезли в дом.

Ужастовы начали требовать от Хомутилкиной деньги. Получив отказ, они изнасиловали и стали избивать хозяйку. Наконец она сказала, где хранит заначку. Братья немедленно взяли из комода 150 тысяч рублей и продолжили ужасные истязания.

Устав пытаться Хомутилкину, Николай разбил о её голову трехлитровую банку, наполненную самогоном. Женщина потеряла сознание. На полу разлилась настоящая «Кровавая Мэри» – кровь, смешанная с самогонкой.

Немного протрезвев, братья решили замести следы ужасных деяний. Они разбросали вокруг тела Хомутилкиной тряпье и подожгли его, полагая, что хозяйка уже не способна передвигаться и сгорит вместе с домом.

Однако старушка осталась жива и смогла погасить огонь. Две её односельчанки проезжали мимо дома и услышали крики. Открыв незапертую входную дверь, заметили

сидящую в прихожей Хомутинкину с ужасно распухшим лицом... Женщины немедленно отвезли Веру Ильиничну в больницу.

Сами Ужастовы сели в чужой автомобиль и уехали в дом жены старшего брата. Владимир с порога сказал ей, чтобы она дала ему новую одежду, деньги и документы, потому что он собирается уехать в Казахстан: мол, даже она не может себе представить, сколько всего ужасного натворили они с Николаем.

Ужастов-младший тем временем переоделся в доме своей матери.

Далеко уехать братья не успели. Их задержали работники милиции. Ведётся следствие...

Примечание. Ужастовы – подлинная фамилия Владимира и Николая.

Лара АНАФЕМСКАЯ».

– Ну, как тебе? – спросил главный редактор.

– Жуть! Забойный текст! – рассмеялся Вирятин.

– Алёнка у меня умничка... и талантище! – улыбнулся руководитель редакции. – Учись у неё! Над ней надсмотрщик не нужен. Сама добывает новости. Сама ищет, где горячо. Как случится авария, пожар или ещё чего – сразу туда. Была б сейчас война – попёрлась бы и на передовую – так, что не удержишь. А ты, Паша, перегоревшая лампочка...

– Я как раз думаю тряхнуть стариной. Сходить на свалку к бомжам. Они написали в прокуратуру, что их кто-то похи-



щает. Вдруг вправду что-нибудь интересное выкопаю?

– Воруют бомжей? Нет, это точно не для тебя. Для Алёны, для её юмористической колоночки! – оживился главный редактор.

– Витя, неужели ты девчонку собрался отправить на свалку? Она же твоя... гмм...

Вирятин осёкся, испугавшись гнева своего начальника, но тот по-прежнему улыбался.

– Ну и что? – сказал шеф. – Мало, что ли, у меня их было? Алёнка должна через всё пройти. Пусть там говнеца и дыма от горящих покрышек понюхает, чифирку и бомжачьего супцу хлебнёт, если угостят. Пускай боевое крещение примет. Таковую потом колонку напишет – весь город будет ржать!

Он придвинул к Вирятину внутренний телефон:

– Зови сюда Алёнку!

– Ты же у нас большой босс, а не я...

– Вассал моего вассала – не мой вассал! – засмеялся главный редактор. – Зови Алёнку!

Вскоре в кабинет вошла красотка со странно накрашенными губами. Они были мертвенного лиловато-коричневого цвета, что нелепо смотрелось рядом с белокурыми от природы волосами, бледной кожей и светло-серыми глазами.

– Итак, Алёна Александровна Пеструшкина собственной персоной, – обратился к ней главный редактор. – Вы у нас красавица, спортсменка и прирождённая актриса, правильно?

Девушка насторожилась, почуяв недоброе.

– Не скромничайте, Алёна Александровна! – продолжил шеф. – Вы ведь уже играли девочку по вызову? Ещё и социальную работницу, и медсестру, и даже нищую на паперти... Слабо теперь сыграть бомжиху?

– Это как? – осторожно поинтересовалась журналистка.

– А вот так! – наставническим тоном произнёс главред. – Я тебе сделаю грязевой боди-арт. Не волнуйся, грязь как следует прокипячу, остужу и только потом натру ей твоё тело с ног до головы. Затем одену в тряпье – и сходишь на свалку. Выведаешь у бомжей ценную информацию. Скажу, какую. Затем забойную статью напишешь, прославишься на весь Ямов, а то и на всю Россию. Не бойся, я тебя после этого любить не перестану.

– Можно как-нибудь без этого? Без боди-арта и тряпья? – взмолилась девушка, опасливо скользя глазами по пространству между главредом и Вирятиным.

– Не хочешь быть артисткой? – сокрушённо спросил главный редактор. – А ведь во всей редакции у тебя одной актёрские данные!

– Нет уж! – парировала Алёна. – Вдруг знакомые девчонки или парни увидят меня в таком виде. Смеяться будут уже не над колонкой, а надо мной.

Вирятин до поры молча слушал перебранку любовников, но потом всё же не выдержал и решил вмешаться:

– Виктор Алексеевич, из неё всё равно бомжиху не сде-

лаешь. Девушка ухоженная. Кожа белоснежная, гладкая, не обветренная. Её на свалке за свою не примут. Будут смеяться. Не надо ей никого играть. Пусть представится той, кто она есть – журналисткой.

Главный редактор не почувствовал в себе силы, чтобы спорить сразу с двумя подчинёнными.

– Может, так и вправду будет интереснее, – нехотя согласился он.

– Так что же надо выведать? – спросила его обрадованная девушка.

– Узнаешь, почему пропадают бомжи, – ответил главред. – Так ведь, Павел Валентинович?

Вирятин кивнул.

– Как пропадают? – удивилась Алёна.

– Уходят со свалки и не возвращаются. Нужно понять, почему.

– Я тебе и так всё скажу, Витя! – задорно сказала журналистка. – Напиваются где-нибудь в канаве или в овраге, там и окочуриваются. Ездить никуда не надо. Прямо сейчас сажусь за статью!

– Нет, ты всё-таки разведай, – начал настаивать главред. – Вдруг их крадут черти? Или инопланетяне? Какие бы у нас с тобой ни были отношения, это редакционное задание. Ты должна его выполнить.

Девушка с укоризной посмотрела на любовника:

– Ладно, съезжу на свалку. Только без боди-арта и прочего

маскарада. В конце той недели отправлюсь. У меня ведь куча недописанных материалов.

## 13. Нечаянное счастье

«Артхаус-котофейня «Бомбадил» ютилась неподалёку от центральной площади Ямова, где сохранившийся с советских времён монумент Ленина указывал бронзовой рукой на запад, в сторону железнодорожного вокзала. Напротив заведения располагалось построенное в стиле модерн двухэтажное здание ЗАГСа, а между ними – небольшой фонтан, рядом с которым отдыхала свора бездомных собак.

Котофейня славилась качественным кофе и неплохими коктейлями. Её учредил местный индивидуальный предприниматель, большой поклонник творчества Толкина и прочих фэнтези. Обстановка внутри заведения соответствовала его пристрастиям.

Стены украшали пластиковые мечи, кольчуги, колчаны, курительные трубки и портрет странного существа – гибрида Тома Бомбадила из «Властелина колец» и Кота в сапогах. Его подарил заведению известный в Ямове художник, всегда гда тай котофейни.

Хозяину его кафешка не приносила дохода и содержалась исключительно для души – как место притяжения ямовского творческого народа. Собирались здесь местные поэты, музыканты, актёры, молодые поэты, художники, журналисты...

Павел Валентинович к молодым журналистам себя давно уже не относил, однако порой заходил сюда выпить кофе или

лёгкий коктейль. Ему нравилось отдыхать в кресле, сплетённом из ивовых веток, и смотреть через круглое хоббитовское окошко на вечерний город.

В пятницу вечером Вирятин занял деревянный столик в центре зала и стал разглядывать стеллаж, заставленный безделушками, которые приносили сюда завсегдатаи, чтобы избавиться от них: статуэтками, куклами, значками и медалями, сувенирными магнетиками, советскими грампластинками, привезёнными из Египта папирусами, коробками от конфет, сломанными будильниками...

Время от времени их бесплатно забирали местные любители приколов, чтобы делать причудливые инсталляции и коллажи.

Марина Вячеславовна вошла, как и в прошлый раз, в белом вечернем платье и чёрной меховой накидке на плечах. На Вирятине тоже была парадная одежда: белая рубашка, тёмно-серый костюм из хорошей шерстяной ткани, ручной работы шелковый галстук, давным-давно подаренный ему бывшей женой...

– Что закажем? – спросил Вирятин.

– Давай по коктейлю, а там видно будет, – ответила, садясь напротив него, Марина Вячеславовна.

Сотрудница котофейни услышала их разговор и подошла:

– В Москве сейчас очень популярны коктейли от Энди Пирсона, – затараторила она. – Мы тоже можем приготовить один из них, «Black Cherry Easter Egg». Всё есть: виски, си-

роп из настоящей ванили, малиновое пюре, растопленный горький шоколад, даже позднеспелая черешня. Будете?

Марина Вячеславовна кивнула, и девушка убежала готовить напиток.

Пока она смешивала ингредиенты, в заведение ворвалась разновозрастная толпа. Появился в зале и хозяин заведения, подошёл к Вирятину и Марине Вячеславовне, смущенно улыбнулся им:

– Извините, забыл вас предупредить. Не надо было садиться в центре. Сегодня здесь проводится турнир поэзии. В нём любезно согласился поучаствовать Копытычев.

– Неужели Вячеслав Фёдорович из областной Думы? – в один голос воскликнули Вирятин и Багримова.

– Вот именно! Из комитета по бюджету, налогам и финансам. Мы даже не думали, что такое вообще возможно, а он взял и сказал: «Приду!»

– Это же галимый графоман, – хмыкнул Павел Валентинович.

– Как и прочие наши чиновники и депутаты, – согласился хозяин котофейни. – Но кто ещё у нас пишет стихи, кроме них?

– С кем он будет состязаться? – поинтересовалась Марина Вячеславовна.

– Вячеслав Фёдорович будет представлять старую школу, символизировать её вырождение. Мы ему об этом, конечно, не скажем. Противостоять ему будет последний писк пост-

модерна. Увидите, это будет очень интересно.

Вирятин и Марина Вячеславовна пересели в уголок, а вошедшие люди начали переносить столы, освобождая центр зала. Затем они сдвинули кресла и сели напротив стеллажа, возле которого и должны были выступить поэты.

На импровизированную сцену вышел пожилой грузный мужчина с заспанными глазами. Был он почему-то не в костюме и галстуке, а в джинсах и футболке.

Его одутловатое красное лицо поначалу было важным и серьёзным, но вдруг стало игривым, и он начал читать:

*Милая моя Лизочка,  
Отрада моих ночей!  
Я тебя чмокну в сисечку  
И обниму по сильнее...*

Стихи лились полчаса, и Вирятин с Мариной Вячеславовной стоически их слушали. Первой не выдержала помощница прокурора. «Тебе не надоела эта стариковская эротика? Можно его как-нибудь унять?» – шепнула она.

Когда закончилось очередное стихотворение, Вирятин сделал фальшиво-восторженную гримасу и спросил:

– Потрясающе! Неужели вы сами это написали?

– У нас все чиновники и депутаты занимаются написанием поэтических произведений! – многозначительно ответил глава думского комитета.



Молодые поэты захлопали в такт друг другу так громко, что депутат больше не мог декламировать и покинул сцену. Поднялся долговязый молодой человек в толстовке и с гонгом в руках.

– Моя поэзия как живое пиво, – нараспев произнёс он, ударяя в гонг. – Она ещё бродит, бродит, бродит... Я – первопроходец нового типа литературы, интерактивного стихотворчества. Я ставлю под сомнение всё, даже авторство своих стихов. У них как бы есть автор – и как бы его нет. Их соавтором может стать любой желающий. Сколько угодно желающих! Поощряются самые безумные импровизации! Итак, начнём!

Он ударил в гонг и начал декламировать стихи. Молодые стихотворцы с азартом бросились подбирать рифмы для продолжения.

И Вирягин, и Марина Вячеславовна смотрели на громогласное сочинительство с растущим раздражением. «Что-то не заладилось у них с коллективным творчеством. Редкостная ахинея получилась!» – едва слышным шепотом произнесла помощница прокурора.

Игра тем временем продолжалась. Шум мешал Вирягину и Марине Вячеславовне говорить друг с другом, а подключаться к процессу им не было интересно. Их безучастность не осталась незамеченной.

– А вы что сидите? – обратился поэт к Марине Вячеславовне. – Такая эффектная женщина – и забились в угол. По-

чему не сочиняете?

– Таланта нет, – ответила та.

– Всё равно подключайтесь! Может, проявится?

Марина Вячеславовна поднялась и дёрнула Павла Валентиновича за рукав: «Пошли отсюда!»

– Паша, мне захотелось тишины, – сказала она ему уже на улице. – И ещё не было никакого желания преумножать их белиберду. Мне почему-то кажется, что автор у стихов должен быть один и что хороший вкус – вещь совсем не относительная. Может, мои взгляды устарели... Давай посидим на лавочке, а потом...

На улице уже начало темнеть. Скамейки возле фонтана были заняты. На одних сидели в обнимку молодые пары, на других расположились мужские компании с пивом и чипсами. Тёплый ветерок приносил из частного сектора лёгкий дымок и запах жарящейся свинины: где-то в частных домах готовили шашлыки.

– Как вкусно пахнет! – помощница прокурора хищно вдохнула наполненный шашлычным ароматом воздух. – Знаешь, Паша, я проголодалась. Поехали ко мне! Затаримся и посидим, как нормальные взрослые люди, а не эта недобогема из котофейни. Тем более что завтра суббота. Выходной и у тебя, и у меня...

Она набрала номер службы такси. Машина прибыла меньше, чем через три минуты.

– В ближайший «Бальзам», потом на Советскую, 120, –

скомандовала Марина Вячеславовна.

«В «Бальзам»! – в душе рассмеялся Павел Валентинович, вспомнив свою недавнюю поездку в урочище. – В «Бальзам», надо же!»

Через час они вошли в прихожую, которую освещала люстра с абажуром-макrame.

– Сама сплела! – похвасталась Марина Вячеславовна. – Надо было после смерти Юры успокаивать нервы, вот потихоньку и вязала. Столько всяких вещичек сделала

Она повесила куртки в шкафчик и раздвинула бамбуковую занавеску, которая отделяла коридор от гостиной:

– Заходи, Паша, располагайся.

Вирятин с любопытством оглядывал комнату. Царство макrame! Из верёвочек были сплетены и замысловатая люстра, и нависший над журнальным столиком абажур торшера, похожего на гигантский гриб-зонтик, маски и фигурки зверков на полках застеклённого шкафа», скатерть и салфетки на столе.

Поразила Павла Валентиновича и чистота гостиной. Ни пылинки на мебели, ни пятнышка на шторах! Все предметы были расставлены как-то чересчур правильно, словно под руководством придирчивого дизайнера, несколько минут назад ушедшего отсюда. «Траур закончился! – понял Вирятин. – Она ещё до начала свидания хотела меня сюда пригласить. Готовилась тщательно... и любовно».

Марина Вячеславовна тем временем начала выкладывать

продукты на стол:

– Вот вино. Вот ветчинка. Вот рыбка. Вот фрукты... И ещё сосиски. Пойди на кухню, свари их. Плиту, думаю, найдёшь. Я пока стол накрою...

Вирятин вышел. Возвратившись назад с варёными сосисками, он остолбенел: помощница прокурора стояла в прозрачном пеньюаре на голое тело. У Павла Валентиновича от неожиданности и волнения слегка задрожали колени.

– Ну, чего ты растерялся? – улыбнулась ему Марина Вячеславовна. – Не первый же день друг друга знаем. Зачем ходить вокруг да около? Я тебя давно изучила. Инициативу надо брать в свои руки. Вино подождёт. Давно мечтаю о тебе.

– Я тоже... – сказал Вирятин, любуясь её точёной, не по возрасту подтянутой фигурой.

– Паша, так мучилась, когда была замужем! стыдно признаться, но я испытала облегчение, когда Юра умер, – прошептала она, садясь на краешек кровати.

Вирятин сел рядом, обнял Марину Вячеславовну, потянулся губами к её лицу – но она вдруг отвернулась и задрожала:

– Мы могли быть вместе уже двадцать лет назад... Мы могли быть счастливыми... Полжизни ушли псу под хвост! Полжизни!

Павел Валентинович долго не отвечал, хотя и думал так же. Он гладил её густые чёрные волосы и ждал, когда она придёт в себя.

– Марина, для этого обоим надо было расстаться с нелюбимыми супругами. Разве это просто?

– Паша, нерешительность – страшный порок! – ответила она.

Павел Валентинович посмотрел ей в глаза. Они были влажными.

Наконец, он почувствовал через рубашку, что соски её стали твёрдыми, будто от холода: к Марине Вячеславовне вернулось желание. Она скинула пеньюар и потянулась к выключателю...

### *На следующее утро \**

Когда Вирятин проснулся, Марина Вячеславовна уже встала. Завернулась в халат и сидела в кресле напротив кровати, разглядывая его как ценное приобретение, о котором давно мечтала. Рядом с ней на журнальном столике стояла стеклянная ваза с начавшими увядать розами.

– Одевайся и пошли завтракать, – скомандовала она. – Я уже всё приготовила. Вот не думала, что ты так долго будешь дрыхнуть!

На кухне Багримова поставила на стол не выпитое вчера вино и сняла с плиты сковородку с поджаренной ветчиной и сосисками.

– Они, бедные, всю ночь пролежали в тепле, – улыбнулась она. – Вчера совсем потеряла голову! Даже продукты забыла убрать в холодильник.

Вирятин открыл бутылку и разлил вино.

– Теперь можно и выпить, – подмигнула ему Марина Вячеславовна, поднимая бокал. – По лицу вижу, ты мне что-то хочешь сказать!

– Я раньше немного колебался... но сейчас думаю, что надо бы... поскорее...

Помощница прокурора догадалась, что он хотел сказать.

– Конечно, надо бы! – ответила она. – Чего тянуть? Мы прокакали уже двадцать лет. Сколько ещё можно? Выпьем за нашу осень! Надеюсь, она будет счастливой.

После завтрака Марина Вячеславовна поинтересовалась, пригодились ли Вирятину материалы, которые она ему дала.

– Я написал про Ивана Васильевича, а Алёна – про банку самогона и ужасных братьев. Криминальная полоса получилась. У меня номер в сумке лежит. Хочешь посмотреть?

Он вышел в коридор, вынул из сумки газету и дал ей. Помощница прокурора стала читать криминальную полосу, и её миловидное круглое личико начало вытягиваться.

– Паша, вы там чего обкурились? – сердито спросила она.

– Что не так, Марина?

– Будто сам не понимаешь! Вы что, идиоты? В обоих материалах поставили настоящие фамилии фигурантов! У тебя ещё ладно, это дела давно минувших дней... но у неё-то! Написала бы хоть «по предварительным данным». Какая-никакая отмазка была бы.

– Девочка не виновата, – ответил Вирятин. – Так решил

главный редактор. Сказал, что материал не будет смотреться, если поставить другие фамилии. Ведь Алёна там красиво обыграла фамилию злоумышленников. Этих Ужастовых.

– Он откуда взялся, ваш редактор?

– Разве я не говорил? Из «Вечернего Ямова». Это таблоид.

– И его, значит, к вам назначили? – изумилась Марина Вячеславовна. – Поднимать областное издание?

– Газета губера целует в задницу на каждой странице. Кому это интересно читать? Тираж падает. Вот учредители и решили поиграть на желтизне.

– Мёртвому припарки! – фыркнула помощница прокурора.

– Думаешь, кроме тебя этого никто не понимает? Просто нам деваться некуда.

– Да, не повезло вам... но даже если так... Ваш главред, значит, не понимает, что даже осуждённых нельзя называть настоящими именами? А уж подозреваемых категорически возбраняется! Вдруг выяснится, что преступление совершили не они?

– В случае с этими Ужастовыми, по-моему, всё очевидно... – возразил Вирятин.

– Не притворяйся дурачком, Паша! Зачем вы так девочку подставили? И ради чего? Ради красного словца?

– Кто такие «мы»?! – возмутился Павел Валентинович. – Это было решение главреда, я тут ни при чём.

– Не лицемерь! Откуда и Алёна, и ваш редактор узнали

фамилию подозреваемых? От тебя! А ты – от следователя. Благодаря мне. Так кто будет виноват, если с девочкой что-нибудь случится? Не только твой начальник! И не только ты, но и я тоже... а я, Паша, не толстокожий носорог, хоть всю жизнь и проработала в прокуратуре.

– Марина, будем надеяться, что всё обойдётся.

– Будем, – сухо ответила Марина Вячеславовна. – Знаешь, что я подумала? Если уж мы решили пожениться, перебирайся сюда из своей халупы. Поживёшь в нормальной квартире. Заодно и мне будет проще тебя контролировать, а то у меня возникли нехорошие предчувствия. Если с тобой что-нибудь случится, мне это пережить будет сложнее, чем Юрину смерть. Я ведь его не любила...

Тут запел сотовый, оставленный Вирятиным в сумке. Подбежав к ней, он увидел на экране имя звонившего: «Дремлюгина Ирина Геннадьевна». Павел Валентинович не стал отзывать на звонок.

– Не успел! – солгал он Марине Вячеславовне. – Это был ответсек. Не знаю, что случилось в газете. Сегодня же суббота...

– Так перезвони ему, – пожала плечами Марина Вячеславовна.

Вирятин набрал номер улетевшего в Таиланд знакомого. Ответа, как он и ожидал, не последовало.

– Нет, Марина, он не отвечает. Вдруг вправду что-то серьёзное случилось? Надо идти.



– Подвезти тебя до редакции?

– Не надо. Сам доберусь. До завтра!

Отойдя на два квартала от дома помощницы прокурора, Вирятин набрал номер Дремлюгиной.

– Извините. Я был дома у Марины. Пил с ней чай. Не хотел, чтобы она услышала по телефону женский голос.

– У вас всё получилось? – засмеялась Ирина Геннадьевна. – Попали под монголо-татарское иго? Выходит, мои усилия не прошли даром. Нормуль! Поздравляю!

– Рано поздравлять. Не даёт она материалы.

– Так я не их имела в виду. Просто за вас порадовалась.

Приятно, когда налаживаешь чью-нибудь жизнь.

– По какому поводу звонили?

– Завтра утром приезжайте ко мне, – беспрекословным тоном ответила Ирина Геннадьевна. – Отправитесь с Борисом Юричем к лесному городищу. Там всё лето ведутся раскопки. Расспросите археологов, не приезжали ли к ним месяц назад мой муж с нейрофизиологом.

– С кем? – удивился Вирятин. – Я не ослышался?

– Нет, и я не оговорила. Приедете – посвящу в курс дела.

– Но завтра же воскресенье.

– Археологи будут работать по выходным, пока не начнётся осенняя слякоть. Так что жду вас. Машина остановится завтра в шесть возле вашего дома. Сегодня зайдите в редакцию, прихватите побольше свежих номеров газеты. Кстати,

у вас есть удочки? – неожиданно поинтересовалась Дремлюгина.

– Какие-то завалялись...

– Возьмите. В случае чего объясните Марине, где вы пропадали всё воскресенье... а то вдруг будет вас искать и заподозрит, что у вас ещё кто-то есть, кроме неё. Рыбу я вам дам. Ведёрко карасей или линей.

– Кто ж их будет чистить? – испугался Вирятин.

– Марина Вячеславна, не?

– У нас пока не настолько близкие отношения.

– Тогда соседям раздадите. Главное, чтобы у вас алиби было. Да, и ещё возьмите сюда ящик водяры. Бабосики вам верну сразу же, как приедете. Будете поить археологов. Могла бы сама учинить им допрос... но, думаю, они перед вами раскроются скорее.

– О чём я с ними буду говорить?

– Я всё объясню.

– Вы сказали, что со мной поедет Борис Юрьевич. Он этих археологов знает. Пусть он их и расспросит.

– Нет у меня доверия к этому остепенённому алкоголику. Езжайте вместе с ним. Только сами не напивайтесь до беспамятства. Помните, куда и зачем я вас послала.

## 14. Золото срубников

«Лэндкрузер» шёл в непроглядном тумане, сквозь который нельзя было различить даже мачтовые сосны. Страх не отпускал Вирятина: ему мерещилось, что Саша сослепу не так повернёт руль, и машина на полном ходу врежется в дерево или угодит в глубокую лужу, из которой уже не выберется. Водитель иногда заглядывал в панорамное зеркало и посмеивался, видя испуганное лицо журналиста.

– Не тряситесь! – наконец, сказал Александр. – У Дремлюгиных случайные люди не работают. Я горах ездил в дождь на УАЗе без «дворников». Туристов возил на озеро Рица и потом на горные луга. И ничего. Как видите, жив до сих пор.

Однако даже после таких слов на душе у Вирятина спокойнее не стало. Павел Валентинович был настолько охвачен тревогой, что не обращал внимания даже на запах масляной кислоты, которым, наверное, навсегда пропиталась обшивка салона автомобиля. Журналист перестал дрожать лишь в тот момент, когда автомобиль остановился возле забора особняка, выхваченного из мглы светом противотуманных фар.

Как и в прошлый раз, Ирина Геннадьевна сама вышла встретить гостя, только оделась теперь более предусмотрительно: на ней были джинсы и синяя курточка с капюшоном.

– Отдайте свою водку Саше, а то, боюсь, от неё скоро ничего не останется, – шепнула она Вирятину и повела его в

дом.

Борис Юрьевич дожидался журналиста в гостиной. Он где-то уже выпил.

– Что-то вы какой-то встревоженный? – спросил он у Павла Валентиновича, ещё не отошедшего от дорожных страхов.

– Боялся тумана, – сознался тот.

– А я думал, мордовских духов. Они могут так разойтись, что костей не соберёшь!

– Хватит вам! – отмахнулся Вирятин. – Шутки у вас какие-то странные.

– Вирь-ава! – продолжил Борис Юрьевич. – Дева леса! Она, понимаете ли, как квантовая частица. Может принять форму тумана и протечь через любую щёлочку. А может материализоваться в страшное чудище – девицу одноглазую с голыми ветвями вместо пальцев и клыками, как у волка. Вот я и думаю, что затекла она в кабинет в Дремлюгину, приняла тварный облик, отрезала голову Сергею Петровичу, а потом вновь туманом сделалась.

– Голову Дремлюгина тоже в туман превратила?

– Запросто! Она ещё не то может. А здесь эти духи, понимаете ли, на каждом шагу. Неподалёку ведь место силы! Нет-нет, не шучу. Туда уже пять тысяч лет людей тянет. Какие только народы на этом холме не селились! Он как мёдом намазан.

Ирина Геннадьевна устала слушала болтовню археолога и убежала по своим делам. Тот только этого и ждал.

– Вы ведь, поди, смеётесь над моей болтовнёй про духов? – заговорщически шепнул он, будто внезапно протрезвел.

– Как вам сказать... – уклончиво ответил Вирятин.

– А вот Сергей Петрович к этой мистике относился серьёзно. Не знаю, как раньше, но последние два с половиной года точно. Место силы посещал каждую неделю, а то и чаще. Всерьёз верил, что ему помогут то ли духи мордвы, то ли боги ариев.

– Помогут? Ему требовалась какая-то помощь? – напрягся Павел Валентинович.

– Что-то его сильно тяготило. Какая-то проблема, которую решить было не по силам даже такому богачу, как он...

– Неужели он был таким суеверным? – недоверчиво спросил Вирятин.

– Понимаете, когда над тобой завис каменный топор судьбы, когда чувствуешь, что спасения нет, то уверуешь во что угодно – хоть в древних богов, хоть в духов...

– Вы говорите загадками. Что за проблема его мучила?

– Если бы знал... – вздохнул Борис Юрьевич.

– Неужели не догадываетесь?

– Нет. Может быть, Сергей Петрович предчувствовал, что его убьют. Или даже знал...

Археолог осёкся: послышалось цоканье каблучков.

– В город собралась наша красавица, – прошептал Борис Юрьевич. – Туфельки надела. Значит, с нами не поедет. Оно

и правильно: что ей там делать? Водку с археологами пить?

Когда в дверном проёме показалась тонкая фигура Ирины Геннадьевны, его лицо вновь стало пьяным.

– Вирь-ава! – громко сказал он. – Это она убила Сергея Петровича! Не могла простить ему измену. Дремлюгин ведь поклонялся ей, а потом перестал. Стал рыться в степной местности, в курганах. Я вам точно говорю: всё дело в этом!

«Зачем Борис Юрьевич опять стал идиотничать? – задумался Вирятин. – Может, он равнодушен к Ирине Геннадьевне? Видит око, да хрен неймёт – вот и паясничает».

– Дезинфекцию тоже Вирь-ава провели? – поинтересовался он уже вслух.

– А кто же ещё?! – взвился пожилой учёный. – Знаете, почему Ирина пригласила в помощники именно вас? Потому что вам не страшны эти духи. Вы ведь их потомок. «Вирья» означает «Отец леса». Муж Вирь-авы. Мордовский леший, проще говоря...

– Может, кончите болтать и начнёте собираться? – не выдержала Дремлюгина.

– Начнём, когда выпьем на посошок. Без этого никак. Духи не пропустят, – ответил Борис Юрьевич и повернулся в её сторону: – Правильно, Ирина Геннадьевна?

Дремлюгина сделала презрительную мину, распорядилась принести водку и закуску, села за стол между двумя мужчинами...

– Накатить с нами изволите? – ёрническим тоном спросил

археолог. – Разве уже не кормите? Нииззя!

– Мне виднее, – отрезала Ирина Геннадьевна. – Губы чуть намочу, уважаемый доктор наук. Пить не собираюсь.

Она подняла маленькую рюмочку и произнесла первый тост:

– За ваши успехи, Пал Валентиныч! Поздравляю! У вас была счастливая неделя. И Мариной Вячеславовной всё наладилось, и остались на работе в прежнем качестве. Проблем с начальством больше никаких не возникло?

– Были кое-какие... – без задней мысли ответил Вирятин.

– В чём дело? Может, вам помочь? – спросила она.

– Да нет, вы ничего сможете, – махнул рукой Вирятин.

– Интересно, – подняла брови Дремлюгина. – Неужели даже я ничем не смогу помочь? Что у вас за проблемы?

– Ошибку уже не поправить. Я взял у Марины материалы следствия. Там в деревне старушке разбили голову трёхлитровой банкой с первачом.

– Это были точно мордовские духи! – вставил Борис Юрьевич.

– Банкой с первачом? – расхохоталась Ирина Геннадьевна. – Никогда не поверю! Три литра самогона! Да эти алкаши скорее удавятся, чем так изведут напиток.

– Ирина! – ответил Павел Валентинович. – Я своими глазами видел материалы дела, со следаком говорил...

– Вы привезли газету?

– Да.

– Дайте почитать.

Вирятин вынул из сумки номер, и Ирина Геннадьевна погрузилась в чтение криминальной полосы.

– «Братья Ужастовы»? – хмыкнула она. – Какая дурацкая выдумка вашей... гм... Алёны! Хотела обозвать эту вашу девку по-матерному, но ладно, не буду.

– Это не выдумка! – возразил Вирятин. – Ужастовы – настоящая фамилия. Её полсела носят.

– Настоящая? – удивилась Дремлюгина. – Следствие ведь ещё идёт, как я поняла. Или нет?

– Да, идёт, – подтвердил Вирятин.

– Разве так можно?

– Нет, конечно. Мы уже об этом говорили, – вздохнул Павел Валентинович.

– Что ж, тогда выпьем за то, чтобы ваше издание протянуло ещё хоть сколько-нибудь, – предложила Ирина Геннадьевна. – Иначе мне на голову свалится ещё одна проблема: вас трудоустраивать.

– Уж я как-нибудь сам. Зачем вам обо мне беспокоиться?

– Да нет уж! – сказала хозяйка дома. – Как там у Экзюпери? «Мы в ответе за тех, кого приручили»? Правильно помню?

Вирятин благодарно улыбнулся и кивнул.

– Кстати, как называется село, где живут эти Ужастовы? – поинтересовалась Дремлюгина.

– Казьиновка Пичаевского района, – не чувствуя подво-



ха, ответил Павел Валентинович.

Ирина Геннадьевна задумалась, записала на бумажке: «Казминовка Пичаевского района», – и произнесла третий тост.

– Как-то быстро мы выпили водку, – многозначительно сказал Борис Юрьевич.

– Не мы, а вы, уважаемый археолог, – ответила хозяйка дома. – Достаточно! Вставайте. Вас ждёт место силы.

Борис Юрьевич и Павел Валентинович поднялись и отравились во двор, где их ждал Александр.

### *Десять минут спустя \**

«Лендкрузер» вновь двинулся сквозь туман по лесной дороге. Вирятин расположился на заднем сидении рядом с Борисом Юрьевичем, который вновь стал говорить более-менее осмысленно. Павел Валентинович этому уже не удивлялся. Он знал, что археолог начинал юродствовать только в присутствии Ирины Геннадьевны: стоило ей отойти, как трезвость мышления к нему отчасти возвращалась.

Что же рассказал Вирятину Борис Юрьевич? Холм на рубеже леса и степи археологи действительно называли местом силы, и не совсем в шутку: со времён каменного века он притягивал к себе людей самых разных языков и культур, и они возводили на нём и рядом с ним свои жилища.

Первые землянки там построили пришедшие с севера финские племена культуры ямочно-гребенчатой керамики,

далёкие предки мордвы. Первое же укреплённое поселение, крепость со стенами из дерева и земли, возвели люди абашевской культуры. Борис Юрьевич, как и многие другие учёные, считал и их, и срубников арийцами – теми, что сложили гимны Ригведы и ясны Авесты.

– Абашевцы? В лесной зоне? – удивился Вирытин, который уже начал немного разбираться в археологии бронзового века.

– Ничего удивительного! – ответил ему Борис Юрьевич. – И абашевцы, и катакомбники, и срубники не шарахались от леса. Им ведь нужно было дерево, чтобы строить и свои землянки, и могильные срубы, и стены укреплённых поселений. Их крепость, кстати, – единственная из четырёх, которая не была ни сожжена, ни разрушена врагами. Население её просто забросило.

– В Индию ушли? – засмеялся Вирытин.

– Нет, сначала на Южный Урал. Пустой эта крепость не стояла. Там вновь поселились финские племена – культура тычковой керамики. Их потомки, люди примокшанской и городецкой культуры, потом построили и вторую, и третью крепости. Они в мирное время жили в лесных землянках, занимались охотой и рыболовством. Ели любую живность, какую встречали. Немножко они занимались и земледелием, выращивали рожь, ячмень, просо... Наконец, четвёртую крепость, построила мордва, чтобы защищаться от нападения хазар. Однако разрушили её не степняки, а то ли Свя-

тослав, то Владимир Красное Солнышко... Сами видите: по крупицам собираем память о прошлом. Роемся прямо как бомжи в помойке. Курочка по зёрнышку клюёт.

– Ну, у вас и ассоциации! – покачал головой Вирытин. – С бомжами себя сравнили! У меня, кстати, сотрудница отправится к ним на свалку. Очень скоро, в четверг. Может, её к вам потом послать? Пусть изучит работу ваших копателей, сравнит их жизнь с жизнью бомжей. Как напишет статью – увидите разницу.

– Она симпатичная? – заинтересовался Борис Юрьевич.

– Очень, но для вас слишком молодая. Зовут Алёной...

Туман почти рассеялся, когда «Лэндкрузер» подошёл к «месту силы» на границе леса – холму, поросшему желтеющей травой и редкими соснами. По его периметру были вбиты деревянные колья с табличками:

«ГОРОДИЩЕ.

Памятник истории и культуры.

Охраняется государством».

Чуть поодаль стояли пяток «Нив» и «УАЗиков», бытовки, бульдозер и разбуженных шумом подъезжающего автомобиля копателей, в основном студентов ЯГУ.

Водитель вытащил из багажника сумку с водкой и продуктами, брезгливо поглядывая на обступивших его археологов: их куртки были испачканы осенней грязью. Один из них, увидев выходящего из «Лендкрузера» Бориса Юрьевича, сбегал в бытовку и притащил огромный, размером в две

человеческих головы, горшок ручной лепки с нехитрым орнаментом.

– Вот, что я вам говорил! – обратился Борис Юрьевич к Вирятину. – Это горшок срубной культуры! Кто только не жил в этом месте, и они тоже.

Затем он распорядился отнести керамику назад.

– У нас есть кое-что поинтереснее археологии, – сказал он, косясь на стоящую на земле сумку. – Разводите костёр. Имеются и тушёнка, и лук, и крупа. Готовим горячую закуску. С утра самое что надо.

Когда завтрак был уже почти готов, Борис Юрьевич велел погрузить ящики с находками в багажник «Лендкрузера», после чего скомандовал: «Пора!»

Археологи притащили длинную скамейку. Каждый взял по миске каши с тушёнкой и по кружке. Разливали понемножку, однако Борис Юрьевич задремал после первой же порции. Остальные начали неспешно беседовать.

– Почему на этом пяточке из века в век селились люди? – поинтересовался Вирятин. – Почему этот холм называют местом силы?

– Здесь же из века в век дубы и сосны росли вперемешку, – ответил один из копателей. – Очень полезное для здоровья сочетание. Не случайно сюда Петрович приезжал по два раза в неделю. Говорил, что лучше тут себя чувствует. Мы заметили: погуляет он здесь, посидит под дубом, вознесёт хвалу духам – и сразу он ставится веселее и жизнерадостнее...

– Дремлюгин чем-то болел? – спросил Павел Валентинович.

– Вроде нет. Ни о чём таком мы не слышали. Он, правда, похудел за последний год. Может, просто сел на диету.

– Подожди-подожди! – перебил его другой археолог. – Последний раз Петрович разве не с врачом приезжал? Он тогда купил у нас височные подвески? Не можешь не помнить: он денег столько отвалил, сколько нам и не снилось.

– Помню. Нетипичные для срубной культуры вещички. Не из бронзы, а из золота! Только с Петровичем вроде не врач был, а московский профессор, – возразил первый.

– Профессор, но врачебной специальности, – настаивал второй.

– Долго они тут были? – поинтересовался Вирятин.

– Да нет, – ответил первый копатель. – Петрович подвески у нас приобрёл и сразу же стал собираться. Одну подарил профессору прямо при нас. У нас её, кстати, курды хотели купить за очень приличные деньги, но Дремлюгин предложил больше.

– И куда же Сергей Петрович отправился потом? – продолжил расспрашивать археологов Павел Валентинович.

– В лес. Вроде как поохотиться. Правда, ни одного выстрела не раздалось. А ведь погода стояла безветренная, слышно было далеко! То ли они зверя так и не встретили, то ли укатали к чёрту на рога, на край охотхозяйства

– Может, поехали не на охоту, а на рыбалку? – предполо-

жил Вирятин.

– Путь на карповый платник идёт через поле, а тягать в лесных озёрах карасиков – это уровень не Петровича. Нет, поехали они именно на охоту. Или, может, по другому делу, но точно в лес.

Павел Валентинович ещё час беседовал с археологами. Они подтвердили слова Бориса Юрьевича, что Дремлюгин последние года два часто навещался к этому холму, отдыхал возле какого-нибудь дуба, поклонялся духам или древним богам, чтобы почувствовать облегчение. Что-то Сергея Петровича мучило, но что именно, копатели не знали.

Не могли они и понять, почему Дремлюгин подарил московскому гостю золотую подвеску, которой почти четыре тысячи лет. Бесценный артефакт, несравнимо более дорогой, чем любые украшения железного века! Ведь золото срубной культуры встречается в тысячи раз реже, чем золото скифов или сарматов.

«Чем Сергей Петрович был обязан этому учёному? – недоумевал Павел Валентинович. – Приобретя подвески, он не побоялся перейти дорогу курдам, которые уже договорились с археологами о покупке. Может быть, они и его убили в отместку за это?»

– Курды на вас сильно злились? – поинтересовался он у копателей.

– Не то слово! – ответил один из археологов. – Езиды не

терпят обман. У них лживость всегда считалась страшным пороком, как и у зороастрийцев.

– Вам угрожали?

– Да нет. Скорее, стыдили. Приезжал один, долго нам мозги компостировал. Рассказывал, что курды – потомки людей срубной культуры, и он хочет сделать музей их давнишнего прошлого.

– Как он выглядел? – спросил Павел Валентинович.

– Высокий. Пухловатый. На груди – зороастрийский символ.

«Так вот, значит, кто здесь побывал!» – догадался Вирятин.

– Как его звали?

– Думаете, легко запомнить эти восточные имена? – ответил археолог.

– Не Камран?

– Возможно... Наорал он на нас, а когда успокоился, прочёл лекцию о том, какие мы плохие. Потом начал звонить тому профессору, чтобы сказать ему своё «фи». Объяснял москвичу, как нехорошо тот поступил, приняв подарок от Петровича.

– Значит, курды знают телефон этого учёного?

– Получается, да.

– Камран угрожал профессору?

– Нет. Они говорили спокойно, как старые знакомые. В самом деле, чем этот профессор виноват? Курдам логичнее

было на Петровича обижаться.

– Курды могли убить Дремлюгина?

– За то, что он перекупил артефакты? – рассмеялся археолог. – Нет, конечно! Вот если бы он езидку трахнул, тогда бы могли убить. И его, и её. У них с этим строго: любят только с людьми своей веры и своей касты. В нашей области был один случай. Слышали?

– Нет, – признался Вирятин.

– Странно... Вы ведь журналист... В общем, один русский парень устроился рубщиком мяса в лавчонку на Центральном рынке. Хозяйка, молодая езидка, в него влюбилась и решила выйти замуж. Папа с мамой, естественно, ни в какую: у езидов любовная связь с иноверцем – смертный несмыываемый грех. Девушка не отступилась и увезла возлюбленного в другую область, но родственники их через год всё равно нашли. Убили обоих. Получилось почти как в «Ромео и Джульетте»!

– Родственников девушки судили?

– Да нет, их вину не удалось доказать.

– Может, пару убил кто-то другой? Мало ли каким бандитам они перешли дорогу? С чего вы взяли, что это были езиды?

– Все так говорят...

Наконец, пробудился Борис Юрьевич. Он приказал копателям сложить все ценные находки в коробки и погрузить в машину. Пока те упаковывали утварь, кости и черепа, осте-



пенённый археолог выпил бутылку винтом и опять уснул. Его погрузили в салон вместе с ящиками, и «Лендкрузер» тронулся в путь по солнечному лесу: туман к этому времени рассеялся.

Саша позвонил Ирине Геннадьевне, когда автомобиль прошёл примерно половину обратного пути.

– Что-нибудь интересное раскопали? – поинтересовалась она.

– Да. Они говорят, что Сергей Петрович был там незадолго до смерти. Подарил нейрофизиологу золотую подвеску.

– Наподобие той, что была на выставке?

– Как я понял, точно такую же. Журналист вам подробнее расскажет.

– А что делал Борис Юрич?

– Храпел, как всегда...

## 15. Предостерегающие эсэмэски

Машина вернулась в урочище вечером. Охранники выгрузили из салона бессловесное тело Бориса Юрьевича, а Вириятину велели подняться в гостиную. Там Ирина Геннадьевна кормила грудью малыша. Журналист непроизвольно зажмурился.

– Неужели смущаетесь, Пал Валентиныч? – невозмутимо спросила Дремлюгина. – Сиську, что ли, никогда не видели? Или испугались, что это я вас застесняюсь? Бросьте: что естественно, то не безобразно. Проходите и садитесь! Кстати, познакомьтесь.

Она на секунду оторвала малыша от груди и развернула лицом к Вириятину.

– Это Сергей Сергеевич Дремлюгин собственной персоной. Будущий владелец группы компаний «Бальзам». Ему уже два годика, но я всё равно его изредка кормлю. Почему не кормить, если молоко есть?

Вириятин посмотрел на малыша, затем на Ирину Геннадьевну в распахнутом халате, и стеснительно отвернулся.

– Неудобно так говорить... – промямлил он.

Дремлюгина напряжённо посмотрела на него, запахнула халат, нажала на кнопку, приказала пришедшей служанке унести ребёнка.

– Я грубовата, по-вашему? – вдруг спросила Вириятин

Ирина Геннадьевна. – Вульгарна? Это наносное: с кем поведёшься... Я ведь уже пятнадцать лет вращаюсь среди этой шушеры, которая называет себя элитой. Сама я из интеллигентной семьи. Моя мама детишек учила и стишками баловалась, даже издала книжку и получила гонорар. Смешные бабосики: литературой не прокормишься. Она мечтала купить мне импортную дублёнку и серёжки с брюликами, но денег на них так и не накопила. Вот так! Была бы и я сейчас училкой, если б...

– Вы сами когда-нибудь писали стихи? – поинтересовался Павел Валентинович.

– Нет, никогда. Вообще не очень люблю поэзию... а вот Серёжа стихи обожал...

Она вдруг замолчала, на минуту застыла, как восковая кукла, а потом спросила:

– Зачем я всё рассказываю? Вам ведь, наверное, неинтересно это слушать?

– Как раз наоборот, Ирина, – ответил Вирытин. – Хочу побольше узнать о вашем прошлом.

– Тогда слушайте, – снисходительно бросила Ирина Геннадьевна. – Когда я училась на втором курсе, за мной начал ухлёстывать ректор пединститута. Теперь это ЯГУ. Ухаживал он красиво... но я всё равно перепугалась: совсем ещё юная была. Хотела даже учёбу бросить, но отговорила Наталья. Та, что сейчас работает у меня гендиректором. Я стала жить с ректором. Не стеснялась тянуть из него деньги.

Вскоре подарила маме эту мешчанскую мечту – дублёнку и серёжки. Не она мне, а я ей! Я так этим гордилась! Однако через полгода он увлёкся другой студенткой, а меня начал упрекать в алчности и холодности. Может, я и вправду была с ним холодновата: не научилась ещё притворяться в постели с нелюбимым мужчиной. Вот он и передал по эстафете своему товарищу, председателю городской думы. Так и началась моя карьера содержанки, профессиональной любовницы. Жила за счёт богатых мужиков. Выбирала каких постарше, чтобы вытянуть из них побольше денег. Как же я с тех пор ненавижу рожи этих чинуш, бандитов и бизнесменов! Будь моя воля – устроила бы для них тридцать седьмой год. Особенно мерзко вёл себя один сельхозмагнат, хозяин «Тучной долины», бывший сутенёр. Страшно вспомнить, что он со мной вытворял! Чем я тогда отличалась от проститутки? Только ценой! Я ожесточилась, зато заработала неплохое состояние... ведь была самой дорогой шлюхой в Ямове, а то и во всём федеральном округе. Видели бы вы меня тогда!

Она подошла к шкафу, взяла оттуда альбом с институтскими фотографиями – на морском пляже, возле недавно подаренной машины, на конной прогулке, в мастерской фотохудожника... Броское изящное существо с ненасытной улыбкой... Жужелица!

– Ирина, вы так откровенны со мной! – удивлённо затряс головой Вирятин.

– Ничего секретного вы не услышали, Пал Валентиныч, –

ответила она. – Я личность известная, и в бизнес-сообществе меня и мою историю все знают. В чиновничьих кругах тоже. Это как клеймо на плече: ничем уже не выведешь.

– Вас это угнетает?

– Бросьте! В областной администрации треть чиновниц – бывшие девочки по вызову. Четверть прошла через постель губернатора и его замов. И в бизнесе почти такая же ситуация. Так кого мне стесняться?

– Тем не менее, в администрации вас недолюбливают.

– Не только в администрации, и понятно, почему! Завидуют. Я ведь пока ещё красивая и, к тому же, богатая... – захохотала Ирина Геннадьевна и вдруг перевела тему разговора. – Хватит об этом. Не пора ли нам поесть?

Она вызвала Ксению и приказала ей распорядиться насчёт ужина.

– У нас сегодня дичь, икра, заливной судак – и ни грамма спиртного, – сказала она. – Потому как хватит его вам на сегодня. Вы ведь и с археологами пили, и ещё до этого с Юричем бутылку вылакали на двоих. Я ведь только притворялась, что пила с вами.

Вирятин кивнул: без алкоголя так без алкоголя, не спорить же с хозяйкой дома.

За едой Ирина Геннадьевна не спрашивала о поездке к «месту силы», но после чая шепнула Вирятину: «Давайте спустимся в Серёжин кабинет и поговорим!»

Как только закрылась дверь обитой пробкой комнаты, хо-

зьяйка особняка спросила:

– Пал Валентиныч! Вам Марина Вячеславна рассказывала, как сейчас идёт расследование?

– Следаки считают, что к убийству причастны чеченцы, – ответил Вирятин. – Это у них приоритетная версия.

– Сомнительная она какая-то... но всё равно будет интересно послушать.

– Марина сказала, что Сергей Петрович имел какие-то дела с людьми Кадырова. Ему лет пять назад были нужны большие деньги. Вот Маринины слова: «Дремлюгин по уши втюхался в свою красавицу и планировал невероятную свадьбу. Он продал пакет акций. Потом на него почему-то ополчилась местная диаспора».

– Было дело! – засмеялась вдова. – Да, мы решили сыграть свадьбу по высшему разряду. Во Франции, на Лазурном побережье. Серёжа пригласил тьму гостей, хотел всему миру меня показать как бесценное сокровище. Выписал эстрадных звёзд из Москвы и из Англии. Славная была свадьбка! Ему на неё было непросто бабосики наскрести... а ведь потом мы ещё отправились в кругосветное путешествие на арендованной яхте! Вот он и продал одному из партнёров часть акций «Бальзама». Кажется, процентов пять или шесть. Тот стал тянуть жвачку, не спешил расплачиваться, а свадьба была на носу... Серёжа поклонился знакомым бандитам по старой привычке, но ничего у него не вышло. Тогда он сделал финт ушами и обратился к людям, которые близ-

ки к Рамзану. Они согласились купить долг его партнёра за две трети цены. Тот с ними рассчитался моментально: аргументы у них оказались убедительнее, чем у наших братков. После этого здешняя чеченская диаспора невзлюбила моего мужа. Они ведь почти все симпатизировали террористам. Они до сих пор ненавидят Кадырова.

– Вы всё знаете лучше меня и Марины.

– Неужели следки всерьёз считают, что Серёже из-за этого отрезали голову? – сморщила лицо Дремлюгина. – Свадьба была пять лет назад, даже чуть больше. Получается, чеченцы невзлюбили Серёжу ещё тогда, а убили только сейчас? За то, что он давным-давно обратился к людям Кадырова? Нелепая версия! Война давно закончилась, страсти улеглись...

– Подождите, Ирина! Сергей Петрович незадолго до своей кончины продал ещё один пакет. И уже не шесть, а пятнадцать процентов акций! Выручку он перевёл непонятно кому и по такой сложной схеме, что чёрт голову сломит. В следственном управлении её пока не распутали, но подозревают, что чеченцы и здесь могли быть замешаны.

– Хватит вам! – раздражённо ответила Ирина Геннадьевна. – Исламисты ведь казнят людей в назидание живым и записывают на видео мучения жертвы. Показывают крупным планом глаза, полные ужаса. Если бы Серёжу убили тайные сторонники Умарова, запись казни давно была бы в Интернете.

– Не обязательно, – возразил Павел Валентинович. – Шума и без этого было предостаточно.

– Бросьте, Пал Валентиныч! – повторила Ирина Геннадьевна. – Бросьте! Неужели это вся информация, которую вы сумели добыть у Марины? Плохо! Очень плохо!

– У меня есть ещё кое-какая инфа, – ответил Вирытин.

– Какая же?

– Мне звонили курды. Просили помочь. Хотят купить у вас кое-какие предметы срубной культуры.

– Вы согласились поспособствовать?

– Да.

– Пал Валентиныч! Запомните раз и навсегда: артефакты не продаются. Это память о Серёже. Могу предложить курдам несколько жужелиц. Не самых редких и дорогих, конечно же.

– Жуки их едва ли заинтересуют.

– И слава Богу! Не хочу иметь с курдами никаких дел... – презрительно процедила Ирина Геннадьевна. – Ну, а теперь рассказывайте о вашей поездке к холму. Что-нибудь интересное узнали?

– Археологи нашли там две золотые подвески. Срубной культуры.

– Саша их привёз? – встрепелась Дремлюгина.

– Нет. Одна давно уже у вас. Помните, вы в картинной галерее спрашивали, подойдёт ли она вам? А вот вторая...

– Эти олухи сдали её государству?



– Нет, конечно, – ответил Павел Валентинович. – Копатели обещали подвески курдам, но Сергей Петрович предложил больше.

– Серёжа их обе купил? Где же тогда вторая подвеска?

– Он подарил её московскому профессору.

– Кому-кому? – округлила глаза Дремлюгина. – Неужели нейрофизиологу?

– Возможно.

– Это же очень дорогая вещь... – задумалась Ирина Геннадьевна. – Серёжа никогда бы её и губернатору не подарил, и даже федеральному министру... а тут... Чем он был обязан этому москвичу?

– Археологи сами недоумевают.

– Чувствую, мы это нес скоро поймём. Итак, Серёжа подарил профессору подвеску. Что было потом?

– Они поехали на охоту, однако не прозвучало ни одного выстрела, – продолжил рассказывать Вирятин.

– Куда ж они поехали? – задумалась Дремлюгина. – Неужели в домик с девушками? Да нет, там всё «глазками» утыкано, а в записях ничего такого нет. Ни одна камера не увидела там Серёжу с нейрофизиологом. Разве такое возможно?

– Так и в этом особняке регистраторы ничего не зафиксировали, когда убивали Сергея Петровича, – возразил Вирятин. – Значит, «глазки» можно обмануть.

– Смотря где. В особняке камер на порядок меньше, чем в

лесном борделе. Там каждый квадратный сантиметр просвечивается. Нет, не потрахаться отправились Серёжа с нейрофизиологом! Куда-то ещё... – задумалась Ирина Геннадьевна и вдруг сказала: – Как же непатриотично, всё-таки, поступил мой муж!

– Почему?

– Он же всегда говорил, что артефакты должны оставаться в нашей области... а тут отдал её нейрофизиологу, который может продать подвеску кому угодно, даже курдам.

– Может быть, уже продал, – сказал Павел Валентинович. – Курды приезжали к холму в тот же день ближе к вечеру. Один из них звонил этому московскому учёному.

– Курд говорил с нейрофизиологом? – оживилась Ирина Геннадьевна. – Как интересно! В каком тоне шёл разговор?

– Археологи сказали, что они говорили, как старые знакомые.

– Знакомые? – удивилась Дремлюгина.

– Да. Как я понял, с нейрофизиологом говорил тот же человек, который хочет купить у вас экспонаты. Камран. Хамить людям не в его стиле. Он человек обходительный, образованный, из высшей духовной касты. Что-то вроде брахманов, только на курдский лад.

– Чувствую, он вам понравился, Пал Валентинович! Может, подружиться с ним хотите?

– Да ну, – поджал губы Вирятин.

– Ладно, я пошутила, – примирительно сказала Ирина

Геннадьевна. – Не обращайтесь внимания... Теперь хочу вас кое о чём попросить. Мне нужен мобильный Марины Вячеславовны. Обещаю: по пустякам беспокоить её не стану и никогда не скажу, откуда у меня её номер.

– Зачем он вам?

– Вот, смотрите!

Дремлюгина порылась в своём смартфоне и нашла недавнее SMS-сообщение: «Ирина Геннадьевна! Умерьте свою активность. Не мешайте работать следственным органам. Имейте терпение. Через полгода вы всё поймете».

– Письмо точно не из следственного управления, – сказал Вирятин.

– Ежу понятно, Пал Валентиныч! – рассмеялась в ответ Дремлюгина. – Мне такие эсэмэски давно уже приходят. Вы правы, следаки так не шутят. Это не в их стиле. Писал явно кто-то другой. Номер наверняка одноразовый. Хочу посоветоваться с вашей Мариной Вячеславовной, заявлять мне в полицию или нет.

– Сами как считаете?

– Думаю, пока не стоит... и всё же хочу с ней поговорить.

– Конечно, я дам её телефон, – сказал Вирятин. – Уж коли мы работаем вместе... но почему вы просите номер именно у меня? Его можно раздобыть и другим путём. Купить базу, например.

– Зачем, если есть вы? – улыбнулась ему Ирина Геннадьевна. – Я Марине Вячеславовне вас не выдам, не волнуй-

тесь: пусть думает, что я потратилась на базу... Да, есть у меня и ещё одна просьбочка. Вы человек опытный, какое-никакое имя в нашем регионе у вас есть. Можете взять интервью у ректора ЯГУ?

– Не моя специализация. Как-то неудобно напрашиваться.

– Почему? Вы же знаете Михальского. Лично.

– Знаю. Бандит ещё тот! – ухмыльнулся Вирятин.

– Безусловно! Однако вы были друзьями. По моим данным, вы помогали ему смещать старого ректора, – вкрадчиво ответила Дремлюгина. – Моего бывшего любовника, кстати. Провели журналистское расследование на предмет того, что он якобы взял мзду... Помните?

– Ну, да... – стыдливо сознался Вирятин.

– Только никакое это было не расследование, Пал Валентиныч, а ментовской слив. Меченые деньги подложили ему ребята из ОБЭП, приятели Михальского. Как же я тогда на вас злилась!

– До сих пор не можете меня простить?

– Бросьте! Дела давно минувших дней... Ну, захотелось вам побыть сливным бачком, поработать на мафию – ваше право. Вам же за это, поди, хорошо заплатили. Да и я не ангелочек с крылышками, чтобы вас осуждать. Серёжа, кстати, тоже был другом Михальского. Они вместе создавали «Фортуну». Помните?

– Одна из первых в России консалтинговых фирм, – выпалил Вирятин.

– Ага, Пал Валентиныч! – рассмеялась Дремлюгина. – Консалтинг? Легализованный рэкет! Либо плати за бизнес-консультации, либо... А вы ведь об этой «Фортуне» столько хвалебных материалов написали!

– Вижу, вы хорошо покопались в моей подноготной. Зачем вы мне всё это напоминаете, Ирина? – насторожился Вириятин.

– Зачем? Не может нынешний ректор ЯГУ вас забыть! Уважает он вас, помнит. Рад будет пообщаться по старой памяти.

– Я с ним не виделся уже пятнадцать лет. Да и в редакции не поймут: народным просвещением у нас занимаются другие журналисты.

– Пал Валентиныч! Мы совсем недавно познакомились, а я уже столько для вас сделала! Отдел ваш сохранили, и вы остались при должности. «Бальзам» заказал у газеты рекламную серию. По полосе в месяц. По максимальной стоимости, хотя моей компании эта реклама на фиг не нужна. Поступила я так ради вас, и только вас! Чтоб вы получали проценты! Ну и, наконец, самое главное: если б я не дала вам волшебного пенделя, вы бы так и не начали налаживать отношения с Мариной Вячеславовной. А тут недели не прошло, а вы уже собрались расписываться. Благодаря мне! Уж извините за прямоту: не люблю размазывать кашу по столу.

– Я уже понял, что попал в кабалу, – вздохнул Вириятин.

– Сами захотели! Итак, когда вы поговорите с ректором?

– Какой смысл в этом интервью? Чего вы от него ждёте?

– Вы поинтересуйтесь, как развивается университет, какие у него достижения, – начала его инструктировать Ирина Геннадьевна. – В общем, поговорите о всякой лабудятинке. По ходу разговора расспросите Михальского о конференциях нейрофизиологов. Скоро начнётся уже третья за последние два с половиной года. Неспроста это! Побольше разузнайте о Петре Савельевиче Кожемякине. Запишите имя!

– Кто это?

– Тот профессор, которому Серёжа подарил подвеску. Выясните, зачем он опять приезжает в Ямов.

– Хотите отобрать у него подвеску? – полушутя спросил Вирятин.

– Нет. Вы должны выяснить, что такое витрификация. Это такая медицинская технология. Я рылась в интернете, но никакой инфы о ней не нашла. Учтите, что всё нужно сделать как можно быстрее. Желательно на этой неделе. Когда конференция начнётся – поздно будет.

– Попробую...

– Очень надеюсь!

Ирина Геннадьевна проводила Вирятина до машины, вернулась в особняк, спустилась в подвальный кабинет и нажала на кнопку на столе.

– Борис Юрич проснулся? Срочно его сюда!

Она села на пуфик и презрительно посмотрела на входящего археолога.

– Уважаемое археологическое светило! – ёрническим тоном принесла она. – Я уже смирилась с тем, что вы пьяница и порой сами себя не помните... но почему вы от меня скрыли важную информацию? Мы так не договаривались. Я ведь вам бабосики плачу, и поболее, чем вы получаете в управлении по охране культурного наследия.

– Я вам рассказал всё, что слышал, – ответил археолог.

– Почему же не доложили, что Серёжа возил к тому холму нейрофизиолога и подарил ему золотую подвеску?

– Первый раз слышу.

– Как? Что же вы делали сегодня в лагере копателей?

– Я... я...

– Что «я»?

– Спал, – признался Борис Юрьевич. – Простите меня.

– Хорошо. Разговор о Серёже вы проспали. Но почему не рассказали мне поподробнее о холме, в котором роются археологи?

– Не думал, что вас это заинтересует. Вы ведь не увлекаетесь предметами старины. Ну, копаются люди, всякие штучки выискивают...

– Вирятин мне сообщил обо всём, что вы ему рассказали по дороге. Там будто магнит. Туда испокон веков тянулись разные народы, непохожие друг на друга. Построили четыре крепости, оставили множество всяких артефактов... Мне это даже чисто по-человечески интересно. Я, кстати, не только жуками интересуюсь. С удовольствием смотрю историче-

ские передачи, например... а тут ещё судьба Серёжи!

– Простите, Ирина! Не подумал.

– Ладно, чёрт с вами! Не бить же вас и не лишать зарплаты. Теперь вспомните, не говорил ли вам что-нибудь Вириятин о прокуратуре, о Марине Вячеславовне, о его редакции...

– Вроде ничего... – напряг память Борис Юрьевич. – Нет-нет, вспомнил. Он меня насмешил. Сказал, что одна сотрудница собралась на экскурсию – к бомзам на свалку.

– Что это за сотрудница?

– Зовут Алёной.

– И когда ж она туда поедет?

– Вириятин сказал, что в четверг утром.

– Ладно, досыпайте! – махнула рукой Ирина Геннадьевна.

Археолог нетвёрдой походкой вышел из кабинета. Дремлюгина ещё раз нажала на кнопку:

– Ксюша, спустись ко мне... Захвати с собой газетку. Одну из тех, что Вириятин принёс. Они лежат в гостиной.



## 16. Мстители из села Казьминовки

Вчерашняя домработница, а теперь домоправительница вбежала в потайной кабинет и вытянулась по струнке перед сидящей на пуфике хозяйкой.

– Тебе знакомо имя «Алёна»? – спросила её Ирина Геннадьевна.

– Мало ли на свете Алён. Какую имеете в виду?

– Ту мразь, которая обосрала Серёжу.

Ксения начала напряжённо вспоминать статью из номера, который принесла хозяйке полтора месяца назад. Наконец, в её памяти всплыл нужный псевдоним.

– Да-да! Там была подпись «Лара Анафемская», – ответила она.

Ирина Геннадьевна одобрительно на неё посмотрела:

– Вот-вот, Ксюша! А теперь посмотри заметку о ночном походе несчастных деревенских алкашей.

– Каких ещё алкашей?

– Посмотри в газете. Она у тебя в руках.

Ксения развернула номер и начала его изучать.

– Ищи на третьей полосе, – подсказала ей Ирина Геннадьевна. – Там небольшая статейка в подвале. Видишь подпись?

– Та же самая...

– Обе заметки писал один и тот же человек? Как счита-

ешь?

– Не слышала о таком, чтобы два журналиста писали под одним псевдонимом. Правда, я далека от этой профессии...

– Вот и уточни, а то вдруг...

– Выясню, Ирина Геннадьевна!

– Это ещё не всё, Ксюшенька, – продолжила Дремлюгина. – Статью эта самая «убийца медведок»<sup>2</sup> написала по материалам незаконченного следствия, даже не изменив фамилии фигурантов. Так мне сказали. Ты должна перепроверить информацию. Будь добра, свяжись с селом Казьминовкой Пичаевского района. Выясни, живут ли там некие Ужастовы. Поинтересуйся, правда ли счастливы с этой фамилией изнасиловали старушку и чуть не разбили ей голову банкой с самогоном. Как-то неправдоподобно всё это выглядит, но вдруг...

– Свяжусь и выясню.

– И ещё разузнай, не читали ли родственники этих алкашей статью сестрицы Алёнушки. Мне почему-то кажется, что если всё это правда, то они сильно на неё злы. В общем, провентилируй. Не в лоб, конечно, а наводящими вопросами.

– Непременно провентилирую, Ирина Геннадьевна!

– Итак, сначала звони в редакцию, потом в сельсовет, биб-

---

<sup>2</sup> **Ларра анафемская** – оса, личинки которой паразитируют на медведках. Ирина Дремлюгина, будучи в прошлом студенткой биофака, безусловно, знала о существовании этого насекомого.

лиотеку, куда там ещё ... И шустро, а то все эти учреждения скоро закроются!

– Уже звоню.

– Очень на тебя надеюсь, – улыбнулась ей Дремлюгина. – Иди скорей!

Вдова осталась одна среди обитых пробкой стен и погрузилась в задумчивость.

Через час Ксения вернулась, отчиталась и вновь оставила хозяйку в одиночестве. Ирина Геннадьевна пересела с пуфика в компьютерное кресло и вызвала начальника охраны.

– Хочешь реабилитироваться передо мной? – спросила она. – Частично, конечно.

– Что я должен сделать? – ответил Олег.

Ирина Геннадьевна усмехнулась и стала молча рассматривать его лицо, которое от опасливого ожидания становилось всё более напряжённым.

– Слышал о мрази по имени «Лара Анафемская»? – наконец, поинтересовалась она.

Олег выдохнул, поняв, что ничего опасного хозяйка ему поручить не собиралась.

– Та, что обгадила Сергея Петровича? Ксения только что рассказала...

– На самом деле её зовут Алёной. Скоро она поедет на свалку, в гости к бомжам, – тихо сказала Дремлюгина. – В четверг утром, на редакционной машине. Так сказал Борис Юрич, а ему – Пал Валентиныч. Думаю, этой информации

можно верить.

Олег сразу же понял, что она задумала.

– Надо организовать нападение бомжей? В смысле, передетых моих ребят?

– Боже упаси! – воскликнула Ирина Геннадьевна. – Если бы мне было нужно просто её избить, я бы тебя об этом давно попросила. Ещё когда заметка о Серёже вышла. У меня другая идея.

– Разъясните тогда...

– Что тебе разъяснить? Совсем сдурел?

– Я не о том, зачем вам это потребовалось. Я о том, что мне нужно сделать.

– Так-то, Олег. Эта девушка совершила огромную ошибку. Написала о деревенских алкашах, которые разбили одной бабусе голову. Представляешь, банкой с самогоном! Бабка выжила. Крепкая у неё черепушка, однако!

– Мужики угробили три литра самогона? – в недоумении затряс головой начальник охраны. – Не верю!

– Пал Валентиныч так доложил. Он со следователем говорил, записал разговор на диктофон, смотрел материалы дела... Видишь, ещё случаются в этом мире чудеса!

– Следствие не окончено? – поинтересовался Олег.

– В том-то и дело! – воскликнула в ответ Ирина Геннадьевна. – Оно ещё идёт, а девка в своей статье не изменила фамилии злоумышленников. Так распорядился их главный редактор. Родственники алкашей ведь могут обидеться

на Алёну, правильно?

– И на главного редактора тоже?

– Пока подумаем о судьбе Алёны, – зловеще пропела Дремлюгина.

– Значит, нужно найти родственников и как-то надоумить их? – догадался Олег.

– Я ничего такого не говорила, – подмигнула ему Дремлюгина. – В Казьминовке, кстати, у коренных жителей всего три фамилии – Жмыровы, Ужастовы и Хомутинкины. Нам интереснее всех Ужастовы.

– Ужастовы? – удивился начальник охраны. – По-моему, это какая-то лажа: алкаши со страшной фамилией намеренно разбили банку самогона. Да ещё и трёхлитровую. Да ещё о голову какой-то старухи!

– И ещё изнасиловали её, – с ухмылкой добавила Ирина Геннадьевна.

Начальник охраны недоверчиво посмотрел на хозяйку. «Разыгрывает? Хотя вроде не первое апреля... Может, просто издевается?» – засомневался он и сказал уже вслух:

– Какая-то совсем неправдоподобная история!

Дремлюгина ответила не сразу. «Ну да, интригующая пауза! – решил Олег. – Сейчас она, наверное, засмеётся и скажет, что пошутила...»

Однако лицо хозяйки оставалось серьёзным.

– Повторяю, Олег: в этой жизни случаются чудеса! – наконец, сказала она. – Ксения только что звонила в Казьми-

новку, в библиотеку и в клуб. Библиотекарша и завклубом подтвердили, что это подлинная история.

У Олега отпали сомнения относительно того, чего от него хочет Ирина Геннадьевна.

– Значит, эти Ужастовы случайно окажутся на свалке в тот же день, что и Алёна?

– Боюсь, что да! – вздохнула Дремлюгина. – Жалко девушку! Да, и вот ещё: надо бы в этой Казьминовке провести подписную кампанию. Помочь «Ямовским известиям» с тиражом. Пусть этим Саша займётся. Скажи ему.

– Конечно!

– В общем, вот как всё будет выглядеть, – начала его инструктировать Дремлюгина. – Ксения утром закупит в киосках побольше номеров «Ямовских известий». С той самой статейкой. Уж очень она яркая и завлекательная! Должна понравиться жителям Казьминовки. Пусть Александр отвезёт газеты в село, а дальше действует по обстоятельствам.

– Ирина Геннадьевна! Не проще ли нанять парочку бомжей? Они за бутылку водки кому хошь морду расквасят.

– Нет, не проще.

– Значит, Ужастовы набьют Алёне морду, изуродуют девушку... а что потом? – напрягся Олег. – Бог ведь всё видит...

– Мне тоже так кажется, – улыбнулась ему Ирина Геннадьевна.

## *На следующий день \**

Из лесного особняка в сторону Казьминовки вышла гнилая «Нива» с разухабистой надписью «Информационный холдинг «Миллениум». Такой вправду существовал в регионе и включал в себя две телерадиокомпании, рекламное агентство и сеть муниципальных газет. «Ямовские известия» в него не входили... но кто на селе будет разбираться в таких тонкостях?

Когда-то давно Казьминовка процветала, но сейчас там остались лишь немощные старики, сумасшедшие, алкоголики и сотрудники муниципальных органов власти.

Длинное и узкое село походило на ужа. Его хребтом была петляющая асфальтированная дорога, ухабистая, как старая стиральная доска. По её краям стоял кособокие деревянные домишки с неизменно шиферными крышами.

Некоторые из них, совсем уж ветхие, были брошены своими хозяевами и понемногу растаскивались соседями. Эти избы уже давно лишись и шифера, и шалёвки. Вместо окон и дверей там зияли дыры. Зимой домики пустовали, а летом служили пристанищем для временно выгнанных жёнами местных пьяниц. С каждым годом таких брошенных жилищ становилось всё больше: все хоть сколько-нибудь толковые люди старались покинуть родное село.

Вдоль дороги близ ещё заселённых домов расположились на табуретках старушки. Они караулили случайных путников, расположив на обочине тыквы и вёдра с картошкой, бан-

ки с молоком и мёдом, корзины с грибами и яблоками. Саша остановился перед одной из них.

– Медку или молочка? – спросила она.

– Мне бы в сельсовет, – ответил Саша.

Бабуля разочарованно посмотрела на него и начала объяснять:

– Первую Жопинку проедешь. Потом с середины Косовки повернёшь налево, а там напрямки по ухабам...

Сказав эти слова, старушка повернулась к нему задом и пошла к своему дому.

«С середины Косовки!» – записал Александр на клочке газеты, чтоб не забыть.

Когда-то Казьминовка была большим торговым селом и делилась на «микрорайоны»: Сущёвку, Косовку, Брызгаловку, Будаловку и две Жопинки. Из последних одна располагалась на въезде, другая – на выезде.

Местные жители до сих пор помнили об этом и в быту никогда не произносили слово «Казьминовка». Всегда говорили: «Коля Ужастов из Косовки» или «Толя Хомутинкин из Будаловки».

По асфальту машина двигалась уверенно, лишь изредка попадая колесом в выбоину. Однако стоило ему свернуть в сторону сельсовета, как начались ухабы и грязь, труднопроходимые даже для «Нивы». Машина шла как катер по штормовым волнам, и всё же опытный водитель справился с тяжёлой переправой.



Автомобиль достиг главной площади села. Около двухэтажного здания из серого кирпича росли голубые ели. К одной из них была привязана грустная грязная коза, а другой – огромный пёс со свалывшейся шерстью и воспалёнными глазами. Вокруг покрытого мхом и патиной памятника Ленину расхаживали гуси.

За плексигласовым стеклом перед турникетом-вертушкой дремал седой охранник, видимо, ветеран какой-то силовой структуры. Александр постучал по оргстеклу, и секьюрити поднял на покрасневшие от запоя блёкло-голубые глаза.

– Вы сюда к кому? – строго поинтересовался он.

– К Василию Николаевичу.

– Вы к нему зачем?

– Договорились о встрече, – ответил Саша. – Провожу подписную кампанию «Ямовских известий».

– Хм... Он не предупреждал. Как зовут?

Александр протянул охраннику удостоверение.

– Хм... Ничего он про вас не говорил. Позвоните в приёмную.

– Как? Не знаю номера! – возмутился Саша.

– Я, что ли, буду звонить? – лениво ответил охранник.

Водитель пришёл в замешательство. Он понял, что секьюрити ждёт чаевых, но не сразу понял, как их дать.

Саша простоял в растерянности минуты две, затем стукнул себя кулаком по лбу, сбегал к автомобилю и протянул охраннику чекушку:

– Вам, я погляжу, тяжело. У меня тут лекарство. В качестве не сомневайтесь.

– Ты меня спас, век не забуду! – ответил секьюрити.

Он высосал чекушку винтом, выдохнул и связался с приёмной. Через минуту к вертушке подбежала секретарша.

– Подписная кампания? – удивлённо тараторила она. – Нас никто не предупредил, такая вот незадача. Однако Василий Николаевич на месте. Мы ему уже сообщили. Он вас ждёт.

Она провела Сашу через тёмный узкий коридор и тесную приёмную в кабинет председателя сельсовета, где мебель, шторы и сам хозяин сохранились ещё с советской эпохи, а о новых временах говорили лишь компьютер на столе и портреты Путина с Медведевым на стене.

– Итак, чего вы хотели? – поинтересовался Василий Николаевич Жмыров, глава сельсовета.

– У нас тираж падает, а ваш сельсовет подписан всего на один номер нашей газеты! – грустно сказал Саша. – Может быть, подпишете ещё номеров на пятнадцать?

– Гмм... – задумался Жмыров. – У нас в аппарате пятнадцать чиновников не наберётся.

– Интересная ведь газета, – начал напирать Александр. – Мы недавно о вашем селе написали.

– У вас есть последний номер? Дайте, почитаю! – ответил Василий Николаевич.

Он на несколько минут погрузился в чтение, потом под-

нял глаза на Сашу и радостно всплеснул руками:

– Молодцы! Хорошо Ужастовых приложили! Я сейчас секретаршу попрошу: пусть она разнесёт газеты нашим Жмыровым. Ну, и Хомутинкиным заодно.

Он вскочил с кресла, подбежал к двери и крикнул:

– Людочка, зайди скорее! Тут такая заметка про Ужастовых!

Затем Василий Николаевич повернулся к Саше:

– Ещё газеты привезли?

– Тридцать пять экземпляров. Лежат в машине.

– Отдайте все их секретарше. Пусть распространит газеты по селу. Как отдадите, возвращайтесь сюда. Это дело надо обмыть.

– Все отдать не могу, – отрезал Александр. – Только двадцать. Остальное сам раздам селянам. Подписная кампания, однако!

– Кому раздадите?! Ужастовым?! – возмутился глава сельсовета. – Они ж вас изобьют за такую статью!

– Вдруг кто-нибудь из них захочет подписаться?

– Ну, это едва ли, – усмехнулся Василий Николаевич. – Не теряйте время. Доверьтесь Людочке. Пока она будет разносить газеты, мы же с вами тут посидим. Потом она вернётся и к нам присоединится. Она у нас тоже выпить не промах, хоть и юная совсем.

– Не смогу вести после такого обеда, – покачал головой Александр. – У вас есть, где заночевать?

– Гостиничка ещё жива. Всего полторы тысячи рублей за ночь – и живите, сколько хотите!

– Полторы так полторы, – махнул рукой Саша, понимая, что Ирина Геннадьевна оплатит любую сумму.

Василий Николаевич встал, вновь подошёл к двери и проорал что есть мочи:

– Людочка, ну где же ты?

– Тута! – послышался из коридора ленивый высокий голос.

Вскоре в кабинет вошла рослая смазливая девица.

– Вот она, я! – сказала она. – Уж и в сортир нельзя сходить.

– Людочка! – обратился к ней глава сельсовета. – Принеси нам водочки, колбаски, огурчиков-помидорчиков. И ещё опять из холодильника. Запомнила? А как принесёшь, возмёшь вот у него газеты и разнесёшь по селу. Раздашь всем Жмыровым и Хомутинкиным, но не Ужастовым. Всё запомнила? Ничего не перепутаешь?

– Обижаете, Василий Николаич! Мне ещё до маразма как до Москвы.

– Как газеты разнесёшь, ещё раз водки и закуси купишь. Нам и себе.

– Ага! – ответила Людочка.

Секретарша сбегала за продуктами, накрыла стол в прилегающей к кабинету Жмырова комнатке. Затем Саша отвёл её к машине, отдал газеты и вернулся к председателю сельсовета...

### *На следующее утро \**

Проснулся Саша среди ночи в обшарпанном номере с лампочкой вместо люстры. Он лежал на прожжённом одеяле. Кровать под ним напоминала гамак. На тумбочке рядом с ней сидела мышь и грызла колечко копчёной колбасы.

«Это я, значит, притащил сюда остатки закуси? Я! Кто ж ещё? Не Василий же Николаич и не Людочка! А эта секретарша, кстати, ничего. Интересно, было у меня что-то вчера с ней или нет?» – принялся вспоминать водитель Дремлюгиных, но воссоздать вечер в памяти так и не смог.

Сашу поташнивало. Во рту было горько и сухо. Он начал искать раковину, чтобы напиться водой из крана, но его в номере не оказалось.

Вода нашлась только в туалете – одном-единственном на весь коридор и невероятно загаженном. Однако делать нечего! Сложив ладони ковшиком, Саша утолил жажду, вернулся в номер и уснул.

Его разбудил невероятный гром в коридоре, за которым последовал мощный стук. Александр с трудом встал и отворил дверь. В проёме стояла толстенная бабища со свирепым лицом.

– Антонина Сергеевна Ужастова! – отрекомендовалась она. – Впустите?

– Что вам нужно?

– Он ещё спрашивает! Опозорили Вову и Колю на всю

область, и не пускают!

Она отодвинула Александра, ворвалась в номер и водрузила зад на прикроватную тумбочку – ту самую, на которой ночью сидела мышь. Вслед за матерью вошли и сыновья – оба высокие, худые и испитые. Один был лопухий с измождённым треугольным лицом и опухолью на шее, другой с синяком под глазом и, несмотря на молодость, совсем без зубов и волос. От их вида Саше стало совсем не по себе – и его вырвало прямо на облезлый ковёр номера.

– Это Лёха и Толя, – пояснила незваная гостья.

– Что вы от мен хотите? – испугался Саша.

– Кто такая Лара Анафемская? – ответила вопросом на вопрос Антонина Сергеевна.

Её сыновья стояли посреди комнаты и угрожающе молчали.

– Это точно не я, – ответил Александр.

– А если поточнее, – заседала Ужастова.

– Сотрудница газеты. Её зовут Алёной, фамилию не знаю.

Отважная, кстати, девушка. Она и о криминале пишет, и на паперти побиралась, а в четверг утром поедет на свалку. Общаться с бомжами. Ничего и никого не боится, сами видите!

– На свалку? – переспросила гостья.

– На мусорный полигон. Тот, что к северу от Ямова.

– А ваша газета когда открыта?

Саша не знал точные часы работы редакции и сказал набум:

– Каждый рабочий день с девяти до шести.

– А у губернатора когда приёмные дни? – продолжила допытываться Ужастова-мать.

– Не знаю. Зачем вам губернатор?

– Пожаловаться на вашу газету. Если не примет, пойдём в офис «Единой России».

У Александра отлегло от сердца: бить его никто собирался.

– На что собираетесь жаловаться?

– Над нами полсела смеётся, – зарокотала Ужастова-мать. – Все эти Жмыровы и Хомутинкины! Не выйду отсюда, пока не устроишь нам свидание с Алёной. Мне и вот им, – она кивнула в сторону своих сыновей. – Мы всё равно в Ямов собирались. Чеснок отвозить.

Спорить с ней Саша не стал. В полдень вслед за его «Нивой» двинулась ещё одна – ржавая, наполненная мешками с яровым чесноком и разъярёнными Ужастовыми.

## 17. Избиение на мусорном полигоне

Редакционная машина забуксовала в вязкой грязи. Алёна вышла из неё и закашлялась: свалка тонула в густом едком дыме. Это администрация полигона сжигала огромные кучи мусора: выброшенную горожанами мебель, лысые покрышки от автомобилей, ящики, картонные коробки, старую одежду, сломанные пластиковые сидения, которые выкинули ушедшие в зимнюю спячку летние кафе...

Местные обитатели придышались к чаду настолько, что почти его не замечали, однако для журналистки погружение в него стало первым, хотя и не самым страшным испытанием, уготованным свалкой.

– Поезжай отсюда, – сказала журналистка водителю. – Я тебе позвоню, когда захочу вернуться. Или такси вызову.

Алёна смотрела вслед уходящему редакционному автомобилю до тех пор, пока тот не скрылся из виду, и она осталась одна наедине с чуждым и непонятным ей миром. Она была пусть и не самой весомой и заметной, но всё же органичной частичкой города, который жил по другим правилам, нежели свалка.

Здесьних обычаев Алёна не знала, ей было страшновато. У неё першило в горле от дыма, однако она упрямо хлюпала по жирной грязи, время от времени доставая из кармана кеноновскую «мыльницу» и фотографируя виды мусорного



полигона.

Вскоре девушка наткнулась небольшую группу женщин с пакетами, пока ещё пустыми. Это крестьянки пришли из близлежащего пригорода как раз ко времени прибытия машины с бойни.

– Мерзавки! – вдруг послышался хриплый женский голос. – Мы здесь себе ищем жратву, а вы её свиньям скармливаете!

В сторону гостей из села двинулась группа бомжей с кольями в руках.

– Убирайтесь! Вон отсюда! – орали они.

Однако конкурентами местным обитателям были не только пришлые люди. В стороне повизгивали собаки, а над дымом кружили вороны и озёрные чайки с чёрными головами и красными клювами. Все ждали, когда придёт пропитание.

Крестьянки побежали, подгоняемые кольями бомжей. Алёна вытащила «мыльницу» и начала фотографировать побоище, однако несколько местных жителей тут же бросились на неё с криками:

– Убери свою игрушку, а то разобьём!

Алёна подчинилась, и они успокоились.

– Чего сюда пришла? – спросила её бомжиха, на вид лет пятидесяти.

– Хочу узнать, как вы живёте.

– Кто ты есть-то, чтоб нами интересоваться? Чиновница из мэрии или сотрудница ночлежки?

– Меня послала мэрия, но я не чиновница. Волонтерка, – солгала Алёна.

– Ну, и чего ты собралась здесь наволонтировать? – поинтересовалась бомжиха.

– Может, добыюсь, чтобы вам привозили горячие обеды. Хотя бы раз в день. В Париже, я знаю, так делают. Кормят клошаров за счёт мэрии. Знакомые рассказывали...

– Брось! – отрезала бездомная женщина. – Здесь тебе не Франция. Тут по-другому подкармливают нашего брата. Там убойные отходы перерабатывают, а у нас выбрасывают на свалку.

Послышался шум двигателя, и бомжи, которые до этого сидели на коробках и безучастно слушали нелепый разговор, повскакали с мест. Через минуту на полигон вошёл грузовик с отбросами.

– Некогда больше разговаривать, – сказала Алёне бомжиха. – Иди вон к тому ящику, сядь на него и жди. Мы костёр разведём. Поговорим ещё, пока будет вариться кулеш. Можешь разжечь огонь, если зажигалка есть. Там рядом чайник стоит. Вскипяти. За такое волонтерство тебе здесь честное спасибо скажут.

Алёна сделала треногу из кусков проволоки, которые нашла поблизости, развела костёр, поставила чайник и затянулась сигареткой Glamour.

Ждала она недолго. Вскоре к костру потянулись грязные люди с загорелыми, обветренными и изрытыми глубокими

морщинами лицами. Они с опаской и недоумением смотрели на чистенькую девушку, с иголки одетую и курящую модные сигареты.

– Дай затянуться. Порадуй старушку иностранным табачком, – попросила её бомжиха.

– Это не импортный, а российский табак. Ничего особенного, – ответила Алёна и протянула ей сигаретку.

Скоро возле гостыи собралась толпа, и она раздала всю пачку, тем самым немного расположив к себе бомжей. Угрожающее напряжение на их лицах стёрлось, и они пригласили журналистку поесть вместе с ними кулеш из убойных отбросов и попить варёный чай.

Алёна попыталась расспросить их о прошлом, но рассказать о себе согласился лишь один из них, по имени Виталий.

– Я бродяга со стажем, – ответил он. – Не первый и не второй год на свалке, а, видишь, всё ещё жив.

Биография у него оказалась банальной. Он работал учителем, но по ошибке (так он утверждал) был осуждён и четыре года просидел в тюрьме. Вышел по УДО, вернулся домой, а у жены – уже другой мужчина. Она не прописала Виталия назад. Финалом его мытарств стала свалка...

Алёна начала расспрашивать бомжей о пропадающих людях, но те лишь насторожились.

– Ты откуда об этом знаешь? – спросила её пожилая бомжиха.

– Разве не вы писали в прокуратуру? – удивилась журна-

листка.

– Да был один чудак. Бывший учитель. Лет уже за полтинник, но всё в розовых очках. Его уже нет: такие здесь не выживают.

– Значит, не верите, что город вам поможет?

– Ты о чём, девочка?

Время шло медленно. Слово за слово журналистка выпила третью кружку чифиря – и у неё мелко и неровно затрепетало сердце, и душу охватил безотчётный потусторонний страх. Она нестерпимо захотела в туалет и побежала в ближайшую лесополосу.

Девушка присела на корточки, собираясь справить нужду... но не успела: её окутал запах перегара и чеснока, а затем над ней нависла чья-то долговязая фигура, которая внезапно вынырнула из-за куста.

Журналистка подняла глаза. На неё смотрел мужчина настолько безобразный и опустившийся, что любой бомж по сравнению с ним показался бы ухоженным красавцем.

Треугольное испитое лицо, всё в морщинах и рубцах от прыщей... крохотный рот, напоминающий присоску спрута... зеленовато-карие глаза навывкате... гигантская опухоль на шее...

Однако девушку напугало не столько уродство этого человека, сколько отпечаток одичания и слабоумия на его лице, чего она не замечала у здешних бомжей.

– Ты, что ли, Алёна? – сипло спросил он, окутав девушку

сивушным перегаром.

Она затряслась и через силу прошептала:

– Алёна Пеструшкина.

– Ты написала об Ужастовых?

Журналистка непроизвольно кивнула – и через долю секунды упала на лесную подстилку от удара каблуком по носу. Последовал ещё один удар – и она потеряла сознание...

### *Вечером того же дня \**

Алёна очнулась на тряпье в старой кабине грузовика. Через пыльные окна просачивался красноватый свет вечернего солнца.

Нос не дышал, и на секунду девушке показалось, что она сильно простудилась. Провела рукой по щеке, посмотрела на палец... Он был в крови...

– Как же так получилось, девочка? – слышался хриловатый голос пожилой женщины. – Мы тебя целых три часа искали. Думали, ты на дальнюю лесополосу пошла, где люди пропадают. Не побоялись туда пойти. Вернулись в ближнюю рощицу, смотрим, а ты там лежишь без сознания. Видно, голова у тебя закружилась, ты упала и стукнулась головой о берёзовый пенёк. Но как же ты нос умудрилась так разбить? Ведь у тебя на лице живого места нет!

– Монстр... Мутант... – гнусаво ответила Алёна.

– Померещилось тебе, наверное...

– Нет! Жуткий такой... Бил по лицу... Каблуком... Где

моё зеркальце?

Каждое слово давалось девушке с трудом и болью: она по привычке пыталась выдохнуть через разбитый нос.

– Сумку ты с собой взяла, когда пошла в лесополосу, – ответила бомжиха. – Когда мы тебя нашли, её не было. Никто из наших её не взял, точно тебе скажу.

– Это ОН забрал... – прошептала Алёна.

Хозяйка кабины в ответ усмехнулась.

– Как хоть выглядел этот ОН?

– Испитой... – начала вспоминать девушка. – Нарост на шее... Лицо не помню... Это ОН ворует людей!

– Нет, не он! – уверенно возразила бомжиха. – Один из наших смог убежать от этих похитителей, потом рассказывал. Они чистенькие, благообразненькие. На монстров совсем не похожи.

– Куда... они... увозят ваших?

– Кто ж знает? Да и какое тебе, девочка, теперь до этого дело? У тебя нос сильно болит?

– Когда говорю, то да, болит. А так нет... – выдавила из себя Алёна.

– Во что же они тебя превратили! – вновь запричитала бомжиха. – Ты у меня зеркальце вроде просила. Вот, погляди на себя.

Бомжиха порылась в набросанном на пол тряпье и нашла среди него треснувшее зеркало от жигулёвской «классики». Девушка опасливо его взяла и ту же отбросила.

Она неподвижно и безмолвно пролежала ещё час – и лишь изредка всхлипывала.

– Ну что, пришла в себя? – наконец, спросила её бомжиха. – Попей воды. Она кипячёная и уже остыла. Тебе такую можно. Кулеш тоже чуть тёплый. Поешь. Только не вставай, а то хуже будет. Я тебе подам.

Алёна чуть приподнялась, попила из её рук и вновь положила голову на свёрнутое драное пальто.

– Не хочу есть. Посплю.

Проснулась она уже утром. От шума.

– Это не наши! Клянусь, не наши! – громко перед кем-то оправдывалась бомжиха.

Алёна с трудом поднялась и вышла из кабины.

– Это не бомжи, – подтвердила она и потеряла сознание.

Затем чьи-то сильные руки положили её на носилки и понесли через едкий дым к машине «скорой помощи».

– Что я натворил, Алёна! – шептал, склонившись над ней, главный редактор. – Что я натворил!

## 18. Кончина Ужастовых

Покоцанная деревенская «Нива» пыхтела и изрыгала сизый дым, жалуясь мокрой трассе на болезнь поршневых колец. Раннее утро было пасмурным, накрапывал лёгкий дождик. «Дворники» честно старались стереть со стекла капли воды, но то и дело заедали: механизм никто не смазывал уже много лет.

Машин на дороге почти не было, однако водитель, осознавая ветхость и ненадёжность своего автомобиля, старался ехать неспешно. Да и куда Анатолию было торопиться? Он ведь выполнил свой долг перед родом Ужастовых, отомстил за своих братьев наглой журналистке.

С заднего кресле каждые пять минут доносились слова его матери: «Толя, веди аккуратнее! Ты ведь не Шумахер». Анатолий не спорил: осознавал, что человек он заторможенный и взялся за руль лишь потому, что у сидящего на соседнем кресле брата не было прав.

До поворота на Казьминовку оставалось ещё километров двадцать, когда водитель увидел в зеркале заднего вида внедорожник «Опель», весь ржавый, с насквозь прогнившими крыльями, на которых уже не держались пластиковые декоративные арки.

Анатолий насторожился: дорога была пустой, однако «Опель» не пытался опередить его машину, а шёл на той же



скорости вслед за ней.

Автомобили двигались друг за другом минут десять, но как только впереди показался гружёный брёвнами лесовоз, «Опель» вдруг резко ускорился, обогнал «Ниву» справа и вышел на полосу прямо перед ней.

Анатолий, чтобы не столкнуться с лесовозом, резко нажал на педаль тормоза и крутанул руль. Это было его ошибкой.

«Ниву» выкинуло на встречную полосу и понесло по мокрому асфальту прямо на лесовоз, водитель которого тоже резко затормозил... однако огромная инерция нагруженной брёвнами машины не позволила ей вовремя остановиться...

Бледный от ужаса, водитель лесовоза спустился на дорожное покрытие, чтобы посмотреть, что же случилось с «Нивой». Она была смята с гармошку, и внутри неё не были слышны ни вздохи, ни стоны...

Он снял бейсболку, прочёл единственную известную ему молитву «Отче наш» и набрал номер дорожной милиции.

Тем временем «Опель» резко набрал скорость и на первом же повороте свернул на грунтовую дорогу, ведущую к сосновому лесу. Он пошёл к тому месту, где среди мачтовых деревьев виднелось сфагновое болото, почти сплошь затянутое бледно-зелёным мхом.

На берегу водоёма водитель заглушил мотор, поставил рычажок передачи на первую скорость, выпрыгнул из машины и завёл её при помощи брелока. «Опель» двинулся в топь, а стоящий поодаль человек с любопытством и даже некото-

рым наслаждением наблюдал, как трясина затягивает автомобиль.

Затем он бросил в болото ключи и пошёл в сторону трассы...

### *Через два часа \**

Александр вернулся в лесной особняк и, даже не поев и не помывшись, побежал отчитываться перед хозяйкой. Он был в грязи и автосмазке, от него разлило потом, но Ирина Геннадьевна не придавала этому значения.

Дремлюгина увлечённо слушала рассказ водителя о том, что сотворили Ужастовы с несчастной журналисткой.

– Значит, этот дебил въехал ей каблуком прямо по физиономии? – мстительно засмеялась вдова. – Несколько раз даже въехал? Девка в больнице?

– Именно так, Ирина Геннадьевна!

– А сам дебил?

– Попал в ДТП, – печально ответил Саша. – Массивный и насквозь гнилой джип подрезал его и вытолкнул на встречку. Итог – лобовое столкновение с лесовозом. Травма, несовместимая с жизнью. Мозги наружу, проще говоря. Они, оказывается, у него всё-таки имелись.

– С ним кто-нибудь был? – с неподдельным любопытством спросила Дремлюгина.

– Брат и мать.

– Что с ними?

– Туда же!

Ирина Геннадьевна сочувственно ахнула, вскочила с кресла и начала нервно ходить по гостиной.

– Ну и как, нашли этот джип? – наконец, поинтересовалась она.

– Скрылся, – досадливо покачал головой водитель. – На этом участке дороги нет камер, а видеорегистраторов не было ни в «Ниве», ни в лесовозе. Живой свидетель ДТП только один. Это водитель грузовика. Он и вызвал гаишников, и рассказал им про джип. Менты искали машину, конечно... Толку-то! Этот внедорожник сейчас лежит где-то в лесном болоте, видит сны и тихо догнивает.

– Какие же у меня талантливые люди работают! – воскликнула Ирина Геннадьевна. – Сколько хочешь? Стольника хватит? Помимо расходов на саму эту операцию.

– Дайте уж двести тысяч... – мечтательно сказал водитель.

– Двести так двести... – вздохнула Дремлюгина. – Что там, кстати, с девчонкой?

– Я же сказал: в челюстно-лицевой хирургии.

– А конкретнее...

– В больницу звонить не стал.

– Правильно сделал, кстати. Свободен!

Как только Александр вышел, Дремлюгина нажала на кнопку вызова: «Ксюша, зайди!»

– Что такое, Ирина Геннадьевна? – спросила вбежавшая домохозяйка.

– Запиши имя: Алёна Александровна Пеструшкина. Она сейчас лежит в областной больнице, в отделении челюстно-лицевой хирургии. Надо узнать во всех подробностях, что с ней.

– Будет сделано! – выпалила домохозяйка.

– Не торопись! Сама не езд. Попроси кого-нибудь. Не надо работнице Дремлюгиных там светиться. Вечером, когда вернёшься в Ямов, доберись о её дома, поговори с её знакомыми или соседями...

– Обязательно, Ирина Геннадьевна!

Хозяйка особняка задумалась, потом продолжила:

– Нет, лучше, вот как сделай. Поезжай сейчас в домик к девушкам. Пусть какая-нибудь из проституток позвонит в больницу, представится школьной подругой этой Алёны. Попрошает врачам в жилетку и расспросит обо всём. Потом ещё пускай звякнет в редакцию, разведает обстановку...

– Сделаю всё, как вы просите!

– Уж постарайся! Только не упускай ту поганку из виду, а то вдруг решит позвонить домой и на меня пожаловаться. Им только дай телефон! Поняла?

– Обижаете, Ирина Геннадьевна!

– И ещё... – Дремлюгина внезапно засмушалась и даже немного покраснела. – Как бы тебе сказать? Ну, в общем, я звонила отцу Афанасию. Прихвати с собой оттуда... какого-нибудь поинтереснее. Осмотри внимательно, придиричи-во. Чтоб всё при всём было. Приведи... Да, и пусть еды и

вина принесут на двоих. Вина получше. Об Алёне доложишь завтра. Ладно?

– Будет сделано! – повторила Ксения.

### *Через час \**

Из лесного домика привезли стройного молодого человека с волосами цвета сухой травы. На нём была белая футболка в обтяжку и шорты. Хозяйка дома встретила его в чёрном полупрозрачном пеньюаре, запахнутом не полностью – так, чтобы через щель проглядывал её загорелый живот.

– Как тебя зовут? – поинтересовалась она.

– Юра, – ответил парень. – Юра Балюк.

– Ты такой золотистый и крепенький! Значит, и в спортзал ходишь, и в солярий?

– А чем ещё у вас заниматься? У нас же нет интернета...

– И не надо, а то одрябните. Лучше в спортзал почаще ходите. Ну-ка, напряги руку!

Парень подчинился, и Дремлюгина пощупала его бицепсы.

– Ты когда-нибудь пробовал осеннюю тетёрку, запечённую с клюквой? – услужливым тоном спросила она. – А выдержанное «Бордо»? Сейчас подадут...

Она села за стол, указала юноше на стул напротив себя и махнула домоправительнице, чтобы та покинула гостиную.

Убегая, Ксения незаметно ухмыльнулась: Ирина Геннадьевна движениями и мимикой напомнила ей проголодав-

шуюся кошку.

– Давай потанцуем! – сказала Дремлюгина после третьего бокала вина и нажала на пульт.

Комната наполнилась звуками медленной музыки. Ирина Геннадьевна, немного покружив с парнем, внезапно остановилась – и мягкая кисть её руки скользнула по его животу вниз.

Она одобрительно ахнула. Молодой человек подхватил её на руки и понёс к дивану...

– Нет, неси ко мне в спальню! – прошептала хозяйка. – Это слева через две двери.

– Ты такая классная, просто ошеломительная, – немного осмелев, сказал он. – Я таких красивых не видел даже по телику.

Однако до спальни он не дошёл.

– Поставь меня на место! – неожиданно вскрикнула Ирина Геннадьевна.

Тот послушался, осторожно опустил хозяйку на пол – и посмотрел на неё недоумённым и разочарованным взглядом.

– Знаешь, не стоит, – грустно сказала ему Дремлюгина. – Иди отсюда! Иди-иди!

## 19. Деньги на операцию

Утром на планёрке главный редактор выглядел пришибленным. Он вяло спросил, у всех ли готовы материалы в ближайший номер, и, получив утвердительные ответы, распустил сотрудников по кабинетам.

Все догадывались, что причина его подавленности заключалась в Алёне, ведь девушка не появлялась в редакции уже два дня.

Вирятин был таким же погасшим, как и его шеф. Он догадывался, что с журналисткой случилось что-то очень неприятное, может быть, даже какая-то трагедия – и укорял себя за то, что сам не отправился на свалку. Он ведь хотел сам провести расследование, но не настоял, не надавил на главреда.

Павел Валентинович подозревал, что девушку избили бомжи или укусила бешеная собака, и ни за что не поверил бы тому, кто сообщил бы ему правду: рассказ выглядел бы слишком неправдоподобным. В самом деле, откуда жители далёкого села могли узнать, что изгалявшаяся над их родственниками журналистка поедет в четверг на городскую свалку?

Мрачные размышления Вирятина прервала секретарша, которая в полдень стала обходить кабинеты.

– Очнитесь, Пал Валентиныч! В тринадцать состоится экстренное собрание, – крикнула она Вирятину, а затем по-

шла дальше по коридору, предупреждая сотрудников, чтобы они через час не ушли обедать, а собрались в приёмной главного редактора.

В час дня шеф вялым жестом пригласил их к себе в кабинет.

– Наверное, вы уже догадываетесь, что у нас случилась беда? – оглядев подчинённых, спросил он. – На свалке ограблена наша сотрудница, Алёна Александровна Пеструшкина. У неё отняли сумочку, диктофон, сотовый, документы и все деньги, которые она взяла с собой. Милиция ищет злоумышленников.

– Чего их искать? Неужели непонятно, что это были бомжи? – громко сказал кто-то из журналистов.

– Сама Алёна это отрицает, – возразил главный редактор. – Наоборот, благодарит бомжей за оказанную помощь. К тому же, утрата вещей – не самое страшное из того, что с ней случилось. У неё изуродовано лицо: грабители били её каблуками по носу. Вчера её положили в областную больницу, в отделение челюстно-лицевой хирургии. Заключение врачей неутешительное: они вернут Алёнку к нормальной жизни, но восстановить лицо не смогут. Она останется обезображенной... но мы ведь не бросим её в беде, правда?

Посыпались вопросы:

– Чем мы можем ей помочь? Что вы собрались делать?

Прозвучала даже чья-то язвительная реплика:

– Может, теперь-то ты женишься на ней?



– Для этого сначала надо развестись, – серьёзным тоном ответил главред. – Но это отдельный разговор. Пока мне хотелось бы побороться за её внешность. Вместе с вами. Нужно обратиться в платную клинику. В Ямове ринопластика, реставрация зубов, лазерное удаление шрамов и прочие процедуры потянут вместе тысяч на семьдесят... но сами знаете: оперироваться у нас и врагу не пожелаешь. В соседних областях тоже. В Москве хирурги лучше, но расходы будут больше раза в четыре. Хорошие специалисты, как я узнал, есть в Махачкале. Там все процедуры выйдут тысяч в сто шестьдесят. Ещё придётся оплатить проживание, проезд туда и обратно. Итого почти двести тысяч. Алёна не сможет найти такие деньги. У неё ведь нет отца, а мать в своей библиотеке получает гроши. Даже по сравнению с вами. Считаю нашей обязанностью помочь ей. Леночка соберёт с вас по пятьсот рублей. Если кто-то захочет дать больше, буду рад. Сам внесу десять тысяч, а мой заместитель и ответственный секретарь – по три. Мы так решили.

– Получится всего тысяч сорок, – возразил старый сотрудник газеты, по совместительству председатель ямовского отделения Союза журналистов. – Мы, конечно, выпишем из нищего бюджета нашей организации матпомощь, наскребём ещё тысячи три... но где взять остальные сто пятьдесят?

Сотрудники редакции начали расходиться, бурча и злобно перешёптываясь: для них и пятьсот рублей были приличными деньгами, с которыми совсем не хотелось расставаться.

Вирятин задержался в кабинете шефа.

– Витя, я тоже виноват в том, что Алёну избили, – тихо сказал он. – Ведь это мне в следственном управлении рассказали о письме бомжей. И потом, я не отговорил тебя посылать Алёну на свалку, хотя сам должен был туда поехать. Не настоял...

– Паша, не грызи себя! – отмахнулся шеф. – Ты уже подустал и разочаровался в журналистике. Не спорь со мной, это заметно. А вот у Алёны глаза горят. У неё статья вышла бы интереснее, чем у тебя...

– Статья вышла бы интереснее... – печально усмехнулся Вирятин, – но в итоге получилось совсем не интересно. Завтра принесу десять тысяч. Надеюсь, Марина за это меня не выгонит из дому.

– Ты всё-таки с ней спишь! – покачал головой Виктор Алексеевич. – И даже у неё живёшь. Зачем врал про какую-то платоническую любовь?

– Наши отношения такими и были. Раньше, – начал оправдываться Павел Валентинович.

– Иди лесом, Паша! Тошно и без твоего вранья. Даже если ты дашь десять тысяч, мы нужную сумму не наберём. Не возьму я с тебя таких денег. Это же половина твоей зарплаты! На что будешь жить?

– Небольшие сбережения у меня есть.

– Это копейки, Паша! Не хочу тебя грабить. Давай тысячи две, если уж так мучаешься, и иди поскорее к своей Марине!

Не мозоль глаза.

Вирятин, не чувствуя в себе силы вести машину, растерянно просидел в кабинете до конца рабочего дня. Думал, что делать дальше.

«Марина как в воду смотрела! Предчувствовала, что с Алёной случится беда! Она, конечно, не предсказательница будущего, просто основывается на своём двадцатипятилетнем опыте. Двадцатипятилетнем, подумать только! Как она отнесётся к моему рассказу? Не образуется ли между нами трещина, если я расскажу ей про Алёну?» – извилисто и рвано текли мысли Павла Валентиновича.

В конце рабочего дня он всё же сделал над собой усилие, поднялся, сел за руль своей старенькой «Нексии» и отправился к Марине Вячеславовне.

Когда он вошёл в квартиру, помощница прокурора была уже дома.

– Почему ты такой подавленный? Сам не свой, – поинтересовалась она у входящего Вирятина. – Неприятности на работе?

– Хуже, Марина! – ответил Павел Валентинович. – Ты оказалась права.

– Ты об Алёне? Знаю уже! Уголовное дело возбудили. Бесперспективное, как мне кажется. Зачем ты рассказал в редакции о жалобе бомжей? Я же тебя предупреждала.

– Бес попутал, – попытался отшутиться Вирятин. – Почему ты считаешь это дело бесперспективным?

– Так и будем всё обсуждать у входа? Раздевайся, мой руки – и на кухню! Я индюшачье мясо в духовке испекла. С луком и яблоками. Пальчики оближешь!

Вирятин облегчённо выдохнул: понял, что Марина Вячеславовна не станет ему закатывать скандал из-за того, что он рассказал в редакции о письме бомжей. Он сел за кухонный стол, поднёс кусочек индейки ко рту...

– Вкусно, Марина, – задумчиво сказал он. – Очень вкусно. Итак, что там всё-таки следаки накопили?

– Пока ничего! Зацепок никаких. Бомжи клянутся, что они тут ни при чём. И девчонка за них заступается, говорит, что именно они её нашли и спасли. Видел бы ты её! Вместо лица – кровавая котлета. И, похоже, она бредит: рассказывает о каком-то инопланетном монстре.

– Бредит? – переспросил Вирятин. – Она мне казалась здоровой девчонкой. Психически, имею в виду. Не пила. Курила только табак, наркотой не баловалась. Может, у неё температура?

– Да нет... но говорит, что этот монстр её так и отделал.

– Неужели сошла с ума?

– Едва ли, Паша. Врачи так написали: «Психические нарушения невыясненной природы, возникшие вследствие черепно-мозговой травмы». Когда поправится, психиатры её обследуют уже основательнее.

Вирятин долго смотрел бессмысленными глазами на тарелку и не брал больше ни кусочка мяса.

– Это я во всём виноват, Марина! – наконец, сказал он.

Та кивнула:

– Да. Зачем послал девчонку на свалку?

– Это не я, а шеф её туда отправил, – ответил Вирятин. –

Сказал, что она с огоньком и у неё лучше получится. Я не настаивал.

– Вот и зря.

Павел Валентинович опять забылся и лишь минуты через три спросил:

– Считаешь, это было ограбление?

– А что же ещё? – усмехнулась Марина Вячеславовна. –

Нафантазировать можно что угодно, но всё-таки лучше вооружиться бритвой Оккама и не умножать сущности. Если принять версию о мести, появится слишком много вопросов. За что ей мстили?

– Она много всего по неосторожности написала. Помнишь, мы с тобой говорили про статью о братьях-алкашах. Ты тогда испугалась, как бы с ней чего не случилось.

– Да, испугалась! – кивнула помощница прокурора. – Были у меня такие опасения, но в прокуратуре я об этом говорить не стала. И не буду: поднимут на смех. Посуди сам: алкаши из далёкого села специально приехали в Ямов, много дней следили за вашей Алёной, ходили по пятам и, наконец, подстерегли на свалке. Согласись, версия выглядит нелепо. К тому же, как им удалось её выследить? Они ведь никогда вашу Алёну не видели.

– Могли узнать по фотке в газете.

– Могли... но неужели они и вправду несколько дней стерегли её у подъезда. И потом, на мусорный полигон она отправилась на редакционной машине. Они что, поехали вслед? Не фантазируй, Паша!

– Почему бы не допросить родственников? – не унимался Вирятин.

– Там Ужастовых полсела! – усмехнулась Марина Вячеславовна. – Кого конкретно?

– Самых близких, наверное.

– Таких уже нет. Вчера погибли в ДТП. По пути в свою Казьминовку. Кстати, вещей журналистки у них при себе не было.

– Могли выбросить... – предположил Вирятин.

– Отняли вещи, чтобы потом от них избавиться? – рассмеялась помощница прокурора. – Чушь полная! Ни при чём они тут, эти Ужастовы! Девку ограбил кто-то другой.

– И найти грабителя уже не удастся?

– Конечно, Паша! Это всяк... если, конечно, честно расследовать.

– А если нечестно?

– Не задавай глупые вопросы. Сам знаешь: посадят кого-нибудь бомжа, или, скорее, алкаша из ближайшего пригорода... У тебя, кстати, индюшка остыла. Подогреть снова?

Марина Вячеславовна, не дожидаясь ответа, выложила мясо на сковородку и поставила на плиту.

Ожидая, пока блюдо разогреется, Вирятин опасно сказал:

– Марина, хочу внести десять тысяч. Наравне с шефом. На лечение. Не выгонишь за это из дома?

– За что, дурачок? – ласково засмеялась Ирина Вячеславовна. – Я, кстати, тоже внесу деньги. Столько же, сколько и ты. Только всё это – мёртвому припарки. На хороших врачей не хватит, а у ямовских пластических хирургов лучше её не оперировать вообще. Окончательно девчонку изуродуете.

## 20. Второе дно щедрости

Утром Ксения дождалась, когда Дремлюгина пробудится, и сразу же юркнула к ней в спальню.

– Чего тебе, Ксюша? – недовольно спросила Ирина Геннадьевна. – Видишь ведь: я ещё не встала.

Домоправительница опасливо присмотрелась к лицу хозяйки и, к своей радости, не увидела на нём неприязненного выражения.

Наоборот, Дремлюгина приветливо улыбалась. «Значит, можно не бежать из спальни», – решила Ксения.

– Вот я и хотела предложить... – осторожно сказала она. – Кофейку в постель, какао или чайку? С любимым сыром.

– Валяй! – лениво ответила Дремлюгина. – И себе тоже. Попьём чаю вместе. Ты рядом посидишь, а я ещё немного понежусь.

Домоправительница, тем не менее, не уходила.

– Чего тебе ещё? – поинтересовалась хозяйка дома. – Иди уж за чаем!

– Простите меня, Ирина Геннадьевна! Виновата. Плохого паренька я вам подобрала. Не понравился он вам.

– Нет, что ты! Блондинчик красивенький, крепенький, брызжет мужской силой, это чувствуется. Да чего я тебе рассказываю? Ты, поди, всех там перепробовала, и его тоже. Не бойся, говори честно: тебе можно.



– Был грех, – засмушалась Ксения. – Но как же я, не попробовав, к вам его поведу? Грамотный парень. Вот и не пойму, почему он вам не понравился.

– Ну, и заклинило тебя! Не в нём дело. Просто я не смогла. Очень его хотела, таяла рядом с ним... но когда он взял меня на руки, вдруг вспомнила Серёжу – и желание сразу пропало. Поняла?

– Нет, не поняла. Недостаточно, значит, хорош был паренёк, иначе бы вы всё забыли... даже Сергея Петровича. Моя вина.

– Надоела. Иди уж за чаем!

Вернулась Ксения минут через десять, придвинула к кровати Дремлюгиной стул и журнальный столик с чаем и сыром. Видя беззлобное выражение лица хозяйки, она совсем осмелела:

– Всегда поражалась обстановке в вашей спальне, Ирина Геннадьевна. Вся в жуках! Зачем они вам?

– Это жужелицы, Ксения, – ответила вдова, в душе посмеиваясь над непосредственностью своей работницы. – Со всего света... но неужели у нас нет более важных тем для разговора? Ты всё разузнала?

Дремлюгина съела ломтик сыра и отхлебнула чаю, выжидательно смотря на домоправительницу. Та поняла, что задала неуместный вопрос, насторожилась и не решалась приотронуться к еде.

– Обижаете, Ирина Геннадьевна! – пролепетала она.

– Ну, так что там у этой Алёны? – нетерпеливо и строго спросила хозяйка.

– Черепно-мозговая травма. Сотрясение мозга средней тяжести. То есть, она в сознании, но говорит странные вещи. По каких-то инопланетных монстров.

– Ай-ай-ай! Неужели бредит? – покачала головой Дремлюгина, при этом подумав: «Если б ты, Ксения, увидела фотку этого Толи Ужастова, не так бы запела! Да будет земля пухом «инопланетному чудовищу»!»

– Врачи говорят: психические нарушения от черепно-мозговой травмы, – продолжила домоправительница. – Однако сотрясение – ещё полбеды, даже четверть. Алёне рекомендуют ринопластику, реставрацию зубов и удаление шрамов лазером.

– Ай-ай-ай! – вновь покачала головой Ирина Геннадьевна, на этот раз сочувственно. – Ну, и откуда девушка бабосики возьмёт? У папы с мамой попросит?

– В редакции сказали, что у неё одна мама. Библиотечный работник. Получает смешную зарплату. Не знаю даже, как на неё можно жить.

– Ну и? Больше ты ничего не узнала?

– Обижаете, Ирина Геннадьевна! – вновь сказала Ксения. – Редакция собирает деньги на операцию. Но, боюсь, они даже четверти нужной суммы не наскребут.

– Ага! – обрадовалась вдова. – И по сколько собирают?

– Рядовые сотрудники по пятьсот рублей. Ответсек и за-

мредактора внесли по три тысячи. Главред, Вирятин и его краля из прокуратуры – по десять.

– Да быть того не может! – всплеснула руками Ирина Геннадьевна. – А ты молодец! Сколько всего разнюхала...

– Рада стараться! Ради любимой хозяйки.

– Вот лъстивая паразитка! – ласково улыбнулась ей Дремлюгина. – Про жуков больше не спрашивай. Допивай чай и иди отсюда. Мне нужно кое с кем связаться.

Оставшись одна, Ирина Геннадьевна нехотя поднялась, ополоснулась под душем и закуталась в мохнатый халат. Она просидела в кресле четверть часа, о чём-то размышляя, и, наконец, взяла смартфон.

– Марина Вячеславна, это Дремлюгина. У вас есть время для разговора?

Помощница прокурора настолько опешила, что уронила телефон. К счастью, себе на колени.

– Ирина Геннадьевна? – недоверчиво переспросила она, подобрав сотовый.

– Да, это я. Слышала, в редакции случилась беда, и вы её приняли близко к сердцу.

– Откуда у вас мой номер?

– Вы же не пятилетняя девочка, чтобы задавать такие вопросы, а я не нищенка с паперти и не бомжиха со свалки, – засмеялась Дремлюгина.

«Ах, да, конечно! Телефоны прокурорских не так уж

сложно купить», – догадалась Багримова.

– Хотите выразить соболезнование? – переспросила она. – Почему звоните мне, а не в редакцию?

– Потому что хочу поговорить об Алёне именно с вами, – ответила Ирина Геннадьевна, – По моим данным, вы и ваш жених хотите внести по десять тысяч на операцию для этой девчонки. Не стоит!

– Не ваше дело! – возмутилась помощница прокурора, но связь не прервала.

– Зря вы так, – вздохнула Дремлюгина. – Я ж от чистого сердца. Вам не потребуется вносить деньги, потому что операцию полностью оплачу я. В лучшей клинике Москвы. Могла бы даже отправить девочку в Европу или в Израиль, но в этом нет необходимости.

– К чему такой аттракцион щедрости? – бросила ей Марина Вячеславовна. – Насколько я знаю, у вас нет причин любить Алёну.

– Да, я на неё была зла! – усмехнулась Дремлюгина. – Но после такого несчастья...

– Значит, от чистого сердца, Ирина Геннадьевна? – съязвила помощница прокурора. – Теперь и мне предстоит проявить ответную чистосердечность, правильно? Вы же известный в регионе человек. Все знают, что просто так вы ничего не делаете. Какова цена вопроса?

– Пустяк. Мне нужны материалы дела об убийстве моего мужа. Я, как вы знаете, давно их ищу. Мне их даже за деньги

не давали. Но теперь, надеюсь, вы войдёте мое положение.

– Не могу решать за следственное управление.

– Разве следователь, который ведёт дело об убийстве моего мужа, не чувствует свою вину за избиение журналистки? – вкрадчивым голосом спросила Ирина Геннадьевна. – По моим данным, это он дал Алёне материалы незавершённого дела братьев Ужастовых.

– Алёне он ничего не давал!

– Значит, дал главреду или кому-то ещё из редакции. Нарушил служебную дисциплину, между прочим... да-да! А начальник следственного управления разрешил ему это сделать. Даже прокурор об этом знал, по моим данным.

– Разве Ужастовы имеют какое-то отношение к избиению журналистки?

– Точных сведений у меня нет и быть не может... – ответила Дремлюгина. – Но разве следствие не прорабатывает эту версию в числе прочих?

– Очень хлипкая версия! – отрезала помощница прокурора. – Сами подумайте, откуда в Казьминовке могли узнать, что Алёна Александровна отправится в четверг на свалку?

– Родственников Ужастовых разве не допрашивали?

– При всём желании не сможем. В четверг вечером погибли братья подозреваемых, и мать тоже. Отец же давно скончался от цирроза печени.

– Как погибли? – воскликнула Дремлюгина.

– Анатолий вёл «Ниву» по трассе «Москва-Каспий» – и

вдруг у него отказало сердце. Машину вынесло на встречу. Ничего неожиданного. У Анатолия были сердечная недостаточность, цирроз печени и опухоль на шее.

«Прекрасно! – улыбнулась Ирина Геннадьевна. – Гаишники не поймали джип и сделали вид, что его не было. В самом деле, зачем им лишняя головная боль? А один свидетель – не свидетель!»

– Как же всё печально! – сокрушённо произнесла она. – Но вернёмся к предмету нашего разговора. Вы ведь тоже нарушили служебную дисциплину, рассказав газете о письме бомжей. И ещё дали ей информацию о похождениях Ужасовых, с настоящей фамилией. Прокурор, опять же, обо всём этом знал, но меры не принял...

– Откуда вам всё известно, Ирина Геннадьевна? Видимо, у вас целая сеть шпионов. Не надо меня шантажировать!

– Я разве шантажирую? Хочу помочь горю молодой журналистки.

– Помочь, вцепившись в меня жвалами жухелицы?

– Хваткой жухелицы Ерoтiс в горло лягушки, – засмеялась Ирина Геннадьевна.

– Я не лягушка... – презрительно бросила Марина Вячеславовна. – Однако пойду вам навстречу. Давайте договоримся так. Ради спасения этой девушки я соглашусь на ещё одно нарушение служебной дисциплины. Уговорю следователя показать материалы... но не вам, а моему жениху, журналисту. Он вам передаст свои записи.

– Записи? – удивилась Дремлюгина.

– Да, никаких сканов. Пусть перепишет нужную вам инфу в блокнот и перепечатает на компьютере. Так будет безопаснее.

– Марина Вячеславна, к чему такие предосторожности?

– Защита от ещё одного шантажа. В общем, я познакомлю вас с женихом. Скажете ему, что вам нужны некоторые страницы дела об убийстве вашего мужа. Пусть он перепишет всё, что вас интересует. Договорились?

– Хорошо, – согласилась Дремлюгина. – Заранее благодарна. Когда познакомите меня с вашим женихом? Не пугайтесь, отбивать не стану.

– Вот этого я точно не боюсь: он птица не вашего полёта. Записывайте его телефон. И не вздумайте делать ему никаких подарков. Мне тоже не надо ничего дарить. Это моё условие.

## 21. Спасительный перевод

Около двух часов пополудни в приёмную главного редактора вбежал председатель Ямовского отделения Союза журналистов России.

– Леночка, мне надо срочно к Виктору Алексеевичу!

Оценив его вид как очумелый, секретарша строго сказала:

– Виктор Алексеич сейчас занят. Присядьте, Николай Михайлыч! Вам водички принести? Может, корвалолу накапать?

Тот послушался, опустился на стул под сенью невероятно разросшейся монстеры, схватил со стола секретарши нэцкэ и начал теревить пальцами.

– Верните фигурку на место! – сурово сказала Леночка и пошла к кулеру за стаканом воды. – Вот, выпейте! И отдохните! Что случилось?

– Мне надо к нему. Это очень-очень важно! И очень-очень срочно.

Пока Леночка выдаивала из пузырька капельки корвалола, Николай Михайлович быстро поднялся и без разрешения вошёл в кабинет главного редактора.

Тот вовсе не был занят. Он сидел, уставившись грустными глазами в пятнышко на стене.

– А, это вы? – почти безучастно сказал он председателю Союза. – Ничего у нас не получается, Михалыч!



– Я по этому поводу и прибыл. Только что пришёл перевод. На триста тысяч.

– От кого? – удивился главный редактор.

– Посмотрите сами! Включите компьютер.

Главред зашёл на страницу «Сбербанк бизнес онлайн». Николай Михайлович ввёл логин и пароль отделения Союза журналистов, нашёл информацию о переводе и начал читать пометку:

«На лечение Алёны Пеструшкиной. Отправляйте её в Москву немедленно. Прямо сейчас. Это важно. Транспорт обеспечу. Ирина Дремлюгина».

– Дремлюгина? – поразился Виктор Алексеевич. – С какого бодуна?!

– Это уж вам виднее. С какого бодуна она вашей газете заказала рекламную серию? По полосе А2 в месяц, между прочим!

Главред не успел ответить: в кабинет постучалась взволнованная секретарша.

– Виктор Алексеевич, с вами стратегический инвестор хочет побеседовать.

Тот поднял трубку.

– Слушайте и запоминайте! – зазвучал мелодичный голос Ирины Геннадьевны. – Я сделала перевод от физического лица в пользу вашего Союзжура. Через полчаса к вам приедет микроавтобус «Бальзама». Садитесь вместе с председателем. Вот ваша задача: немедленно забрать Алёну из больницы и

отправить в Москву. В лучшую клинику из всех, которые мне известны. Всё нужно сделать быстро, пока не срослись ткани носа. Я уже договорилась с врачами. Водитель знает адрес. Пошлите вместе с Алёной кого-нибудь из журналистов, только не Вирятина. Всё понятно?

– Никого не буду отправлять. Сам поеду, – ответил главный редактор.

– Это правильное решение, – жёстко сказала Ирина Геннадьевна.

Через полчаса главный редактор уехал, и сотрудники стали расходиться по домам: секретарша дала всем понять, что шеф уже не вернётся – ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра...

Вирятин смутно догадывался о причине срочного отбытия главреда. Он с отвращением переписывал статью о вчерашнем пожаре в одном из сёл, и каждое слово давалось ему с трудом.

Нет, главреду заметка поначалу понравилась. И сварганена она была бойко, и событие было описано масштабное: сгорело восемь домов, столько же дач и ещё двадцать пять сараев. Фактического материала Вирятин собрал много: сам выехал на место происшествия, поговорил и с председателем сельсовета, и с районным прокурором, и со спасателями...

Всё прошло бы на ура, но на следующее утро в то же село приехал губернатор, чтобы попиариться на фоне пепелища – и надо было срочно переделать статью, поставив главу реги-

она в центр повествования и отодвинув на второй план местные власти и правоохранительные органы, и пожарно-спасательные бригады, и даже пострадавших.

Павел Валентинович безмерно обрадовался, когда смартфон своим писком отвлек его от тошнотворного занятия. Даже не посмотрев, кто звонит, он нажал на иконку соединения и услышал знакомый женский голос – высокий, протяжный, ироничный.

– Пал Валентиныч, приезжайте ко мне! Ваш визит ко мне уже согласован с Мариной Вячеславовной. Она даже дала мне номер вашего телефона. Не говорите ей, что мы и раньше были знакомы.

– Ирина Геннадьевна, зачем я вам потребовался?

– Для инструктажа, Пал Валентиныч! – полилась дальше речь Дремлюгиной. – Солнышко выглянуло! Следователь покажет вам дело об убийстве моего мужа. Об этом его начальника попросила ваша Марина. Уломала! Представляете, нашла убедительные аргументы. Если женщина хочет, для неё нет ничего невозможного! Знаю по собственному опыту.

– Мало у кого из женщин такая счастливая внешность, как у вас, – польстил ей Вирятин.

– Пал Валентиныч, мне неинтересны ваши комплименты... да и вообще ничьи. Я и так всё про себя знаю. Лучше перейдём к делу. У меня с Мариной такой уговор: вы шариковой ручкой выпишете в блокнот всё, что мне интересно. Потом распечатаете на принтере и дадите мне.

– Шариковой ручкой? Зачем такие сложности? – удивился Вирятин.

– Марина Вячеславна решила перестраховаться, – засмеялась Ирина Геннадьевна. – Видимо, боится, что я опять стану её шантажировать, вот и решила не оставлять следов должностного нарушения... в виде сканов или чего-то ещё. Хотя я совершенно не могу её понять. Ох, женская логика! Так что вам придётся потрудиться. За вами скоро приедет Саша, поэтому отпроситесь с работы пораньше.

– Мне и отпрашиваться не нужно. Шеф уехал на три дня. Куда и зачем, не знаю, хотя догадываюсь...

– Правильно догадываетесь, Пал Валентиныч! Я оплатила Алёне лечение, нашла клинику в Москве. Ваш редактор туда уже отправился. Вместе с ней.

– Вы? Оплатили?! – поразился Вирятин. – Не ожидал такого от вас, Ирина!

– Вы меня плохо знаете, мы ведь знакомы всего ничего. Теперь Алёна будет ещё привлекательнее, чем раньше. Порадуемся за неё вместе. Разопьём бутылёсик хорошего старого вина.

– Как скоро приедет ваш Саша?

– Через полчаса.

– Слишком рано. Нужно статью дописать. Пиар губера на фоне сгоревшей деревни. Выделение денег погорельцам.

– Бросайте писать свою хрень и приезжайте! У нас будут дела поважнее, чем ваш губеррпиар. До встречи, Пал Вален-

тиныч!

Вирятин выключил компьютер, начал собираться – и тут вспомнил о том, что Ирина Геннадьевна поручила ему встретиться с ректором ЯГУ. «Неудобно будет приехать к ней, не договорившись об интервью», – решил он и набрал номер университетского пресс-секретаря.

– Это Вирятин, – представился он. – Помните такого, Оленька?

– Мне ещё далеко до склероза, Пал Михалыч!

– Валентиныч, – поправил её Вирятин. – Хотелось бы побеседовать с Юрием Викторовичем...

– Подготовьте вопросы, пришлите на имейл.

– Зачем такие сложности? Я же его давно знаю. Лично.

– Порядок есть порядок, – строго ответила Ольга.

Вирятин сплюнул на пол и выглянул в окно. «Лэндкрузер» уже стоял возле Дома печати.

Через час Ксения открыла Вирятину калитку, и он вбежал в лесной особняк.

– Вы голодны? – спросила его Ирина Геннадьевна. – Поужинаете вместе со мной?

Павел Валентинович уже понимал, что церемониться в её доме не принято, и без экивоков ответил:

– Не откажусь. С утра ничего не ел.

Дремлюгина нажала на кнопку, скороговоркой произнесла: «Ксения, распорядись приготовить ужин мне и гостю!» – и нетерпеливо сказала Вирятину:

– Пойдёмте в Серёжин кабинет. Скорее, скорее! Я так долго ждала этого момента.

Они вошли комнату с обитыми пробкой стенами.

– Поговорим о вашем предстоящем походе в следственное управление, – сказала Дремлюгина. – Надеюсь, после него хоть что-нибудь прояснится. Послезавтра сходить сможете?

– Нет, Ирина. Вы ведь просили меня побеседовать с ректором. Я уже звонил в ЯГУ. Сейчас очень удобный момент для встречи с ним. Главред в Москве. Его зам занимается спецвыпуском, и вся газета на ответсеке. Я уже договариваюсь...

– Ректор подождёт! – раздражённо бросила Дремлюгина.

Постучалась Ксения:

– Ирина Геннадьевна, простите, что отвлекаю. Ужин готов.

Хозяйка дома встала и направилась к двери.

– Идите к следаку! – прошептала она Вирятину. – Он важнее.

## 22. Вожденные материалы дела

Начальник следственного управления при прокуратуре был давно знаком с Мариной Вячеславовной и доверял ей, потому скрепя сердце согласился показать Вирятину материалы дела.

– Делаю ради Марины, – раздражённо бросил он. – Она вашу девчонку хочет спасти, да и я чувствую свою вину. Разрешил показать вам документы о ночных похождениях алкашни.

– Разве Алёну избили из-за этой статьи?

– Фактов у меня нет, только интуиция. Вам Марина говорила о ДТП недалеко от Казьминовки? Случилось оно в тот же день, когда избили журналистку. Странное совпадение, правда? Догадываюсь, кто заказал этих Ужастовых.

– Зачем ей это потребовалось? – удивился Вирятин, поняв, что речь о Дремлюгиной.

– Чтобы замести следы. Мавр сделал своё дело и должен был уйти.

– Я не о ДТП, а об избиении на свалке...

– Будто не понимаете... За заметку о муженьке отплатить и Марину шантажировать. Двух зайцев убить одним выстрелом, – улыбнулся начальник СУ.

– И ещё трёх человек...

– Для неё они как тараканы.

– И всё-таки не проще ли ей было послать охранников или нанять алкашей?

– Как бы она в таком случае давила на Марину? Это ведь было главной целью, а не месть.

– Письмо бомжей... – невольно сорвалось с языка у Вирятина.

– Недостаточно его. Ириша решила давить наверняка. На все доступные кнопки.

– Не верится, что это могла сделать Ирина Геннадьевна. Она же деньги на лечение дала.

– Ну, и что! Она это сделала не по доброте душевной.

– Будете выводить её на чистую воду?

– Я пока с ума не сошёл, – усмехнулся начальник СУ. – Ириша, конечно, не в мафии, но порой одинокая волчица бывает страшнее целой стаи. Погибнуть в ДТП мне не хочется... но речь сейчас о другом. Если б мы не дали вам материалы, то и ваша Алёна была бы цела, и Ужастовы остались бы живы. Марина убивается, считает себя виновницей этих несчастий. Мы все это видим, жалеем её. Ириша не отстанет, пока не добьётся своего. Вот и решили ознакомить вас с делом. Но только никаких сканов. Лишь пометки в блокнот. Когда закончите, покажете мне свои записи. Договорились?

– Мне Марина уже всё объяснила.

– Вот и чудненько! – улыбнулся ему начальник следственного управления. – Не подведите Марину. Помните: она за вас поручилась. Ну, а теперь идите в ту комнатку. Бумаги



уже там. Читайте!

«Комнатка»? Громко сказано! На самом деле это был тесный чуланчик без окон, с тусклой лампочкой, низким столиком из крашеного металла и стулом, сохранившимся с советских времён.

Вирятин открыл первую папку и начал смотреть дело...

Закончил работу он только в конце дня. Выйдя из здания следственного управления, Павел Валентинович сел в присланный Дремлюгиной охотничий внедорожник и отправился в Бездушное урочище.

### *Через час \**

– Ну, показывайте, что смогли найти, – нетерпеливо воскликнула Ирина Геннадьевна.

Она даже забыла предложить Вирятину чай, настолько сторала от нетерпения. Тот протянул ей распечатанные страницы. Дремлюгина открыла первую страничку и начала читать вслух:

«Глутаровый альдегид – соединение, входящее в состав препарата «Глюдезив». Обладает антимикробной активностью в отношении грамотрицательных и грамположительных бактерий, в том числе микобактерий туберкулеза и анаэробных споровых бактерий, а так же вирусов и грибов. Используется как дезинфицирующее вещество в больницах, на животноводческих и перерабатывающих предприятиях: свинокомплексах, птицефермах, мясокомбинатах... Рекомен-

дован к использованию в очагах африканской чумы свиней, птичьего гриппа, нодулярного дерматита крупного рогатого скота, оспы овец...»

– Как это понимать? – от удивления подняла брови Дремлюгина.

– Это вещество, которым дезинфицировали тело Сергея Петровича и пол вокруг него.

– Чтоооо! – вспыхнула Ирина Геннадьевна. – Эти мрази обрабатывали моего Серёжу как тушу больной свиньи или барана?!

– Выходит дело... – вздохнул Павел Валентинович.

– Пусть только попадутся мне эти твари! Живьём разрежу на мелкие частички! – закричала она, но тут же обмякла.

Вирятин не знал, что ей ответить. Дремлюгина просидела минуты три с отрешённым лицом, затем попыталась читать дальше.

– Нет, Пал Валентиныч! – наконец, сказала она. – У меня всё расплывается перед глазами. Лучше опишите самую суть, не размазывая манную кашу по столу. Они ведь вскрывали Серёжин труп?

– Разумеется. Я выписал заключение. Почти полностью. Вот ...

Вирятин нашел отрывки из акта судебно-медицинского исследования и стал читать вслух.

«26 июля в Ямовском межрайонном отделении ЯОГ-БУЗ «Бюро судебно-медицинской экспертизы» начата су-

дебно-медицинская экспертиза, которую назначил следователь следственного управления СК РФ при прокуратуре Ямовской области старший лейтенант юстиции Юдин Леонид Константинович.

Экспертом выступил Угольников Дмитрий Павлович, сотрудник «Бюро судебно-медицинской экспертизы». Об ответственности за дачу заведомо ложного заключения был предупрежден...»

– Подождите, Пал Валентиным! – вдруг прервала его Дремлюгина и нажала на кнопку вызова. – Ксюша, зайди!

Домоправительница вбежала меньше, чем через минуту.

– Что-нибудь принести, Ирина Геннадьевна? Чаю, глинтвейна, холодного вина?

– Ни того, ни другого, ни третьего. Просто присядь. Ты ведь присутствовала на осмотре, вот и послушай, правильно ли они всё написали, – сказала хозяйка дома и посмотрела на Вирятина. – Продолжайте. Выбирайте самое значимое.

Вирятин кивнул и продолжил читать:

«Длина тела без головы – 174 сантиметра.

Вес трупа – 84,5 килограммам.

Половые органы мужские, развиты правильно. Оволосение лобка выражено по мужскому типу, по форме напоминает ромб. Цвет лобковых волос коричневый. Выраженные молочные железы отсутствуют. Околососковые кружки светлые, розовые. Всё это дает основание полагать, что туловище принадлежит светловолосому мужчине.

Рентгенографическое исследование в отделении медицинской криминалистики выявило две позвоночные кисты и первую стадию деформирующего остеоартроза коленных суставов. Эти заболевания, а также тургор кожи потерпевшего позволяют заключить, что его возраст составлял 50-55 лет.

Повреждения и заболевания внутренних органов не выявлены.

Легкие бледно-розоватые, воздушные, обескровленные. В полостях сердца жидкая кровь. Мочевой пузырь пуст. В желудке коричневато-красная слизь и полупереваренные остатки пищи. Содержимое кишечника соответствует его отделам.

Кровенаполнение тканей и органов незначительное, что свидетельствует о сильном прижизненном кровотечении.

Мазок с крайней плоти и препуциального мешка полового члена показал отсутствие клеток влагалищного эпителия и частиц кала. Значит, половых контактов в день смерти у потерпевшего не было.

Судебно-токсикологическое исследование выявило наличие в крови анестетика фторотана.

Повреждения, характерные для борьбы и самообороны, не выявлены.

Линия разреза шеи с ровными без осаднения краями. Она имеет вид прямой линии.

Отчленение произведено между 2 и 3 шейными позвонками. На коже шеи разрез одиночный. Мышцы разрезаны ров-

но. Костные опилки отсутствуют.

Характер разреза позволяет заключить, что в момент отчленения головы потерпевший лежал, а расчленяющий стоял, склонившись над ним. Его познания в области анатомической техники можно охарактеризовать как весьма серьёзные».

– Стоп, Пал Валентиныч! Давайте осмыслим то, что здесь написано. Муж мне не изменял: следов траха на его члене нет. Это приятно, очень приятно! Чеченская версия также окончательно отпадает. Ни разу не слышала, чтобы исламисты использовали общий наркоз. Вы тоже?

– Жертва должна трястись от страха, а не спать под наркозом, – согласился Вирятин. – В этом смысл казни.

– Вот именно! Думаем дальше. Следов борьбы не было. Правильно, Ксения?

– Не было, – подтвердила домоправительница. – Сергей Петрович не боролся за свою жизнь.

– Значит, преступники подкрались к нему, когда он дремал, и применили этот фторотан. Это ведь газ?

– Летучая жидкость, – поправил её Вирятин.

– Неважно! – бросила Дремлюгина. – Но как они проникли в кабинет?

– Знать бы, – сказала Ксения. – Смотрела все записи видеонаблюдения. Ни на одной нет даже намёка...

– Без тебя знаю! – раздражённо кинула ей Дремлюгина. – Идём дальше. Голову мужу отрезал хороший специалист.

Серёжа в то время был ещё жив, но под общим наркозом. Преступники использовали что-то наподобие операционного стола. Может быть, положили друг на друга несколько надувных матов. После смерти тело посадили в кресло. Я правильно рассуждаю?

– Логично... – подтвердил Вирятин.

– А ты, Ксения, как считаешь?

– Если б голову отрезали прямо в кресле, было бы очень много крови, – ответила домоправительница, – Она бы хлестала фонтаном, а я видела только пятна на майке и штанах. Значит, кровь слили в какую-то ёмкость.

– На полу разве не было крови? – спросила Дремлюгина.

– Было, но мало. Все пятна до сих пор сохраняются. Зато был много прозрачной жидкости, очень вонючей.

– Это был обеззараживатель... – замялась Ирина Геннадьевна. – Как его?

– Глутаровый альдегид, – подсказал Вирятин.

– Зачем они обработали им пол? – недоуменно посмотрела на него Дремлюгина. – Серёжа был болен каким-то заразным недугом? Ксения, ты явно от меня что-то скрываешь!

– Как можно, Ирина Геннадьевна?! – залепетала Ксения. – Никогда ничего не скрывала от хозяев. Да и если бы Сергей Петрович болел чем-то таким, я бы точно от него заразилась. И Саша тоже. И телохранители.

– Ни о каких инфекциях в деле нет ни слова, – согласился с ней Вирятин. – Вообще ни о каких болезнях, кроме позво-

ночных кист и остеоартроза. Лёгкие, сердце, печень, почки – все эти органы у Сергея Петровича были здоровыми.

– Для чего же тогда провели дезинфекцию? – задумалась Дремлюгина.

– Может, зараза была в голове? – предположила домохозяйка. – Менингит, например, или энцефалит. За чем-то ведь он вызывал нейрофизиолога.

– Ксения, ничего ты не понимаешь в медицине! – защищала на неё Ирина Геннадьевна. – Нейрофизиологи не лечат менингит, да и не так уж он заразен... а энцефалит вообще через клещей передаётся. Неужели не слышала?

– А если рак?

– Тогда бы Серёжа вызвал онколога.

– Может, у него что-то ещё в голове завелось? – настаивала Ксения.

– Ксюша, иди отсюда! – вспыхнула Дремлюгина. – Какая же ты невежественная! Иди уж, иди!

Домохозяйка выбежала из гостиной, сопровождаемая гневным взглядом хозяйки. Вирятин осторожно спросил:

– Читать дальше?

– Зачем мне всё это слушать?! – вскипела Ирина Геннадьевна. – Лучше своими словами расскажите. О том, кого сейчас следяки подозревают.

– С водителя и домработницы подозрения сняты, – начал рассказывать Павел Валентинович. – С начальника охраны

тоже. Следователи подняли всю информацию об их звонках в течение месяца перед убийством. Никаких подозрительных контактов не было. С 16 августа их разговоры прослушивались. Всё чисто!

– Я и так понимаю, что они невиновны. Кто же сейчас на подозрении?

– Конкретных имён в деле нет, – пожал плечами Вирятин. – Прорабатывают две версии. Обе связаны с этническими преступными группировками.

– Первая по-прежнему чеченская, правильно? – ухмыльнулась Ирина Геннадьевна. – А вторая?

– Курдская...

– Курдская? – недоверчиво переспросила Ирина Геннадьевна.

– Они ведь контролируют львиную долю нашего строительного бизнеса.

– Только ли строительного? – ухмыльнулась Дремлюгина. – А как же наркотрафик?

– Об этом в деле ни слова, а вот история со строительством упоминается. Одна из их фирм, ООО «Джафар», подрядились построить ещё один гипермаркет в Ямове, но стала халтурить, не выдерживала сроки. «Бальзам» от её услуг отказался и выставил счёт.

– Сейчас за это не убивают, – отмахнулась Дремлюгина. – Да и причём тут пятнадцатипроцентный пакет?

– Разве Сергей Петрович до этого случая не дружил с кур-



дами? Он ещё во времена «Фортуны» выстраивал вместе с ними схемы. Мне о некоторых доводилось писать...

– Например, о программе повышения рождаемости? – съязвила Ирина Геннадьевна.

Уколола в темечко! Вирятин до сих пор стыдился того, что в девяностые пиарил эту аферу... но куда ему было деваться? Он был хорошим знакомым прежнего губернатора. Как же он мог не пропагандировать начинания главы региона?

Суть программы была такова. Из областного бюджета молодым семьям выделяли материальную помощь на каждого второго и последующего младенца, но на не руки давали. Деньги переводились в подконтрольный банк, который принадлежал Сергею Петровичу, и там должны были лежать вплоть до совершеннолетия ребёнка. Проще говоря, крутиться четырнадцать лет, в течение которых непременно умер бы либо шах, либо ишак, либо сам ходжа.

Так и случилось. Губернатор ушёл на пенсию, банк разорился, а Сергей Петрович начал создавать группу компаний «Бальзам». На первых порах ему помогал ректор ЯГУ.

– Ирина, было дело... – стыдливо сказал Вирятин.

– Вы, похоже, раскаиваетесь? – усмехнулась Ирина Геннадьевна. – Не стоит! Офигенная же была программа. Четырнадцать лет подряд крутили бюджетные бабосики! Настоящий шедевр, и придумал его Серёжа! Правда, курды в этом начинании не участвовали.

– Вот именно! – согласился Павел Валентинович. – Я имел

в виду другие схемы Сергея Петровича. Связанные со строительством. Там курды были задействованы вовсю... а старые узы рвутся нелегко.

– Серёжа с ними поссорился, когда они схалтурили, строя ему гипермаркет. Неужели следаки думают, что он мог сначала выставить им счёт, разругаться, а потом обратиться к ним же за помощью? Где логика? Так не бывает!

– Курды могли угрожать Сергею Петровичу или шантажировать его. Например, потребовать, чтобы он перечислил деньги Рабочей партии Курдистана. На освобождение Оджаланна.

– Да ну! – хмыкнула Дремлюгина. – Ну, молотят они свою копну. Всеми правдами и неправдами добывают бабосики. Часть их направляют в Турцию на свою освободительную борьбу... но чтоб давить на людей уровня Серёжи! Тем более, убивать... Нет, не верю!

– Может, дело в подвеске? – предположил Павел Валентинович.

– Из-за неё тем более они не стали бы убивать Сергея. Кстати, следаки какого-то конкретного человека из диаспор подозревают?

– Следователь говорил с лидерами чеченской и курдской диаспор, – ответил Вирятин. – И те, и другие клянутся, что их люди в этом убийстве не замешаны. В следственном управлении им не верят. Говорят: «Не арабы же сюда приехали, чтобы отрезать голову Сергею Петровичу».

– Я так и думала, причём с самого начала, – вздохнула Ирина Геннадьевна. – Ни при чём здесь ни чечены, ни курды. Следствие ничего не раскопало и уже никогда не раскопает. Я правильно сделала, что взялась за расследование сама...

– Но ведь и вы пока ничего не поняли, – возразил Вирятин.

– Это почему же? – вспыхнула Дремлююгина. – Кое-какие новые подробности у нас с вами есть. И версии тоже. Догадываюсь, куда ушли деньги. Серёжа от кого-то откупался.

– От кого же, по-вашему?

– От федеральных силовиков, надо думать. Вспомнили они о каких-то Серёжиных схемах, завели на него дело и потребовали большую взятку. Деньги получили, а потом решили избавиться от Серёжи. Так избавиться, чтобы все подумали на исламистов. Голову решили отрезать, но под наркозом, чтобы совсем уж в зверей не превращаться. В следственном управлении их боятся, поэтому и не хотят по-настоящему расследовать дело. Логично?

Вирятин задумался: «Вроде правдоподобно. Картина целостная, всем деталям нашлось объяснение... но подтверждений ведь никаких!»

Ирина Геннадьевна увидела скепсис в его глазах и усмехнулась:

– Напрасно сомневаетесь, Пал Валентиныч! Вспомните о странных визитах нейрофизиолога. У Серёжи не было никакой смертельной болезни, а профессора он зачем-то пригла-

шал. Мало того, подарил ему редчайшее украшение. С какой стати, как вы думаете?

Вирятин замялся.

– Какой же вы недогадливый, а ещё журналист! – поддела его Дремлюгина. – Этот нейрофизиолог был посредником! Федеральные силовики договаривались с Серёжей через него. Ловко, кстати, придумано.

– Вроде правдоподобно, но как вашу догадку проверить? – ответил Вирятин,

– Если б я знала! – воскликнула Ирина Геннадьевна. – Будем действовать методом тыка. Поговорите с ректором ЯГУ. Сначала, как мы и планировали, вы его спросите о витрификации: мол, что это за неведомая технология. Затем перекинете мостик к нейрофизиологу. Зададите побольше наводящих вопросов – глядишь, он и проговорится...

– Если он что-нибудь знает, – вставил Вирятин.

– Знает-знает! – усмехнулась Дремлюгина. – С какой стати он организует конференции по нейрофизиологии в своём ЯГУ. Третью уже за два с половиной года! В Ямове разве много специалистов в этой сфере? Их здесь нет вообще. Так что конференции нужны для прикрытия! Чтобы никто не задался вопросом, с какой стати учёный зачастил в наш город, где у него ни родственников нет, ни друзей...

– Ректор не ребёнок, – затряс головой Вирятин. – Сомневаюсь, что мне удастся что-нибудь из него выудить.

– Попытка – не пытка. Не сможете – придумаю что-нибудь

ещё. Например, дам ему и в постели разговорю.

– Вас не стошнит? – вырвалось у Вирятина.

– Я ради Серёжи на что хочешь готова... но об этом рано говорить. Встречайтесь с ним, и как можно скорее.

– Мог бы побеседовать ещё вчера... – задумчиво произнёс

Павел Валентинович.

– Значит, я во всём виновата? – взвилась Дремлюгина.

– Какая разница, кто. Главное, что ректору сейчас некогда: он готовится к конференции. Примет только после неё.

– Неужели никак нельзя форсировать встречу? – с досадой процедила Ирина Геннадьевна.

– Попробую, но не обещаю...

## 23. Предостережение

Хотя уже стемнело, лампы во дворе не были включены. Готические шпили лесного особняка освещала лишь луна, висящая над верхушками осин. Вечер был безветренным, не шелестели умирающие листья, и тишину нарушала только трель сверчков, прячущихся где-то в щелях стен дома. Вириятин, Дремлюгина и Саша прошли к стоящему под навесом новенькому «Порше».

Ирина Геннадьевна и Павел Валентинович вместе отправились в Ямов. Она – на вечеринку с Натальей и ещё несколькими сотрудницами «Бальзама». Он – домой, где его, скорее всего, ждал неприятный разговор с Мариной Вячеславовной.

– Садитесь сзади рядом со мной, – распорядилась Дремлюгина. – Знаете, наверное, почему переднее место, рядом с водителем, самое опасное?

Вириятин кивнул.

Саша зажёл свет в салоне, и машина тронулась. Ирина Геннадьевна присмотрелась к лицу сидящего рядом журналиста.

– Вас что-то гложет, Пал Валентиныч? – поинтересовалась она. – Разлад с Мариной? Я правильно догадываюсь?

– Нет, мы не поссорились... но Марина отговаривает меня от сотрудничества с вами. Говорит: «Отрежут Ирише голо-

ву, как и её мужу. Вот увидишь!» Бойтся она меня потерять. Считает, что я – её последний шанс.

– Правильно бойтся. В декабре ведь ей будет сорок восемь. Последняя осенняя любовь. Ну, и что вы решили?

– Не стану спрыгивать с подножки, – уверенно ответил Вирятин. – Ирина, я ведь действительно запис в этой газете. Мне в редакции работать скучно, а с вами интересно. Да, и не стану скрывать: я люблюсь вами. Получаю эстетическое удовольствие... – словно бы не всерьёз добавил он.

В ответ Дремлюгина положила тёплую руку ему на колено и произнесла радостным полушёпотом:

– Спасибо, Пал Валентиныч! Когда закончим моё расследование, отблагодарю и вас, и Марину Вячеславовну. Такую свадьбу вам оплачу – весь город будет завидовать.

– Зачем? – пожал плечами Вирятин. – Это молодёжи нужны пышные свадьбы, а мы с ней люди, считай, пожилые.

– Что-то вы рано себя в старики записываете! – игриво засмеялась Дремлюгина. – У вас с ней даже дети могут быть. Нынешняя медицина позволяет. Надо будет – найду врачей, и она прекрасно родит. Потом денежками буду вам помогать... но раньше надо довести моё начинание до конца.

– Вам ни разу не захотелось послать это расследование ко всем чертям?

– Если я что-то втемяшу себе в голову, то уже не отступлюсь. Должна разобраться во всём, и пойду до конца. Рада, что вы остаётесь со мной.

– Что дальше предпримем? Сделаем перерыв до моей беседы с ректором?

– Ни в коем случае! – воскликнула Ирина Геннадьевна. – Я ведь могу ошибаться насчёт курдов. Вдруг они были задействованы в этой схеме... как и нейрофизиолог. Может, это они убили Серёжу по распоряжению тех силовиков?

– Едва ли... – ответил Вирятин. – Однако вспомните, что говорили археологи! Камран звонил московскому светилу, чтобы высказать своё «фи» по поводу подвески. Значит, они знакомы.

– Позвоните-ка завтра этому... как его?

– Камрану? – подсказал Павел Валентинович.

– Вот-вот! Пригласите его ко мне. Скажите, что я готова продать ему несколько предметов из Серёжиной коллекции.

– Как вы переменчивы, Ирина!

– Изменились обстоятельства. Мне нужно пригласить в гости нейрофизиолога, а я с ним не знакома. Не знаю, как он отнесётся к моему звонку. Через Камрана договориться будет проще. Так что позвоните ему, позвоните!

Вскоре машина остановилась возле городского особняка, когда-то построенного Сергеем Петровичем и теперь принадлежащего вдове. Из-за забора, освещённого фарами автомобиля и украшенного барельефами с сюжетами из древних мифов, доносились запах жареного мяса и беспечный женский смех. «Получается, она доверяет подруге-гендиректору, как самой себе. Дала Наталье ключи от дома, и та со-



брала гостей в отсутствии хозяйки. Не такая уж Ирина одинокая волчица: у неё есть надёжные друзья», – подумал Вириятин.

Ирина Геннадьевна словно прочла его мысли.

– Не удивляйтесь, Пал Валентиныч! Такие у нас с ней отношения. Натуся ни разу меня не обманула и не подвела. Вас не зову. Во-первых, здесь чисто женская вечеринка. Во-вторых, вас ждёт Марина. Да! Не забудьте позвонить курду, – напомнила она.

Украшенная витражом кованая калитка открылась по сигналу её брелока. Дремлюгина выскочила из машины и вбежала во двор, залитый тёплым светом ламп накаливания: энергосберегающие она, видимо, не любила.

Павел Валентинович любовался через витраж отдаляющимся силуэтом Ирины Геннадьевны.

– Куда вас теперь везти? – спросил его Александр.

Вириятин назвал адрес Марины Вячеславовны, и они поехали по улицам строящегося микрорайона. «Свечки» новых многоэтажек тонули в ядовито-желтом свете натриевых ламп. Чёрные окна говорили о том, что жильцы в квартиры ещё не вселились. Не было заметно ни людей на тротуарах, ни автомобилей в парковочных карманах. Лишь изредка дорогу пересекали дворовые собаки, непонятно зачем забежавшие в безжизненное место.

Два или три года назад все квартиры в этих домах были бы куплены ещё на стадии котлована. Город тогда расширялся

и, словно амёба, менял очертания, тянул во все стороны ложноножки новых микрорайонов. Однако «жирные» времена внезапно закончились, и осенью 2008 года цены на квадратные метры полетели вниз. Обеспеченные горожане перестали их покупать впрок.

Те же, кому жилье было действительно нужно, уже не рисковали брать ипотеку, опасаясь, что завтра потеряют работу. Побаивался этого и Вирятин, поэтому он не спешил залезать в кабалу, да и смысла в этом не видел после того, как лишился жены.

Марине Вячеславовне было проще. Она понимала, что ни при каких передрыгах прокуратуру не упразднят, и можно смело брать ипотечный кредит, что она и сделала ещё при жизни мужа. В самом деле, почему не переселиться в просторную квартиру, если позволяют средства?

Когда супруг умер, обширное пространство квартиры стало тяготить Марину Вячеславовну, и теперь она радовалась тому, что Вирятин перебрался к ней. Страх его потерять стал особенно назойливо преследовать её после того, как дала Дремлюгиной телефон Павла Валентиновича. Нет, помощница прокурора была трезвомыслящим человеком и несколько не опасалась, что красавица-миллиардерша отобьёт у неё жениха. Однако её не отпускало давящее беспокойство, не втянет ли его Ирина Геннадьевна в смертельную авантюру.

За ужином Марина Вячеславовна не стала расспрашивать

Вирятина, о чём он беседовал с Дремлюгиной, лишь спросила:

– Ириша тебе не предлагала поработать на неё?

– Пока нет, – солгал Павел Валентинович

– Паша, умоляю тебя! Если пойдёшь ещё раз к Ирише, не соглашайся помогать ей с этим расследованием. Не рискуй! Ириша человек жестокий, а ты ей не брат, не муж, не любовник. Вообще никто. Тобой она легко пожертвует ради своей идефикс. Если тебе себя не жалко, пожалей меня.

Вирятин не ответил. Он, нахохлившись, ел чахохбили с рисом. Ему не хотелось ни врать, успокаивая Багримову, ни расстраивать её, говоря правду.

«А ведь мы сейчас вместе именно потому, что Дремлюгина на этом настояла. Если бы она меня не уговорила, разве пригласил бы я Марину в кафе? Представляю себе Маринино лицо, если я ей об этом расскажу», – думал он.

### *На следующее утро \**

Добираясь на своей «Нексии» до работы, Павел Валентинович рассматривал новостройки Ямова, которые вчера ему казались мёртвыми.

Утром в них проклюнулась скучная жизнь. По тротуарам брели невыспавшиеся люди. Возле магазинов сети «Бальзам», которые должны были открыться в девять утра, дежурили ещё не похмелившиеся алкаши с мучнистыми лицами. Рядом лежали бездомные собаки и тихо ждали, когда кто-

нибудь бросит им половинку пирожка, хрящи или кусок колбасы.

Наконец, машина подошла к Дому печати, который журналисты именовали не иначе, как «Дом печали». До планёрки оставалось семь минут. С Камраном за это время Вирятин поговорить едва ли бы успел, и он отложил звонок на потом.

– Губернатор вчера посадил берёзу, – сказал, главный редактор, начиная планёрку. – Надо изобразить восторг. Желательно, щенячий. Павел Валентинович, может, вы этим займётесь? Только сделать материал нужно быстро, в завтрашний номер.

В «Ямовских известиях» не было принято отказываться от редакционных заданий. Значит, разговор с Камраном откладывался до полудня.

Вирятин включил компьютер, но сразу не начал писать статью: ему пришла эсэмэска. Текст в ней почти полностью совпадал с тем, который несколько дней назад показала ему Ирина Геннадьевна:

«Павел Валентинович! Умерьте свою активность. Не мешайте работать следственным органам. Расследование, которым занята Ирина Геннадьевна, может сильно навредить в первую очередь ей самой. Она потеряет то, что ей дороже состояния и даже жизни. Мы вам не угрожаем. Просто предупреждаем».

Вирятин начал было набирать номер Марины Вячеславовны, но передумал: письмо надо было обсудить сначала с Ири-

ной Геннадьевной. Ведь она уже не раз получала подобные сообщения, но до сих пор не сообщила о них в милицию.

Статью Павел Валентинович закончил, как и предполагал, к полудню, отослал её ответсеку и набрал номер Камрана.

– Мне удалось уговорить Дремлюгину. Она продаст вам несколько изделий бронзового века, – сказал он.

– Что я вам должен? – послышался в ответ вкрадчивый голос.

Вирятин замялся. Вовсе не потому, что он хотел что-нибудь получить за посредничество. Он боялся, что если он не попросит ничего, то у собеседника возникнут подозрения, мол, с какой стати курдам помогает человек, безразличный к их борьбе за создание независимого Курдистана.

– Вы мне обещали поездку в Ирак... – ответил Павел Валентинович, немного опасаясь, не слишком ли высоко он поднял планку своих желаний.

– Хорошо, но не в самое ближайшее время, – вновь пообещал Камран. – Копите пока на качественный фотоаппарат. Он окупится! Теперь скажите, как будет выглядеть моя встреча с Дремлюгиной. Вы меня к ней отвезёте?

– Нет, я к ней не поеду. За вами приедет её водитель. В любое удобное для вас время.

– Сегодня в пять вечера.

– Хорошо, подъезжайте к пяти к Дому печати, – сказал Вирятин. – Её машина будет здесь вас ждать. С Ириной Геннадьевной встретитесь в её лесном особняке.

## 24. Камран в гостях у Жужелицы

Калитку гостю открыла Ксения: если Вирятина хозяйка встречала сама, стараясь наладить доверительные отношения, то здесь, наоборот, решила держать дистанцию. Камрана она дожидалась в чёрном декольтированном платье, украсив грудь ожерельем с крупными рубинами.

В просторном зале гостиной уже был накрыт стол.

– Наслышан о вашей красоте, Ирина Геннадьевна! – попытался польстить ей Камран. – Однако то, что я сейчас вижу, превзошло мои ожидания. Вы такая утончённая, гибкая, большеглазая... как лань.

«Как банально! Впрочем, что взять с восточных людей? Любят говорить красиво. До пошлости красиво!» – подумала Дремлюгина.

– Меньше всего хотела бы почувствовать себя ланью, – улыбнулась она и повела рукой в сторону стола. – Сегодня к столу подана косуля. Почти лань. Тушёная с белыми грибами по-строгановски. И ещё овощи со здешнего огорода. Будет и речная рыба. Всё из моего охотхозяйства. Ничего ввозного... кроме икры и выдержанного французского вина, конечно. Или, может быть, предпочтёте что покрепче?

– Лучше вино, – смущённо ответил курд.

– Вы тоже очень интересный мужчина. Благородного происхождения, к тому же. Я, пожалуй, закрутила бы с вами ро-

ман, если б не траур.

– Это совершенно невозможно: наша религия запрещает... – ответил Камран, вынимая из сумки небольшую коробочку.

– Знаю, что у вас кастовая система, – сказала Ирина Геннадьевна и незаметно усмехнулась: «Ну-ну! Если б я по-настоящему тобой занялась, ты бы обо всех запретах забыл как миленький!»

– Вот мой маленький подарок, – гость открыл футлярчик. – Священный символ всех иранцев. Я имею в виду не гражданство, а этническую принадлежность.

– Не всех, – тряхнула головой Ирина Геннадьевна и повертела в руках золотой кулон, украшенный мелкими бриллиантами. – Ни у людей срубной культуры, ни у скифов, ни у сарматов фаравахара не было. Нашим археологам, по крайней мере, он ни разу не попадался.

Камран замялся и растерянно произнёс:

– Вы очень осведомлённый человек, Ирина Геннадьевна!

– Я тщательно готовлюсь ко всем встречам, – ответила она. – В особенности к тем, которые для меня важны. Как сегодняшняя, например. Что же касается археологии... нет, у меня другие пристрастия.

– Всё равно хочу вам подарить книгу Абдуллы Оджалана об истории нашего народа и несколько газет на курманжи. Он свидетельствует о нашем родстве с мидянами, а значит, и с людьми срубной культуры...

– Я в курсе, что ваш язык потомок мидийского, а ведь именно мидяне создали первое на земле государство ариев, – польстила ему Ирина Геннадьевна.

– Вы, наверное, слышали о загадочном исчезновении людей срубной культуры с территории сегодняшней России? – спросил курд.

– Мне археологи об этом говорили, – кивнула Дремлюгина. – Примерно три тысячи лет назад их здесь почти не осталось, хотя раньше было много.

– Примерно в это же время западноиранские племена появились на территории нынешнего Ирана, – сказал Камран. – Именно поэтому и хочу купить у вас артефакты срубной культуры.

– Буду рада, если они помогут вам построить независимый Курдистан, – ответила ему Дремлюгина. – Хотя плохо представляю себе, как именно.

– Знание своего прошлого укрепляет дух народа. Кстати, вам известно, почему эта культура называется срубной?

– Как я могу этого не знать? Срубниками ведь увлекался мой муж. Они хоронили умерших людей в деревянных срубках под курганами.

– А почему они так делали, знаете? – Камран притронулся к фаравахару на шее и сам же ответил на свой вопрос. – Они старались не осквернять телами умерших священные стихии воды, земли и огня. Значит, уже здесь в их религии было что-то от зороастризма. У веры езидов с ним много общего. Вы



ведь наверняка знаете, что мы недавно поставили в Курдистане памятник пророку Заратуштре?

– Не знала... – подняла брови Дремлюгина. – Но разве зороастрийские маги считают вас своими? Они ведь даже отказывают вам в праве носить фаравахар.

– Удивляюсь вам, Ирина Геннадьевна! Откуда вы это знаете?

– Я уже сказала, что хорошо готовлюсь к важным встречам. Кстати, какое нам дело до мнения зороастрийцев? Мне тоже нельзя нацеплять этот символ: я же христианка. Нельзя надевать, но очень захотелось! Золото высокой пробы, красивые брюлики... Спасибо за подарок, Камран!

Ирина Геннадьевна повертела подаренный Камраном кулон и повесила его себе на шею, а книгу и газеты отдала Ксении. Та их куда-то унесла, быстро вернулась и застыла рядом со столом в ожидании приказов.

– Я случайно узнала, что мой покойный муж с вами нехорошо поступил, – Дремлюгина подняла бокал и посмотрела на гостя, придав лицу виноватое выражение. – Вы уже договорились о приобретении подвески, а Серёжа её перекупил. Раньше я об этом ничего не слышала, вот и не хотела продавать вам артефакты... но теперь готова загладить Серёжину вину. Выпьем за взаимопонимание! И обязательно попробуйте косулю, пока она не остыла.

Камран пригубил вино и бросил на собеседницу недоумённый, но полный надежды взгляд.

– Нет-нет, это был не намёк! – рассмеялась Ирина Геннадьевна. – Я имела в виду не себя, а мясо в горшочке.

– Тоже хотел бы перед вами извиниться, – сказал Камран. – Знаю, вы обижаетесь на наших строителей. Они ужасные халтурщики! Однако не все курды такие.

– Надеюсь, – ответила Дремлюгина, обведя рукой застеклённые рамы и стеллажи. – Ну, а теперь давайте начнём выбирать.

Камран встал из-за стола и начал рассматривать экспонаты, не уставая поражаться вкусу и изяществу их оформления.

– Потрясающе! – нахваливал он выставку. – Не думал, что вообще можно собрать столько замечательных предметов в одном месте. Даже имея такое состояние, как у вас. Как же красиво изготовлены некоторые из них! Какой тонкий орнамент на этом костяном жезле! Даже топоры и молотки – и те чудо как элегантны. А ведь их делали не профессиональные ремесленники, а народные мастера!

Тем временем Ксения убрала со стола горшочки из-под мяса косули, принесла запечённого карпа и заливное из судака, разлила по бокалам вино, на этот раз уже белое.

– Вы что-нибудь выбрали? – поинтересовалась у Камрана хозяйка дома, когда они вновь сели за стол.

– Пожалуй, куплю у вас костяной жезл, серебряные наконечники, бронзовую гривну, трючку кинжалов, пяток горшков... У вас такой список не вызывает возражений?

– Нет, – ответила Дремлюгина. – Можете взять что угодно... кроме золотой височной подвески. Она у меня всего одна.

– У человека два виска. Значит, должна где-то лежать и вторая... – вкрадчиво произнёс Камран.

– Вам ли не знать, где она? – усмехнулась ему в лицо Ирина Геннадьевна. – Серёжа подарил её нейрофизиологу. Разве не вы ему звонили по этому поводу?

– Звонил, конечно, – сознался гость. – Разговаривал о ней с Петром Савельевичем.

– Хотели отобрать?

– Нет-нет, никогда не посмел бы. Мы все ему очень благодарны. Он помог нам, когда одному видному деятелю Ассоциации общин Курдистана потребовалась консультация.

– Неужели такой человек живёт в нашем городе? – удивилась Ирина Геннадьевна.

– Да, – ответил Камран. – И ему потребовалась помощь.

– Разве Кожемякин врач? Я почему-то думала, что он исследователь и педагог.

– Он уже сорок пять лет изучает работу мозга. Успел побывать и практикующим врачом.

– Откуда вы его знаете? – поинтересовалась Дремлюгина.

– От Юрия Викторовича. Ректора ЯГУ. Он познакомил с Кожемякиным не только меня, но и вашего мужа.

– Может быть, вы слышали, по какой причине Серёжа его приглашал в этот особняк? Знаете, что ему было нужно от

Кожемякина?

– Сергею Петровичу? – переспросил Камран. – Нет, не знаю.

– Два с половиной года назад Серёжу словно подменили, – продолжила допытываться Ирина Геннадьевна. – Он отошёл от дел, увлёкся восточной мистикой. Его стала очень волновать тема бессмертия. Он выучил чуть ли не наизусть главу «О сущности воскрешения» из «Бундахишна»...

– Причём здесь нейрофизиология? – озадаченно спросил Камран. – Я хорошо знаю «Сотворение основы». Там пересказываются утраченные части Авесты. Говорится, что людей сделает бессмертными Саошьянт, по-вашему, Спаситель. При помощи жира священного быка и наркотического напитка из волшебного дерева.

– Тем не менее, Серёжа увлёкся восточной мистикой, когда особняк впервые посетил Кожемякин, – возразила Дремлюгина. – Тогда же он почему-то подарил этому москвичу золотую подвеску срубников. Это редчайший артефакт, ведь у нас и бронзовые предметы тех времён находят не каждый год. Сергей явно отблагодарил нейрофизиолога за какую-то очень и очень важную услугу. Может быть, у вас есть какие-то догадки?

– Может быть, и есть, но дело здесь точно не в иранской мистике, – с улыбкой ответил Камран.

– Догадываюсь... На днях Пётр Савельевич вновь приедет в Ямов. Вы с ним встретитесь? – вкрадчиво спросила Ирина

Геннадьевна.

– Да.

– Мне вас просто Бог послал! – обрадовалась Дремлюгина. – У меня в последнее время участились головные боли, вот и хочу пригласить Петра Савельевича сюда, в загородный особняк. Встречу пышнее, чем даже президента. Обещаю вам. Однако самой мне как-то неловко ему звонить. Я его совсем не знаю. Может, поспособствуете? Услуга за услугу.

– Может быть, сначала обратитесь в клинику?

– Уже обращалась, – соврала Дремлюгина. – Никакого толку! Вдруг у меня что-то серьёзное?

– Так вот почему вы продаёте мне предметы из своей коллекции! – усмехнулся Камран. – Сказали бы сразу, что вам нужно. Я бы в любом случае помог горю такой красивой женщины. Сделаю всё, что смогу.

– Как только закончится конференция, отгружу вам все предметы, – пообещала Ирина Геннадьевна. – И ещё подарю любой артефакт на выбор. Любой, кроме височной золотой подвески...

## 25. Неожиданное приглашение

Кожемякин проснулся от боли в спине. У него было такое чувство, будто кто-то вцепился ему в позвоночник слесарными клещами. Пётр Савельевич через силу поднялся, присел на краешек кровати, нашёл брошенные рядом с ней носки, но сразу их не надел, а стал рассматривать ноги.

Он надеялся, что за ночь отёки спадут, однако этого не случилось. Голени были распухшими, а их кожа – красной, натянутой, покрытой мелкими пигментными пятнами. Её распирало изнутри и, казалось, она вот-вот лопнет.

«Зачем я просидел весь вчерашний день в купе? Ни разу даже не прилёг, всё время смотрел в окно! Зачем? Разве там было что-то интересное? Нет, тоскливая, мокрая среднерусская местность. Стоило ли из-за неё подрывать здоровье? Ах, да! Я ведь ещё пива вчера выпил! Как же я с такими отёками пойду на конференцию? К вечеру ноги вообще станут, как у слона, но то ли ещё будет завтра...» – корил себя нейрофизиолог.

Он так просидел бы ещё час, но в дверь кто-то постучал. Кожемякин вздрогнул и крикнул:

– Нельзя! Я ещё не оделся!

Дверь, тем не менее, отворилась. В номер вошёл смуглый, чуть полноватый мужчина.

– Ничего страшного, Пётр Савельевич! – сказал он. – Я

же не красна девица, чтобы меня стесняться.

– Камран? – удивился нейрофизиолог.

Он указал гостю на стул. Тот присел, вынул сигаретку Lucky Strike из почти опустошённой пачки.

– Пётр Савельевич, можно?

– Мне как-то всё равно, – ответил учёный. – Курите на здоровье.

Камран зажёл сигарету и затянулся.

– Не предлагаю, – сказал он. – Знаю, что не курите. Я вот зачем пришёл, Пётр Савельевич. С вами хочет познакомиться одна очень интересная шатенка.

Кожемякин с грустью посмотрел на свои отёчные ноги, прислушался к боли в позвоночнике...

– Мне сейчас не до женщин.

– Ой, Пётр Савельевич! – улыбнулся ему курд. – Не хороните себя так рано. Во-первых, она ждёт вас не сегодня. А во-вторых, это первая красавица и первая богачка в этом городе.

– Ну, и что мне прикажете с ней делать? – печально спросил Кожемякин.

– Понятно, что она приглашает вас не в свою постель. Ей нужна помощь.

– Я же не врач. Давно уже не практикую.

– Не прибедняйтесь, Пётр Савельевич! Разве не вы консультировали Адара Рустамовича? Мы вам очень за это благодарны. И к Сергею Петровичу вы тоже ездили. Она об этом

знает.

– Что это за женщина? – насторожился учёный.

– Как раз вдова Сергея Петровича, Ирина Геннадьевна.

В глазах Кожемякина зажёгся злобный огонёк.

– Нет, даже не просите! – вскрикнул он. – Поймите правильно. Она будет допытываться о смерти мужа. Мне бы очень не хотелось ничего ей рассказывать о Дремлюгине.

– Она по другому поводу обращается. Заболела.

– Повторяю: я не врач, – резко ответил нейрофизиолог.

– Но вы же когда-то были доктором... – продолжил настаивать Камран.

– На что она жалуется?

– На головные боли. Говорит, ничего не помогает, никакие обезболивающие. Обращалась в здешнюю частную клинику. Бесполезно.

Лицо Петра Савельевича искажил испуг.

– Ничего не помогает? – в недоумении произнёс он. – Неужели вправду ничего?

– Никакие лекарства. Она так говорит.

– Даже опиаты?

– По её словам, даже они.

– Как же такое могло случиться? – задумался Кожемякин. – Это же не зараза, не эпидемическое заболевание, а довольно редкий недуг.

– Вы о чём, Пётр Савельевич? О каком недуге?

– Вас это не касается.



– Ну, так поедете к ней? – вновь осторожно поинтересовался Камран.

– Да. Конференция закончится послезавтра в пять вечера. На фуршет я не останусь: мне всё равно нельзя пить.

– Тогда Дремлюгина пришлёт за вами машину ровно в шесть. Нормально?

– Вполне, – ответил Кожемякин.

### *Примерно в то же время \**

Нежданный звонок застал Дремлюгину, когда она плавала в крытом бассейне. Хозяйка лесного особняка выскочила из воды и, вся в мерцающих капельках на золотисто-кофейной коже, и понеслась к смартфону.

Успела! Когда Ирина Геннадьевна взяла в руки гаджет, он ещё тренькал, и она прикоснулась к зелёной иконке на экране. Раздался взволнованный голос помощницы прокурора:

– Ирина Геннадьевна, хочу вас предупредить. У вас вчера побывал активист курдского освободительного движения. Этим фактом уже заинтересовалось следствие.

– Не активист, Марина Вячеславна, а один из идеологов, – поправила её Дремлюгина. – Очень приятный мужчина, кстати. Благородный, из высшей духовной касты. Не какой-нибудь там вчерашний пастух!

– Вы поступили опрометчиво, – жёстко сказала Багримова. – Даже если у вас с ним роман.

– Никакого романа у нас нет и быть не может. У езидов кастовая система, а я не вхожу ни в одну из их каст. Впрочем,

если бы и входила...

– Бросьте, Ирина Геннадьевна! На дворе не Средневековье. Лучше выслушайте меня. Курдов, как вы знаете, подозревают в убийстве вашего мужа. Наряду с чеченцами. И вдруг вы встречаетесь с человеком из идеологического подразделения АОК. Ну, ладно бы с каким-нибудь видным курдским строителем...

– Марина Вячеславна, открою вам страшную тайну, – рассмеялась в ответ Дремлюгина. – Этот человек приезжал ко мне, чтобы купить некоторые изделия срубной культуры. Вот и вся цель его визита.

– Боюсь, вам придётся это рассказывать не только мне. На ваш адрес могут прислать повестку и даже сделать вас подозреваемой. Постараюсь, чтобы такого не случилось.

– Ценю деловой подход! – усмехнулась Ирина Геннадьевна. – Какова цена вопроса?

– Денег мне не надо, – беспрекословным тоном ответила Багримова. – Хочу лишь одного. Настоятельно вас прошу: не тягивайте в свои дела моего будущего мужа. Этот человек мне очень дорог, поверьте.

Сказав это, Марина Вячеславовна повесила трубку.

Дремлюгина не отнеслась всерьёз к её словам. Она радостно прыгнула в бассейн, положив смартфон на кафель рядом с переливным жёлобом.

Не прошло и пяти минут, как позвонил Камран с приятным для неё известием.

– Вот лёгок на помине! – полушутя воскликнула Ирина Геннадьевна. – Только что говорила о вас с помощницей областного прокурора.

– Мной интересуется прокуратура? – с опаской спросил курд.

– Скорее, мной. Они откуда-то узнали, что я с вами общалась. Теперь делают вид, что заподозрили меня в убийстве мужа.

– Не понимаю их логику.

– Я тоже! – рассмеялась Ирина Геннадьевна. – Скорее всего, из меня просто хотят вытрясти бабосики либо борзых щенков. Или и то, и другое сразу.

– Думаю, это решаемый вопрос, – сказал Камран. – С вашими-то деньгами! Перейдём к делу. Я поговорил с Кожемякиным. Он придет к вам сразу же, как только закончится конференция. То есть, послезавтра вечером. Сможете с ним побеседовать и даже оставить на ночь. Ему хочется отдохнуть в лесном особняке.

– Спасибо! К какому времени прислать машину? – нетерпеливо ответила Ирина Геннадьевна.

– Конференция заканчивается в пять. В шесть начнётся фуршет, но Пётр Савельевич не хочет на него идти.

– Значит, послезавтра в пять вечера Кожемякин будет свободен?

– Ему ещё нужно поесть... – задумчиво сказал Камран.

– У меня поужинает. Пришлю за ним Сашу. В полшестого.

– Я уже договорился на шесть. Пусть старик немного отдохнёт.

– Ещё вопросик, Камран. Когда у него будет доклад?

Из телефона послышалось шуршание. Ирина Геннадьевна поняла, что её собеседник роется в бумагах, ища программу конференции. Наконец, прорезался его голос:

– Сегодня в час дня.

– А сейчас уже десять! – взвизгнула Дремлюгина. – Спасибо, Камран! Берегите себя!

Смирившись с тем, что вволю поплавать уже не удастся, она выпрыгнула из бассейна и, не вытерев тело, накинула пушистый халат. Затем побежала к ближайшему стулу и набрала номер Вирятина.

– Пал Валентиныч! Давно хотела вас попросить, но совсем запамятовала. Теперь вот вспомнила. Поезжайте сегодня к часу на конференцию по нейрофизиологии. С диктофоном, разумеется. Запишете речугу одного учёного.

– О чём?

– О какой-то хреновине с морковиной. Забыла, как она называется.

Ирина Геннадьевна задумалась, вспоминая тему выступления московского светила, и, наконец, сказала:

– О наночастицах и непонятной технологии. Прощлый раз я вам её называла, а вот сейчас наименование вылетело из головы. Ну, и чёрт с ним! Самое главное, запомните имя учёного: Пётр Савельевич Кожемякин. Как запишете речь –

сбросьте файл себе в комп и отошлите мне по имейлу. Сразу же!

– Три часа осталось до выступления, а мы сегодня сдаём номер. Трудно будет отпроситься.

– Что-нибудь придумайте, вы же взрослый человек. В долгу не останусь. Учтите: это очень-очень важно, – скороговоркой выпалила Дремлюгина.

## 26. Симулянтка и «Белая лошадь»

Российская наука, особенно провинциальная, любит говорить на птичьем языке. Ясность мысли в ней не приветствуется. Чем туманнее изложена статья или диссертация, чем сильнее она нашпигована малоизвестными терминами – тем больше шансов, что к ней отнесутся как к достойному исследовательскому труду. Таковы традиции, и они святы.

Матёрый учёный Кожемякин это очень давно усвоил, поэтому его речь о технологии витрификации не могли понять даже специалисты по нейрофизиологии. Что уж говорить об Ирине Геннадьевне!

Весь чёртов день тринадцатого октября она просидела за компьютером, пытаясь выловить хоть какой-то смысл в наукообразной тарабарщине, которая неслась из динамиков... но увы...

Дремлюгина призвала себе на помощь водителя, любимую Ксюшу и начальника охраны, но быстро поняла, что даже вместе с ними ей скорее удалось бы расшифровать анналы Рамсеса Второго или Дария Великого на их родных языках, нежели выступление Петра Савельевича Кожемякина на русском.

Для Ирины Геннадьевны так и осталось тайной, что же такое витрификация, для чего она нужна и почему для неё требуются какие-то наночастицы.

Дремлюгина дошла до спальни в полном изнеможении и, не раздеваясь, плюхнулась на кровать. Проспала она до середины следующего дня.

Лишь в два часа пополудни у Ирины Геннадьевны появились силы дотянуться до кнопочки на прикроватной тумбочке и произнести слово «Ксюшенька».

– Ирина Геннадьевна! Этому платью цены нет, а вы его в тряпку превратили. Разве можно так? – запричитала домоправительница, входя в её спальню.

– Я тебя позвала не за тем, чтоб ты меня воспитывала! – строго сказала хозяйка. – Я вчера не ужинала и сегодня не завтракала. Принеси чего-нибудь съестного мне и себе. Пообедаем вместе.

– Чего именно, Ирина Геннадьевна? – поинтересовалась Ксения. – Сейчас распоряжусь. Повар приготовит...

– Ты что, издеваешься надо мной? – взревела Дремлюгина. – Я жрать хочу! Тащи, что имеется!

– Будет сделано, Ирина Геннадьевна! – расплылась в улыбке домоправительница.

Ксения вылетела из спальни, минуты через три вернулась и сервировала тумбочку рядом с кроватью хозяйки. На импровизированном столе не было ни дичи, ни икры, ни каких-либо других разносолов. Только сыр, гренки из чёрного хлеба и горячий шоколад с молоком.

– Пармезан и какавка, – важно и торжественно произнесла Ксения.

Дремлюгина и тому была рада. Она уже готовилась наслаждаться вкусом любимого сыра, когда в комнату вбежал начальник охраны.

– Ирина Геннадьевна! В седьмом часу здесь будет профессор. Я для него девочку выбрал. Может, поговорите с ней, проинструктируете?

– Я? – Дремлюгина чуть не подавилась гренком. – А вы на что? Неужели сами инструктаж не можете провести? Видите же: я кушаю. И вообще, по какому праву вы сюда врываетесь? Вдруг я была бы раздетой?

«То-то я вас голой не видел!» – подумал Олег, но вслух сказал более дипломатично:

– Ирина Геннадьевна! Сейчас уже полтретьего. Даже подумать не мог, что вы в такое время можете ещё не одеться...

– Твоё счастье, – процедила хозяйка дома. – Как девочку-то зовут?

– Леся, – ответил начальник охраны.

– Неужели русское имя не могли ей подобрать?

– Как-то не подумал... – засмутился Олег.

– И ещё «шокает», поди?

– Самую малость.

– Ты хоть знаешь, кому её готовишь? Московскому профессору, а не нашему тупому бандократу! Не депутату Ямовской городской думы! Разницу понимаешь?

– Другую подыскать? – извиняющимся тоном спросил Олег.



– Да ну! – махнула рукой Дремлюгина. – Не успеешь! Её же ещё нужно причесать, побрить волосы на ногах и на интимном месте, морду накрасить, тело гелями натереть... да ещё и проинструктировать. Сам подумай, сколько на всё это времени уйдёт.

– Виноват.

– Понятно, что виноват. Если что не так выйдет – десять процентов зарплаты сниму. Свободен! Иди-иди, а то у меня какао почти остыло.

Ксения во время этого разговора не проронила ни звука. Ирина Геннадьевна, наконец, повернулась к ней:

– Ксюша! Доедай сыр с гренками и готовь дом к приезду гостя. Ты, думаю, справишься. Не то что этот олух.

### *Вечером того же дня \**

«Повезло так повезло! Судьба меня в задницу поцеловала!» – шептала самой себе Дремлюгина, когда парикмахерша делала ей маникюр и причёску, а верная Ксюша подбирала платье и ожерелье.

И правда, Ирине Геннадьевне помогла случайность. У неё ведь не было плана, как заманить в особняк Кожемякина. Она сымпровизировала, когда пожаловалась Камрану на головную боль, от которой якобы не помогают никакие лекарства. Дремлюгина даже не думала, что эти её слова окажутся той наживкой, на которую клюнет московский учёный.

Она давно так не волновалась, как сегодня, и была груба

даже с любимой работницей.

– Ксюша! – раздражённо крикнула она домоправительнице, когда та принесла новое шёлковое платье. – Это не подходит. Неси другое.

– Вы же именно в нём обычно гостей встречаете, – недомётно прошептала Ксения.

– Обычно, обычно! – набросилась на неё Ирина Геннадьевна. – Сегодня же необычный день! У платья слишком большой вырез. Найди строже. Не хочу трясти сиськами перед Петром Савельевичем. Он не должен подумать, что я вольничая во время траура. Надо произвести на него самое благоприятное впечатление...

Вдова уже понимала, что Кожемякин может рассказать много интересного об обстоятельствах смерти её мужа... если, конечно, захочет...

Ирину Геннадьевну на высоту её нынешнего полёта вознесла постель. Было бы странно, если бы сейчас она надеялась на что-то другое.

Она умела манипулировать разгорячёнными любовниками, вымогая у них деньги, подарки и, главное, информацию. Этому же искусству она в меру сил учила и своих рабынь из лесного домика.

В распоряжении у неё остались завтрашний день и две ночи. Она очень надеялась, что за это время какая-нибудь из её девочек – не Леся, так другая – сумеет разговорить Петра Савельевича. Однако Дремлюгина осознавала, что они могут

не справиться, и в крайнем случае была готова сама вступить в игру...

Наконец, вошла Ксения с ворохом платьев:

– Вот, Ирина Геннадьевна! Всё тёмненькие, все строгонькие. Выбирайте!

– Не годятся! – опять отрезала Дремлюгина. – Они слишком облегают фигуру. Нужно какое-нибудь посвободнее. Пойми, у меня же траур!

– Тогда вот эти три... – ответила предусмотрительная домоправительница.

Дремлюгина начала примерять одежду, и делала это так придиричиво, что не заметила, как пропищал электронный будильник на её столике. «Семь часов! Уже семь часов! Они приедут с минуты на минуту!» – ахнула она, наобум ткнула в одно из платьев и при помощи услужливой Ксюши спешно стала его натягивать. Село оно кривовато, чего Ирина Геннадьевна впопыхах не разглядела, а домоправительница побоялась ей об этом сказать.

Кожемякина встретила Ксения и проводила в гостиную, где его окутал аромат духов с очень богатым букетом, в котором он уловил нотки ландыша, жасмина, кориандра... Были и какие-то другие... Пытаясь расплести хитросплетение запахов, он не сразу заметил сидящую в уголке за журнальным столиком даму с густыми каштановыми волосами и в чёрном платье, сидящем чуть кособоко.

– Добрый вечер, Пётр Савельевич, – улыбнулась она го-

стю. – Знаю, что вы голодны. Сейчас подадут ужин.

– Значит, вы и есть Ирина Геннадьевна? – спросил он.

– Простите, ради Бога! Забыла представиться. Головная боль во всём виновата... – вздохнула она. – Как вы относитесь к вину? Будете?

– У меня давление и сердечная недостаточность, – без обиняков ответил Кожемякин. – Да и вам нежелательно.

– Так это же тридцатилетняя «Белая лошадь»! Неужели не соблазнимся?

– Ну, если это Бордо, да ещё и тридцатилетнее... – засомневался Пётр Савельевич. – Немного выпью. Не пойму только, почему вы пьёте красное вино. От него и у здорового человека голова может заболеть. Пили бы лучше белое.

– Не могу отказать себе в удовольствии, – ответила Ирина Геннадьевна. – Очень уж мне нравится его вкус. Он так хорошо подходит к дичи. Её, кстати, тоже подадут к столу. Зразы из мяса косули и суп из зайчатины. Вам должно понравиться.

– Значит, не так уж сильно у вас болит голова... Вы делали МРТ?

– Нет, – созналась Дремлюгина.

– Значит, были у врача, и он вам не назначил томографию?

– Не назначил.

– И что же он прописал?

– Парацетамол... но он мне совершенно не помогает.

– Тогда порадую вас: у вас, скорее всего, просто мигрень. Ничего серьёзного, а я уж боялся...

– Значит, зря я вас вызвала? – сокрушенно вздохнула Ирина Геннадьевна. – Но вы всё равно не уезжайте. Сейчас поужинаем, а завтра поедете на охоту. Вы ведь любите пострелять кабанов?

– Меня Сергей Петрович прошлый раз приглашал... но мы ни одного кабанчика так и не встретили. Может, оно и к лучшему: охотник я неважный, стреляю плохо.

– Завтра мы это Серёжино упущение исправим, – пообещала ему Ирина Геннадьевна. – Будет вам кабанчик. Впечатления останутся на всю жизнь, уверяю вас. Кстати, Серёжа...

Она внезапно замолчала: послышался звук шагов. Это Ксения принесла ужин.

– Не нарадуюсь на эту девушку! – сказала Ирина Геннадьевна. – Красивая, исполнительная, преданная... А умная какая! Все мои желания угадывает. Я её назначила домоправительницей, а она по-прежнему мне еду и одежду по утрам приносит, даже волосы иногда расчёсывает. Правильно, Ксюшенька?

Та молча кивнула и замерла в ожидании указаний.

– Свободна! – махнула ей хозяйка.

Ксения ушла.

– Вы хотели что-то спросить о Сергее Петровиче? – поинтересовался Кожемякин.

– Да нет... – пожала плечами Дремлюгина. – Едва ли вы

можете сказать что-то такое, чего не знаю я. Серёжа ведь меня любил, как и я его. Разве у нас могли быть тайны друг от друга?

– Даже любящие люди могут друг от друга что-то утаивать. Именно потому, что любят и берегут... – ответил Пётр Савельевич.

– Неужели Серёжа скрывал от меня что-то важное? – напрыглась Ирина Геннадьевна.

– Нет-нет, я не имел в виду вас и Сергея Петровича. Просто мне встречались подобные случаи.

«Явно что-то не договаривает! – поняла вдова. – Такое впечатление, будто его подмывает что-то мне рассказать... Может, прямо спросить? Да нет, только спугну, и тогда из него уж точно ничего не удастся выудить. Лучше переведу разговор на нейтральную тему и понадеюсь на Лесю. От вина Кожемякин не отказался. От девочки, думаю, тоже не отвернётся. Только в лоб предлагать не стоит. Пусть она неожиданно придёт к нему в комнату. Как сюрприз».

## 27. Бездушное урочище

На следующее утро Ирина Геннадьевна поднялась затемно, приняла душ, закуталась в мохнатый халат и начала нервной дробью нажимать на кнопку вызова. Через десять минут в её спальню вбежала заспанная домоправительница.

– Что так долго? – набросилась на неё Дремлюгина.

– Одеться надо было, Ирина Геннадьевна, умыться, причесаться... – начала оправдываться Ксения. – Обычно вы не встаёте так рано.

– Я тебе уже говорила, что сегодня необычный день. Могла бы и вообще не спать! – продолжила её отчитывать хозяйка. – Ну ладно, что с тобой сделаешь? Тащи завтрак!

– Так повар ещё не проснулся.

– Неси, что есть. Как вчера. Мы же тогда нормально поели.

– Опять сыр и какавку?

– Её самую, – рассмеялась Ирина Геннадьевна, сменив гнев на милость.

Ксения облегчённо выдохнула, сбегала за продуктами и вытянулась рядом с хозяйкой.

– Садись напротив меня, – приказала Дремлюгина. – Вместе какао поьем, как вчера.

Ксения присела, но сразу есть не начала. Она с любопытством наблюдала, как у Ирины Геннадьевны дрожит чашка

в руке. «Как волнуется, бедненькая! Может, раскрыть ей всё начистоту? Да нет, нельзя...»

За завтраком Дремлюгина немного успокоилась и приказала вызвать начальника охраны. На всякий случай: вдруг Леся вчера уже что-то разведала и доложила ему.

Олег вбежал весь белый. Губы его тряслись от страха.

– Что случилось? – взвизгнула Дремлюгина, с удивлением его разглядывая. – Плохо себя чувствуешь?

– Леся провалила всё, что могла, – запинаясь, ответил начальник охраны. – Не наказывайте её слишком сурово.

Дремлюгина вскипела: она надеялась, что этим утром узнает, зачем Сергей Петрович приглашал в особняк нейрофизиолога!

– Что значит «провалила»? Толком его не расспросила? Ничего не смогла разузнать? – начала нервно сыпать вопросами Ирина Геннадьевна.

– Не только. Вот, посмотрите...

Олег вынул из кармана флешку.

– Я принёс запись. На ней ваш гость, нейрофизиолог... он сейчас ещё спит. Знаете, чем он занимался в туалете в пять утра?

– Втыкай флешку! – снисходительно бросила Дремлюгина.

Она зашла в видеоплеер.

Ксения незаметно посмеивалась, наблюдая за происходящим на экране. Ирине Геннадьевне было не до смеха.



– Лесю сюда! – закричала она.

Через три минуты охранник ввёл заплаканную девушку.

– Ирина Геннадьевна... – промямлила она.

– Даже гэкать не разучилась, сука! – налетела на неё хозяйка. – Сколько раз вам говорила: моим гостям это не нравится.

– Ирина Геннадьевна...

– «Ирина Гэннадьевна, Ирина Гэннадьевна»... – передразнила её Дремлюгина. – Вот заладила! Ну-ка посмотри, что после ночи с тобой Пётр Савельевич делал в туалете!

– Он... он не смог... со мной. Я не виновата, – с мольбой в голосе залепетала Леся.

– Халтурщица! Почему у тайских «морковок» всё получается даже с древними стариками, а у тебя нет?

– Этот Пётр Савельевич такой противный! Старый, рыхлый... кожа дряблая, руки склизкие... Меня чуть не стошнило, – созналась девушка.

– Это московское светило, дура! – покачала головой Дремлюгина. – Мне таких трудов стоило его сюда заманить, а из-за тебя пошло всё насмарку! Тебе что говорили? Устроить ему феерию, довести до экстаза... и разведать, что этот Пётр Савельевич делал у Серёжи, когда я была на курорте. Только ли охотился на кабанов? Остороженько надо было расспросить, аккуратненько, наводящими вопросами...

– Как? Он же плохо себя чувствовал. Не хотел ни трахать меня, ни беседовать со мной. Так, облапал чуть-чуть...

– Значит, не разузнала, зачем моему Серёже за неделю до смерти потребовался нейрофизиолог?

– Нееееет, – захныкала девушка.

– Также я говорила тебе выяснить, с какой целью он сейчас прибыл в Ямов. Только ли на конференцию? Ты должна была разузнать, не связан ли его визит с Серёжей.

– Не смогла.

– Тащи сюда её паспорт! – крикнула Дремлюгина начальнику охраны. – Возьми ключ от сейфа и неси.

Олег сбегал за документом. Ирина Геннадьевна встала и подошла к камину. Ей стало жарко, и она сбросила халат, обнажив блестящее от пота тело. Хозяйка несколько не стеснялась стоящих рядом работников.

– «Леся Александровна Василюк», – начала она читать вслух. – «Село Помонята. Рогатинский район». Всё правильно?

– Ирина Геннадьевна, простите!

– Нет уж! Видишь огонь? Видишь свой документ? Сейчас они встретятся!

Минуты три Дремлюгина молча наблюдала, как пламя пожирало синий паспорт.

– Нет у тебя больше паспорта. Считай, и тебя тоже нет, – наконец, злобно сказала она и отошла от камина.

Ксения, которая до этого неподвижно сидела, вскочила и подала хозяйке халат. Надев его, Ирина Геннадьевна повернулась к начальнику охраны:

– Скажи своим ребятам, чтоб отвезли её на стройку. Туда, где возводят новый свинокомплекс. Пусть джамшуты потешатся. Потом вернёшь сюда... Вот так, Лэся! – издевательски улыбнулась она.

Девушку увели, и Дремлюгина в изнеможении рухнула на кресло.

– Ксюша, тащи чего-нибудь покрепче! – шепнула она домоправительнице. – Выпьем втроём с тобой и Олегом. Мне надо успокоиться, прийти в себя...

– Вам нельзя! Вы же кормите! – вырвалось у Ксении.

– Ничего, он уже не маленький. Без молока обойдётся. Тащи коньяк, я сказала!

Ксения выбежала – и вскоре вернулась в кабинет с бутылкой и блюдом с манго «Язык змеи», привезённым позавчера из Юго-Восточной Азии.

Ирина Геннадьевна вздохнула и надкусила сочный зеленатоватый плод:

– Люблю этот сорт, он не приторный. Ксюша, не помнишь, у кого мы эту дурёху приобрели?

– Под Москвой, у модельного агентства «Абсолют», – ответила домоправительница. – Однодневка, «рога и копыта». Девку давно уже никто не ищет. Оно и правильно: тут хоть обыщись!

Дремлюгина повернулась к начальнику охраны:

– Звякни своим ребятам. Пусть присмотрят, чтоб гастеры эту Лесю не засношали до смерти. Не хочу брать грех на ду-

шу.

– Так отец Афанасий отпустит, – ухмыльнулся Олег.

– Нет-нет, всё-таки напомни. Мы же не звери.

Пока начальник охраны звонил кому-то из подчинённых, Ирина Геннадьевна жадно съела ещё два фрукта. Сок манго капал с подбородка на грудь. Проголодалась!

– Он сегодня уезжает? – неожиданно спросила она домохозяйку.

– Кто? Пётр Савельевич? Вы же мне сами вчера сказали. Уедет вечером в отель, а завтра утром в Москву.

– Значит, вновь подсунуть ему девочку на ночь не удастся... – задумалась Дремлюгина и обратилась к Олегу. – Вся надежда на тебя. Переквалифицируешься в егеря. Повезёшь старика в лес. Подстроишь так, чтоб профессор обязательно подстрелил кабанчика.

– Как подстроить? – пожал плечами начальник охраны.

– Тебе на что голова дана? – спустила на него собак хозяйка. – Я тебе за что деньги плачу? У меня такой мандраж, а ты идиотом прикидываешься! Нарочно что ли, хочешь меня позлить?

– Никак нет, – выпалил начальник охраны. – Что-нибудь придумаю, Ирина Геннадьевна!

– Так бы сразу! – вздохнула она. – Когда старик добудет кабанчика, вези его в охотничий домик. Винца предложишь, яства разные, баньку... и тихонечко расспросишь обо всём. Ты же бывший гэбист, у тебя должно получиться. Кстати, мо-

жешь опять девочку подложить. Прямо там, в домике. Выбери какую-нибудь и посмышлёнее, и поактивнее, чтобы возбудить сумела. Пусть порадует деда... если его вообще радуют женщины. Ну, давай ещё по маленькой – и езжай девку выбирать! Как закончишь, покажи мне. Сама проинструктирую.

Опрокинув рюмку, Олег побежал к автомобилю. Дремлюгина продолжила пить коньяк вдвоём с Ксенией. Через час она опьянела, размякла и растеклась в кресле, словно свеча на солнце.

– Ну-ка выясни, подобрали они девчонку или нет, – велела она домоправительнице.

Та позвонила начальнику охраны:

– Девочку нашли? Хозяйка вся уже изождалась. Ты её не нервируй, а то опять лишит ползарплаты.

– Да нашёл! – ответил Олег. – Работает на уровне. Пылесосит по-чёрному. И умненькая, к тому же.

Ирина Геннадьевна вырвала смартфон из рук Ксении и закричала:

– Чего ж не ведёшь, Олег? Немедленно сюда её!

Вскоре Олег ввёл девушку – высокую, изящную, с полными страха карими глазами. Увидев обмякшую хозяйку, она смутилась ещё больше.

– Чего дрожишь? – усмехнулась Ирина Геннадьевна. – Я не Баба Яга, юными девицами не питаюсь.

– Только что Лесю привезли. Всю в крови. Она умирает.

– Брось, не сдохнет! – прыснула Дремлюгина. – Помучается, конечно... но до свадьбы заживёт. Справлю ей паспорт на новое имя и выдам замуж за чоповца. Кто-нибудь да позарится: она же красивая. Мне же от неё всё равно никакого толку. Но ты-то чего трясёшься? Ты же не Леся. Как зовут?

– Татьяна.

– Откуда родом?

– Из деревни Сныткино.

– Это где?

– Брянская область.

– Ты, говорят, умненькая девочка. Сообразительная и начитанная, хоть и из деревни. Лесину ошибку не повторишь, правда?

– П-прав-вда, – стуча зубами от страха, повторила за ней Таня.

– Ты, говорят, в Таиланде училась? Ничего не путаю?

Татьяна беззвучно закивала головой.

– Что умеешь? – поначалу сурово сказала Ирина Геннадьевна, но сразу же сменила тон и улыбнулась девушке. – Да не бойся же ты меня! Ничего я тебе не сделаю.

Таня немного успокоилась и собралась с мыслями.

– Разный массаж. Тайский... камбоджийский... травяной... масляный... эротический тоже...

– Ублажать будешь того же старичка, что и Леся. Только смотри, чтобы он остался доволен. И, главное, чтоб язык у него развязался. Сможешь?

– Смогу... – неуверенно ответила Татьяна.

– Если у тебя всё получится, в долгу не останусь. Обещаю при людях! Если ничего не сможешь выведать, тогда мне самой придётся переться к старику в отель, соблазнять и ублажать его. Потом ещё грех замаливать: я же в трауре. Если такое случится, то судьба Леси покажется тебе раем. Голую выгоню в непроходимый лес. На съедение кабанам. Повтори, что от тебя требуется, Таня!

– В-выведать у этого деда... – вновь затряслась девушка.

– Что именно нужно выведать? – тоном учительницы спросила Дремлюгина.

– В-всё про С-сергея Петровича...

Ирина Геннадьевна повернулась к безмолвно стоящему начальнику охраны:

– Олег, распорядись её подготовить. Пусть хорошо побреют, надушат, приоденут – чтоб всё было на уровне... Надеюсь на тебя.

Она улыбнулась ему, поднялась и направилась к себе в спальню.

## 28. Полосатый рейд

УАЗ-«буханка» погружалась в лес, везя Олега, Петра Савельевича и охотоведа. Машина шла на третьей скорости по бугристой песчаной дороге.

– Лихо! – приговаривал нейрофизиолог.

– В автомобиле четыреста девятый движок, – ответил Олег. – Лучший из тех, что производит отечественный автопром. И водитель у нас виртуоз. Плохих и средних не держим.

– Олег, почему не иномарка? – поинтересовался у него Пётр Савельевич.

– У «буханки» проходимость о-го-го!

Охота на крупного зверя ещё не была открыта, и формально поездка была оформлена как плановый егерский рейд. Надо было объехать кормушки, разложить еду, подновить солонцы и, главное, подрегулировать численность кабанов. Эта задача возлагалась на старческие плечи московского светила.

Прошёл час, прежде чем «буханка» добралась до лесной поляны, покрытой ещё не пожелтевшей травой. Столичный гость подёрнул плечами, как будто чего-то испугался, но быстро успокоился, осмотрев место из окна машины. «Так-так-так! Интересный жест...» – отметил для себя начальник охраны.



На поляне высился колоритный пенёк, похожий на оленьи рога. Поодаль торчала вышка для отстрела зверья.

Охотовед насыпал комбикорм в половинки разрезанного тракторного колеса и соль в старое осиновое бревно с выдолбленным углублением.

– Берите ружьишко, – скомандовал он, повернувшись к столичному светилу. – Поднимайтесь на вышку и замрите. Ждите, когда появится кабан.

– Это законно? – настороженно спросил нейрофизиолог.

– Не волнуйтесь, Пётр Савельевич, – успокоил его Олег. – Вы здесь не браконьерствовать будете, а бороться с распространением африканской свиной чумы. Мы же с охотоведом пойдём водку пьянствовать.

Московский гость окоченел, стоя на возвышении. За полтора часа кабан так и не появился. Вернулись выпившие охотовед с начальником охраны и сказали, что дальше нет смысла ждать: надо искать другую поляну.

В салоне «буханки» Пётр Савельевич отогревался горячим чаем: водку ему не предложили, чтобы не ослабить меткость.

На второй поляне располагалась небольшая площадка, огороженная крепким частоколом. Путь внутрь преграждала дверь, которая вертикально опускалась в пазах, как нож гильотины.

– Это ростовка, – на всякий случай просветил гостя охотовед. – Предназначена для питания поросят. Мы немножко

приподнимаем дверь и фиксируем так, чтобы под неё могли подлезть подсвинки, но не взрослые крупные кабаны. В этом году ростовки нам очень нужны. Из-за дождей самки опоросились очень поздно, и поросята ещё не сумели вырасти, как положено. На дворе середина осени, а они всё ещё полосатые. Приходится их подкармливать. Не будем их пугать. Поехали дальше.

Пётр Савельевич, однако, не поспешил в машину. Он удивился висевшему на дереве странному приспособлению. Это была перевёрнутая бутылка с тоненькой трубочкой, из которой сочилось густое машинное масло.

– Кабаны любят смачивать шерсть нефтепродуктами, – пояснил Олег. – Запах отпугивает всяких паразитов. Вам разве не рассказывали, когда вы в прошлый раз здесь охотились? Ну, когда Сергей Петрович ещё был жив...

– Я тогда и не охотился вовсе, – ответил столичный гость. «Странно...» – удивился начальник охраны.

УАЗ двинулся дальше и подошёл к краю круглой полянки с небольшим холмиком на отшибе. Нейрофизиолог вдруг заволновался и заёрзал в кресле, а затем прошептал:

*Так вот она, страна уныний,  
Гиперборейский интернат...*

– Лирическое настроение накатило? – засмеялся Олег.

– Да, – ответил Пётр Савельевич. – Очень люблю эту по-

эму... Вот, послушайте:

*Ревет медведь в своей берлоге,  
Кричит стервятница-лиса,  
Приходят боги, гибнут боги,  
Но вечно светят небеса!*

Олег в недоумении поджал губы:

– Не понимаю, чем хороши эти стихи... Здесь зверя точно не будет. Поехали дальше!

Машина вновь отправилась в путь и, наконец, встала возле большой поляны с ростовкой, из которой раздавались визг и хрюканье. В неё вместе с малышами пробрался молодой секач. Видимо, «гильотинную» дверь егера подняли слишком высоко, и кабан сумел подлезть под неё, но вышиб подпорку и оказался в ловушке.

Полосатых поросят вепрь не трогал, но при виде людей бросился в их сторону, видимо, желая растерзать.

Однако разломать ограду злобное животное не сумело.

– Пётр Савельевич, оставайтесь в машине, берите ружьё и хорошо цельтесь, – распорядился начальник охраны. – Иначе мне придётся стрелять за вас.

Охотовед вооружился жердью и взобрался на стоящую рядом с изгородью железную клетку. Начальник охраны открыл дверь и немедленно отбежал, спрятавшись в «уазике».

Это оказалось ненужной предосторожностью. Как только

секач увидел, что дверь открылась, его свирепость словно испарилась. Вместо того чтобы выбежать из ростовки, он забился в её дальний угол. Охотовед встал на возвышение и начал выталкивать вепря длинной палкой.

Наконец, кабан выбежал на свободу и бросился в сторону густых зарослей. Раздались два выстрела.

– Пётр Савельич! – сказал Олег. – Я стрелял на всякий случай, чтоб уж наверняка убить... но зверя добыли именно вы, можете не сомневаться. Вот, посмотрите. Рана в голове – это ваш выстрел.

Кожемякин пожал плечами: ему было всё равно, кто убил кабана.

Все трое погрузили тушу в «буханку» и отправились в охотничий домик. Там уже их ждали самогон, тройная уха, заливное из судака и миловидная девушка со смышлёным взглядом.

– Вот видите, Пётр Савельевич, – начал расшаркиваться перед московским гостем начальник охраны. – Ничего импортного! Всё натуральное, здешнее... Насчёт качества самогона не сомневайтесь. Мы его ректифицируем и потом в дубовых бочках настаиваем. Лучше любого коньяка получается, о водке даже не говорю. Располагайтесь. Выпьем, побеседуем... а кабанчик позже будет. Так вы, значит, раньше на кабанов не охотились?

– Нет, – ответил Кожемякин. – У меня спаниель. Уток иногда стрелял, да и то редко. Некогда: работа...

– Значит, нам лучше было организовать утиную охоту? – поинтересовался Олег.

– Ну, почему же? Спаниеля я всё равно дома оставил.

– Зря! Здесь такие лесные озёра! Впрочем, зачем я это говорю? Вас же покойный Сергей Петрович наверняка туда возил.

– Не возил он меня никуда, – возразил московский гость. – Ни на охоту, ни на рыбалку. Мы другими делами занимались.

Тут Таня, разнося блюда, как бы невзначай коснулась грудью стариковского плеча. Глаза у нейрофизиолога подёрнулись маслом.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Татьяна, – ответила та и отошла за очередным подносом.

– Хотите? – спросил Кожемякина начальник охраны.

– Не стоит, – грустно ответил тот. – Старый я уже стал, никакого удовольствия не получу.

– Ну, это вы зря, – начал разубеждать его Олег. – Вы ещё ого-го! И потом, многое не только от вас, но и от девочки зависит.

– Нет, не стоит, – повторил Пётр Савельевич.

– Ну, что вы ломаетесь, как женщина? По глазам ведь вижу: хотите.

– Да времени нет. Мне пора в отель, ведь завтра утром вылетаю.

– Какая ерунда! – ответил Олег. – Неужели собраться не

успеете? Мы ведь ещё вашего кабана не обмыли! Вы теперь перед всеми коллегами сможете хвалиться: подстрелили не свиноматку, а секача. Неужели уедете, так и не попробовав его? Неужели неинтересно?

– Интересно, конечно... – замялся Кожемякин.

– Знаете, сколько он будет готовиться? – продолжил напирать начальник охраны. – Часа два с половиной, не меньше! За это время вы вполне с девочкой управитесь.

– Нууууу... тогда... – промычал нейрофизиолог.

Таня тем временем обняла сзади шею старика и прижалась грудью к его плечам.

– Пойдём? – шепнула она.

У Петра Савельевича проснулось подобие желания. Он поднялся, и Таня повела его по коридору к неприметной деревянной двери.

## 29. Массаж по-кхмерски

Комнатка для интимных услуг была разделена занавеской из виниловой ткани. По одну сторону от неё располагалась двуспальная кровать, а по другую – душевая кабинка и огромная деревянная бочка, наполненная горячей водой.

– Японский стиль! – с гордостью прошептала Таня. – Фурако из кедра. Как в «Коньке-Горбунке»: опуститесь – и сразу помолодеете.

Она разделась, запрыгнула в бочку, за руку втащила туда Кожемякина и начала возбуждать отточенными прикосновениями... но тот не чувствовал её ласки.

Петру Савельевичу словно валун лёг на затылок. Мелко и неровно забило сердце. Одеревенели и заныли ноги. В ушах зазвучал мерзкий тонкий звон...

– Что с вами? – испуганно спросила Таня, глядя на его багровое лицо.

– Мне противопоказана высокая температура.

– Сбегать за таблеткой? – заботливо поинтересовалась девушка.

– Не надо, Танюша!

– Вызвать скорую?

– Нет. Я лучше прилягу, а ты мне... лодыжки помассируй.

Таня вновь взяла Кожемякина за руку, помогла ему выбраться из фурако, обтёрла полотенцем – и он распластался

на кровати.

Девушка принялась разминать отёкшие щиколотки и голени Петра Савельевича. Ноющая боль в его ногах постепенно ослабевала.

– Как приятно! – вздыхал московский гость. – И секса никакого не нужно.

– Пётр Савельевич, я вижу, у вас проблемы не только с сердцем, но и с сосудами ног. Сделать вам настоящий камбоджийский массаж, чтобы разогнать кровь? Я умею: в Юго-Восточной Азии училась.

– Ни разу не слышал о таком...

– Он нормализует кровоток. Будет немного больно. Потерпите.

Татьяна продолжила теперь уже по-кхмерски массировать его ноги, пережимая артерии и вены. Старик охал то от боли, то от удовольствия.

– Какая вы молодчина, Таня! – говорил он. – Фитобочка не сделалась для меня котлом из «Конька-Горбунка», не омолодила. То ли дело ваш массаж!

– У вас такие возможности, такие связи в мире медицины, а здоровье вы совсем запустили, – начала отчитывать его Татьяна.

– Времени нет, Танюша, собой заниматься.

Она взяла пятирублёвую монетку и начала растирать с силой кожу его ног. Кожемякину хотелось выть, но он стиснул зубы, чтобы не выглядеть слабаком перед красивой девушкой.



кой.

– Мои ноги будто переродились, – сказал он, когда закончилась пытка по-кхмерски.

Глаза старика были наполнены благодарностью.

– Пётр Савельевич, зачем Ирина Геннадьевна вас сюда позвала? – вдруг спросила Таня. – У неё что-то серьёзное?

– Да нет... Просто мигрени, – ответил Кожемякин. – Глиобластома ведь не заразна.

– Вы о чём?

– Разве не знаете, Таня? Этим недугом страдал Сергей Петрович.

– Что это за болезнь?

– Опухоль мозга. Метастазы она не даёт, но от этого больным не легче. Умирают от неё в страшных мучениях, никакие обезболивающие не спасают. Такой конец ждал Сергея Петровича... если б его не убили, – вздохнул Пётр Савельевич.

– Но ведь сейчас рак лечат, – удивилась Таня. – Или хотя бы продлевают пациентам жизнь...

– Когда у Сергея Петровича её обнаружили, она была уже неоперабельной. Проводили тергетную терапию, но она лишь замедляла болезнь...

– Так вот зачем он вас сюда приглашал! Хотел, что вы поставили ему диагноз? А Ирина Геннадьевна-то гадает...

– Я не ставлю диагнозы. Когда Сергей Петрович меня первый раз пригласил, он уже всё знал: ему онколог назначил

МРТ, и томография показала опухоль. Потом Сергей Петрович не раз приезжал в Москву. К разным специалистам, и ко мне тоже. Ректор вашего университета здесь специально ради него конференции созывал, меня приглашал. Они же старые друзья.

– Почему он ездил к онкологам, понятно... а вы чем могли ему помочь?

– Зачем тебе это знать, девочка? Если даже Ирина Геннадьевна ничего не ведала о болезни Сергея Петровича, значит, он не хотел никому о ней говорить. Скрывал от всех, что скоро умрёт.

– Но ведь обычно бывает наоборот: родственники знают, а больной нет.

– «Обычно» бывает по-разному... – улыбнулся ей нейрофизиолог.

– Значит, он ждал смерти. Поэтому и увлёкся мифами о бессмертии?

– Видимо, да. Цеплялся за соломинку.

– Как думаете, люди когда-нибудь научатся... не умирать? – спросила Татьяна.

– Кто ж тебе ответит? Даже я не смогу, хотя мне эта тема близка. Я с массачусетскими и миннесотскими коллегами часто её обсуждаю. Они ищут способ, как оцифровывать связи между нейронами.

– Для чего?

– Чтобы сделать цифровую копию сознания. Они надеются

ся таким способом достичь бессмертия в виртуальном мире.

– Неужели я доживу до этого дня? Хотелось бы...

– Зачем тебе об этом думать? У тебя ведь, Таня, вся жизнь впереди.

– Что у меня впереди? – вспыхнула девочка. – Мне, может быть, жить осталось ещё меньше, чем вам. Заражусь СПИ-Дом – и меня убьют и закопают в лесу. Или просто увяну, потеряю красоту – и со мной сделают то же самое.

– С чего ты решила? Тебе прямо так и говорят?

– Нет, конечно. Обещают выдать замуж за охранника... но это, по-моему, враньё. Зачем Ирине Геннадьевне отпускать нас на волю? Мы ведь можем дать показания, если что...

– Неужели она способна на убийство? – искренне удивился нейрофизиолог. – Такая симпатичная дама...

– Вы её не знаете. Не смотрите на её милостивую внешность. Она страшный человек.

– Я могу заявить в милицию, в прокуратуру! Вас освободят.

– Ни в коем случае! Не делайте этого! – взмолилась девушка. – Ирина Геннадьевна выкрутится, а нас...

– Бедненькая! Не переживай. Может, всё обойдётся?

– Не будет мне счастья, – вздохнула Татьяна. – Вот и хочется помечтать о другой жизни – радостной и длинной, может быть, даже вечной... Если не в реальном, то хотя бы в виртуальном мире. Я бы согласилась даже стать навсегда героиней компьютерной игрушки.

– Любишь играть?

– А чем нам ещё заниматься? Из домика нас не выпускают, интернетом пользоваться не дают, сотовым телефоном тоже. К клиентам отправляют редко. Друг дружке мы уже опротивели. Нет никакого желания общаться! Спортзал, телевизор, книжки и игрушки – вот и все наши развлечения. Иногда игра так затягивает, что обо всём забываешь! Воображаешь себя её героиней. Я была бы рада, если б меня оцифровали.

– Но ведь это будешь уже не ты. Даже если мы и научимся копировать сознание, всё равно не сможем воспроизвести человека полностью.

– Ну и что? Пусть это будет хотя бы частичка меня... Так что там, в Массачусетсе, научились делать?

– Пока ничего. Ищут способ, как зафиксировать все связи между нейронами. Для этого нужно особым образом подготовить мозг.

– Неужели в Америке проводят опыты над людьми и пишут об этом?

– Что ты, окстись! – вскрикнул Кожемякин. – Даже если и проводят, то никогда об этом не расскажут и уж тем более не напишут. Это же уголовное преступление! Я даже о добровольцах ничего не слышал. Работают пока только со свиньями, кроликами и мартышками.

– И скоро они научатся оцифровывать... эти связи?

– Знаешь, сколько нейронов в нервной системе человека?

Триллионы! Нет пока такой аппаратуры, которая смогла бы вычислить все связи между ними. Так что подождать придётся лет тридцать, а может, и все триста.

– Если тридцать, то, может, и доживу. Кто знает...

– Скорее триста, девочка, чем тридцать. Может, и все три тысячи...

– Всё равно интересно! Рассказывайте дальше.

– В следующий раз приеду – поговорим. Попрошу Ирину Геннадьевну тебя ко мне прислать.

– Скоро приедете?

– Думаю, через полгода.

– Пётр Савельевич, а в России такие исследования ведутся?

– Пока нет, – смущённо ответил Пётр Савельевич. – Вот если бы Сергей Петрович не погиб, то, может, их и профинансировал бы.

## 30. Устрашающие маникюрные щипчики

Ирина Геннадьевна проснулась, когда уже стемнело. Наученная горьким опытом Ксения не отлучалась из своей комнаты и, как только прозвучал сигнал хозяйки, мухой понеслась в её спальню. Дремлюгина так сильно волновалась, что даже не потребовала ужин, лишь тихо попросила: «Пригласи сюда Олега и Татьяну».

Начальник охраны привёл девушку, в глазах которой читался безотчётный страх и надежда на то, что добытые ей сведения окажутся полезными, и она не разделит судьбу Леси. Дремлюгина нетерпеливо спросила её:

– Ну, что?

– Ирина Геннадьевна! Я кое-что узнала, – ответила Таня.

Хозяйка махнула рукой домоправительнице и начальнику охраны, мол, оставьте нас с девушкой наедине.

Когда те покинули спальню, она задала Татьяне короткий вопрос:

– Что именно?

– Сергей Петрович скрывал от вас неизлечимую болезнь.

– Заразную? – испугалась Ирина Геннадьевна.

– Нет. У меня на бумажке записано.

Таня вынула из кармана крохотный листочек и прочитала по слогам, боясь ошибиться:

– Гли-о-блас-то-ма.

– Подозревала, что Сергей от меня что-то утаивал. Знает, глиобластома. Что это?

– Опухоль мозга.

– Умничка! – похвалила её Ирина Геннадьевна. – Но как же так? У Серёжи был рак мозга, а в теле не нашли метастазы?

– Я спрашивала у Петра Савельевича. Эта опухоль не даёт метастазы вне мозга. Поэтому тело Сергея Петровича и казалось здоровым.

– Это всё? – продолжила допытываться Дремлюгина. – Ещё что-нибудь узнала?

Таня испугалась и не смогла сразу ответить.

– Не бойся, девочка, – улыбнулась ей Ирина Геннадьевна. – Говори же.

– Вот что этот Кожемякин сказал. Сергей Петрович хотел вложиться в исследования.

– Что за исследования?

– Американцы учатся копировать сознание. Хотят достичь цифрового бессмертия. Делают опыты над свиньями и обезьянками.

– Бедные мартышки! – вздохнула Дремлюгина. – И когда же американцы научатся делать эти копии?

– Пётр Савельевич говорит, что лет через триста.

– Через триста лет? Нет, это неинтересно. Я столько не проживу.

– Но ведь замороженный мозг может храниться очень долго... – возразила Таня.

– Если его не выбросят на помойку! – рассмеялась Ирина Геннадьевна. – Думаешь, после смерти мы будем кому-нибудь нужны? Что ты, что я. Деньги здесь не имеют значения. А Серёжу, значит, эта идея увлекла? Впрочем, куда ему было деваться? Слушай, а вдруг он уже вложил в эти исследования деньги. Те, что он выручил от продажи акций?

– Откуда ж мне знать? – пожалала плечами девушка.

– Понятно. Кстати, ты не поинтересовалась, зачем преступникам потребовалась дезинфекция? Ведь целое ведро этого альдегида вылили. Как будто у Серёжи была чума!

– Я даже не знала про альдегид. Простите! – вновь забеспокоилась Таня.

Дремлюгина ласково посмотрела на неё.

– Не дрожи, я тебя не виню! Жаль, конечно, что ты об этом старика не спросила. Вдруг эта опухоль всё-таки передаётся от человека к человеку? Я ведь с Сергеем Петровичем каждый вечер лежала в одной постели! Плохо, что ты не догадалась побольше узнать об этой глиобластоме!

Татьяна мелко затряслась, вспомнив судьбу Леси.

– Н-не наказывайте меня, Ирина Г-геннадьевна! – взмолилась она.

– За что, девочка? – удивилась её хозяйка. – Ты и так очень много разузнала, а про глиобластому я и в инете прочитаю. Спасибо тебе! Видишь на столе паспорт? Бери, и мо-



жешь ехать домой. Пообнимаешься с папой и мамой. Дам и бабосиков. Не только на дорогу, но ещё и на жизнь останется. На год, а то и на два... если не будешь шиковать. В общем, поезжай к своим родным.

Таня вновь затряслась – на этот раз то уже ли от счастья, то ли от неожиданности.

– Брось дрожать! – улыбнулась её Ирина Геннадьевна. – Не хочется отпускать такую ценную девочку, но раз уж решила... Готовься к встрече с родными! Только учти: если дома или в дороге хоть кому-нибудь проболтаешься, где ты пропадала эти годы... Если скажешь, откуда у тебя бабосы – из-под земли тебя достану и... вот!

Ирина Геннадьевна взяла с журнального столика маленькие блестящие кусачки и повертела их перед носом девушки.

– Знаешь, что это такое, Таня?

– Маникюрные щипчики? – неуверенно произнесла девушка.

– Милая, это ещё и орудие пытки! – снисходительно ответила ей хозяйка. – Скажу охранникам, чтоб привязали тебя к стулу в потайном кабинете – и буду отгрызать от тебя по кусочку. Сама! Этими щипусиками! В общем, молчи в тряпочку, это в твоих интересах. Говори всем, что денежки заработала в модельном агентстве. Если будут просить адресок, скажи: его уже нет. Его ведь и вправду нет, однодневка это была. Поняла?

– Конечно, Ирина Геннадьевна! – залепетала Таня.

– Бери паспорт, бери бабосики – и беги к машине! Саша тебя отвезёт к вокзалу, а я пока закажу билеты. СВ на тебя одну. На ближайший поезд до Брянска. Оттуда сама доберёшься в свою деревню. Быстрее беги, а то вдруг передумаю!

Ирина Геннадьевна улыбнулась вслед спешно уходящей девушке: она была искренне благодарна Тане и не жалела о том, что отпустила её домой. Конечно, девчонка могла кому-нибудь проболтаться о лесном домике и тайном борделе в нём. Однако Дремлюгина не сомневалась, что сумеет выкрутиться, ведь верхушка правоохранительных органов Ямова и так всё знала.

### *На следующее утро \**

Ирина Геннадьевна опять поднялась ни свет, ни заря. Она ещё раз обдумала свой разговор с Татьяной и вызвала домоправительницу:

– Ксюшенька, что у нас на завтрак? Повар уже всё приготовил?

– Обижаете, Ирина Геннадьевна! Всю ночь не смыкала глаз. Обо всём позаботилась. Слоёный торт из блинов с мясом раков, икрой и белыми грибами.

– С чего это? – удивилась Дремлюгина. – Сегодня вроде не Масленица.

– Масленица, не Масленица... У вас праздник покруче, Ирина Геннадьевна! Я правильно догадалась? Надо бы отметить.

– Ладно, шельма! Неси блины, вино и садись рядом. Вместе поедем.

После завтрака Дремлюгина пересела в кресло и подождала, пока стрелки старинных настенных часов покажут половину девятого. Тогда она схватила смартфон и набрала номер:

– Пал Валентиныч! Знаю, что вы сейчас в дороге на работу, но очень вас прошу сменить маршрут. Приезжайте немедленно! Придумайте, как отпроситься в редакции. Нужно срочно обсудить предстоящий ваш разговор с ректором ЯГУ.

Вирятин позвонил на работу и отпросился, сославшись на понос. В лесном особняке его встретила Ксения и проводила в гостиную, где его ждала Ирина Геннадьевна.

– Пал Валентиныч, я уже поела, но персонально для вас распорядилась ещё раз приготовить завтрак, – сказала она.

– Спасибо, не голоден, – ответил Вирятин. – Перед работой я теперь всегда вкусно завтракаю. Марина отлично готовит.

– Нет, всё же сядьте к столу. Едва ли вы ели что-нибудь подобное. Даже я, наверное, не удержусь и скушаю ещё порцию. Садитесь-садитесь, а то обижусь!

Вирятин и Ирина Геннадьевна расположились за столом друг напротив друга. Вскоре Ксения принесла им завтрак.

– Пал Валентиныч! С ректором ЯГУ вам придётся встретиться уже сегодня, – сказала Дремлюгина, отрезая кусочек

блинного торта.

– Я с ним ещё не успел договориться. Если даже форсировать события, Юрий Викторович едва ли меня сегодня примет. Он же только что проводил московских гостей и сейчас наверняка отдыхает.

– Встретиться нужно как можно скорее, – чеканно повторила хозяйка дома.

– К чему такая спешка?

– Как вам сказать... – замялась Ирина Геннадьевна. – Вы тортик-то кушайте, вкусная же вещь: раки, севрюжья икра, белые грибы...

– Ирина, раз уж произнесли «А», то давайте и «Б».

– Сейчас... сейчас... – попыталась собраться Дремлюгина

– Что-то очень интимное? – осторожно поинтересовался

Вирятин.

– Да. Я узнала много нового о Серёже. Эти сведения мне неприятны, но всё равно придётся ими с вами поделиться. Иначе как вы будете говорить с ректором? Так вот, я узнала, почему Серёжа скрывал от меня неизлечимую болезнь, очень страшную.

– От жены? Как он смог?

– Больше двух лет скрывал. От всех, не только от меня. Из-за неё он и стал безразличным к бизнесу: деньги в могилу не унесёшь.

– Спасибо за откровенность, Ирина! – предположил Вирятин. – Не ожидал, что вы такое мне расскажете. Значит,

Сергей Петрович был болен. Теперь понятно, зачем проводилась дезинфекция.

– Нет-нет, – покачала головой Ирина Геннадьевна. – Это по-прежнему неясно, Пал Валентиныч! Глиобластома не заразна, я об этом уже прочитала. Кабинет обрабатывали по какой-то другой причине.

– Получается, вашего мужа не убили?

– Скорее всего, это была эвтаназия, – согласилась Дремлюгина. – Серёжа ведь знал, что ему предстоит умереть в муках, вот и решился. Он ещё хотел вложить деньги в кое-какие научные исследования. Кожемякин так сказал.

– Чем бы они ему помогли? – пожал плечами Вирятин. – Жить Сергею Петровичу оставалось совсем немного, его болезнь ведь сегодня не лечится. Неужели он надеялся, что учёные быстро найдут средство от неё, и его спасут?

– У него была другая идея. Американские учёные сейчас работают над технологией копирования сознания. Он хотел вложиться в аналогичные исследования, но только российские.

– Ирина, не для того ли он продал большой пакет акций? Вы думали, что Сергей Петрович хотел откупиться от федеральных силовиков, а на самом деле он решил вложить деньги в науку. Могло такое быть?

– Я тоже об этом подумала, – кивнула Дремлюгина. – Но где они ведутся, эти исследования? В Москве? Наверное. Больше вроде нигде. Кожемякин не может об этом не знать.

Эх, задержать бы его ещё на денёк!

– Вы наверняка обменялись с ними номерами. Можете позвонить ему? – осторожно спросил Вирятин.

– Уже пробовала! – хмыкнула Ирина Геннадьевна. – Не отвечает. Поэтому связываться будем не с ним. Позвоните ректору ЯГУ. Сейчас же.

– У меня нет его телефона, а через пресс-секретаря быстро не договоришься.

– Я порылась в Серёжиных контактах и нашла сотовый Юрия Викторовича. Вот он. Звоните. Вы же его старый знакомый.

Павел Валентинович набрал номер, который дала ему Дремлюгина.

– Здравствуйте, Юрий Викторович! Вирятин беспокоит. Помните такого?

– Паша! – послышалось в ответ. – Как же я могу тебя не помнить? Ты ведь мне в девяносто четвёртом так помог. Добро не забывается. Время от времени вспоминаю о тебе. Думаю, почему не заглядываешь.

– Вот и хочю заглянуть. Может быть, даже сегодня.

– Паша, пойми правильно! У меня гудит голова после конференции. Давай встретимся завтра вечером. У меня на работе. Посидим, выпьем, вспомним прошлое...

Разговор закончился, и Вирятин посмотрел извиняющимися глазами на Дремлюгину.

– Ирина, вы сами всё слышали. Сегодня не получится.

– Ну, и ладно! – рассмеялась Ирина Геннадьевна. – Всё вышло даже лучше, чем я предполагала. По его тону поняла, что он действительно рад вашему звонку. Ну, подожду чуток...

## 31. Встреча с ректором

Кабинет Юрия Викторовича производил странное впечатление – по крайней мере, на тех, кто знал о давних связях этого человека, который умудрялся одновременно быть учёным среди учёных, депутатом среди депутатов, бандитом среди бандитов и при этом своим в правоохранительных структурах.

На первый взгляд здесь всё было как положено: деревянный стол производства Francesco Molon, шкаф комод и кресла того же бренда, антикварный чернильный прибор рядом с компьютером, портреты президента и премьера...

И всё же этот кабинет отличался от сотен ему подобных. На обтянутых шёлковыми обоями стенах громоздились кустарные деревянные полочки, заставленные сотнями крохотных гномиков – металлических, каменных, глиняных... Детское увлечение Юрия Викторовича, переросшее в страсть всей жизни.

Михальский ждал гостя не за столом, а чуть поодаль, на обитом коричневой кожей диване. Он тяжело поднялся навстречу Вирятину и обнял его.

– Давненько мы с тобой не виделись, дружище! Паша, «Мартель» будешь, VSOP? Не Бог вещь какая выдержка, конечно, но он всё равно очень-очень вкусненький.

Вирятин кивнул и присмотрелся к знакомому, которого



давно не видел. Время его сильно потрепало. Его большие бледно-голубые глаза были потухшими, а кожа лица стала тонкой, сухой и тусклой, как скомканная газетная бумага.

Юрий Викторович прохромал к столу, плюхнулся в кресло и отдышался. Затем поднял трубку и вызвал секретаршу.

– Оля, неси нам какие-нибудь фрукты на закуску. Яблочки хотя бы. Только не сладкие, сама знаешь.

«У него остеоартроз и диабет», – понял Вирятин.

– Паша, выпьем за наше старое знакомство! – улыбнулся гостю Михальский.

Павлу Валентиновичу стало мутно на душе. Ему совсем не хотелось вспоминать время, когда он в угоду нынешнему ректору оболгал прежнего – первого любовника Ирины Геннадьевны, как теперь выяснилось. Этого человека с позором выгнали с работы, обвинив во взяточничестве. Теперь в университете считалось неприличным произносить его имя.

Вирятин принялся оправдывать себя: «Ирину тот ректор быстро бросил, увлёкся другой, да ещё обвинил в алчности и холодности. Охоч он был до студенток. Святым его точно не назовёшь. Может быть, не такую уж и большую подлость я тогда совершил?»

Он поднял бокал и с запинкой произнёс:

– За наше старое знакомство... Юра!

Ректор ЯГУ в ответ победоносно (или, может быть, Павлу Валентиновичу так показалось) улыбнулся и отпил немного коньяка.

– Всё правильно, – сказал он. – Давай говорить, как раньше, на «ты»... хотя понимаю твою неуверенность. Дело ведь не только в общественном положении, правильно? Ты на вид ещё огурец, а я... Никто не верит, что мне всего пятьдесят пять. Мы ведь с тобой в одном универе учились. В Москве. Я на экономфаке, а ты на журфаке. Могли даже встретиться: когда тебя зачислили, я был на пятом курсе.

– Ну да, я поступил не сразу после школы. Для журфака нужны были публикации, – кивнул Вирятин.

– И потом мы как-то не сразу сошлись. Нас ведь «Фортуна» свела. Помнишь её?

– Она уже была на излёте, когда мы познакомились. Не было там уже ни Резника, ни Комарова, ни Дремлюгина... – закинул удочку Павел Валентинович.

– Да, жалко Серёжу! – вздохнул Михальский, услышав фамилию «Дремлюгин». – Такая нелепая смерть! Слышал, наверное?

– Весь город знает, – кивнул Вирятин. – Непонятно, кто мог такое совершить.

– И самое главное, зачем, – покачал головой Михальский. – Многие считают, что его заказала Ириша... но неужели она не знала, что ему недолго оставалось жить? Так глупо с её стороны! Зачем убивать, если достаточно было чуть подождать.

– Сергей Петрович чем-то болел? – сделал удивлённое лицо Павел Валентинович.

– Ах да, откуда тебе знать! Опухоль мозга. Её ещё в восьмом году у него нашли. Он, кстати, на нашем томографе обследовался. В медицинском центре моего универа. У нас ведь качественная аппаратура, на уровне хороших московских клиник. Всё благодаря мне! – несколько заносчиво произнёс Михальский.

Вирятин молча кивнул.

– Знаю, что обо мне за глаза говорят, – продолжил Юрий Викторович. – Мол, коррупционер я и вообще свой человек в криминальном мире. Но ведь никто из этих критиканов не подумал, что не было бы в Ямове этого медицинского центра, если бы не я. И универ бы сейчас прозябал без моих связей. Кстати, Дремлюгин мне помогал его поднимать. Денег не жалел. Ты, конечно, не знал Серёжу, но давай всё равно его помянем. Сорок дней ведь было совсем недавно.

– Да-да, конечно! – поднял бокал Вирятин. – Я много слышал о Сергее Петровиче, хоть и не знал его. Достойный был человек.

– Жена только ему плохая досталась. У неё, конечно, много достоинств, – Михальский руками изобразил пышный женский бюст. – Но баба она озлобленная. Сократила жизнь Серёже. Он перед ней на цыпочках плясал, а она его ела с говном. Закатывала скандал за скандалом. Как думаешь, почему он её отпускал одну на курорты?

Вирятин подал плечами и неуверенно сказал:

– Доверял, наверное...

– А я думаю, он просто отдохнуть от Ириши хотел. С ней ведь вся жизнь у него стала сплошным стрессом. Не будь её, может, и опухоли бы никакой не возникло, и не умер бы он. Она же только этого и хотела. Была шлюхой, а стала королевой.

– Вижу, не любишь ты её!

– Её никто не любит... хотя многие вождедеют, – усмехнулся Юрий Викторович. – Бессердечная, холодная красавица. На днях она зачем-то пригласила к себе московского специалиста, который консультировал Серёжу. Не знаю, что Ириша с ним вытворяла, но только у него вчера утром случился сердечный приступ. Я заглянул к нему в номер, чтобы попрощаться перед дорогой – а он еле живой. Спрашиваю: может, билеты сдать и в больницу тебя положить. Он отказался, поехал в столицу. Сегодня звоню ему – не отвечает. Не знаю даже, умер он или попал в реанимацию.

– Может, не Ирина Геннадьевна в этом виновата? Просто совпало?

– Может, и так... но ведь зачем-то она его приглашала. Вдруг у него имеются какие-то улики против неё? Вот Ириша и побеспокоилась, довела старика до инфаркта.

– Вдруг ей самой потребовалась помощь?

– Всё может быть. Только вот зачем ей понадобился нейрофизиолог?

– Он нейрофизиолог? – удивился Вирятин. – А Сергею Петровичу в таком случае зачем его помощь потребовалась?

Ты же сам сказал, что у него была онкология. Разве нет?

– Конечно. Но только Кожемякин – это опытный специалист. Он за свою долгую карьеру поработал в разных сферах, связанных с работой мозга. Так что его консультации никому не будут лишние. Серёжа, кстати, был ему очень благодарен. Обхаживал всячески, приглашал на охоту... а мне потом целый десяток редких статуэток подарил. За то, что я свёл его с этим нейрофизиологом.

– Значит, это ты их познакомил?

– А кто же ещё?! Я три конференции здесь организовал и на каждую заманивал Кожемякина. Созывал нейрофизиологов со всей России. Всё ради Серёжи. Они, конечно, нос воротили: не котируется в их среде наш универ. Я уламывал их, как мог. Трудно было: я же экономист, на одном языке с ними говорить не могу. Пришлось опуститься до банальных аргументов: отдых на природе, богатый банкет, красивые студентки...

– Такие у нас учёные! – скривил лицо Вирятин.

– Смотри кто. Петр Савельевич действительно профи, он сейчас осваивает новое направление. Очень перспективное.

– В котором никто не может ничего понять? – усмехнулся Вирятин.

– Паша, я экономист, а не нейрофизиолог.

– Неужели тебе не было интересно, над чем он работает?

– Я человек любопытный. Однажды попросил его доходчиво рассказать об этих исследованиях. Он ответил, что ему

легче написать. И правда, прислал мне файл.

– Неужели внятно изложил?

– Не знаю. Я этот файл распечатал на бумаге: мне с листа читать привычнее... но всё равно так и не прочёл. Недосуг было.

– Хотя сам же просил, – удивился Вирятин. –

– Бывает и так.

Михальский вздохнул и машинально покосился на левый ящик стола.

– Можно посмотреть распечатку? – попросил Вирятин.

– Зачем она тебе?

– Я всё-таки журналист. Должен быть нахватаанным, пусть и по верхам... а тут новое направление в науке.

– Именно поэтому не могу тебе её дать. Кожемякин просил никому эту распечатку не показывать.

Вирятин решил не напирать, чтобы не возбудить у Михальского подозрения.

### *Через час \**

Марина Вячеславовна недовольно фыркнула, увидев на пороге подвыпившего Вирятина.

– Где ты был? Сейчас уже девять вечера. По бабам шлялся?

– Марина, зачем так грубо? – промычал Павел Валентинович.

– Ладно, я пошутила. Но всё-таки вопрос не снимается.

Где ты был и с кем пил?

– Не поверишь. С Михальским!

– С чего это? С какого бодуна тебя занесло в ЯГУ? О чём ты говорил с этим мафиозо?

– Ты же знаешь, мы когда-то были знакомы...

– И он до сих пор тебя помнит? – изумилась Марина Вячеславовна.

– Представь себе, да. Обрадовался даже. Я б его, кстати, на улице не узнал. Лицо бледное, глаза выцветшие, кожа как бумага. Страшно смотреть!

– Бог шельму метит! – засмеялась Марина Вячеславовна. – Он тебя хоть покормил?

– Яблоками. Мы ими французский коньяк закусывали.

– Тогда мой руки и иди к столу, – с облегчением сказала помощница прокурора. – Михальский – это не страшно. Я боялась, не взяла ли тебя в оборот Ириша. Предупреждала её, чтоб она тебя не использовала в своих делишках. Она пообещала, но верить ей... сам знаешь.

В ванной комнате Вирятин посмотрел на отражение своего лица, невольно сравнивая себя с Михальским: «Тоже не красавец! Морда помятая, волосы редеют... но, слава Богу, пока не как Юрий Викторович. А ведь пятнадцать лет назад он был очень симпатичным мужиком!»

– Кстати, Михальский Ирину люто ненавидит, – сказал он, садясь за стол. – Считает, что это она Сергея Петровича со свету сжила. Может быть, даже и заказала.

– Это у него личное, – отмахнулась Багримова. – Может, он Иришу домогался, а она ему не дала? Я, кстати, тоже её недолюбливаю, но подозревать в убийстве мужа... И вовсе не сживала она его со свету. Он в ней души не чаял. Она его радовала, как могла. Стало быть, продлевала жизнь, а не сокращала.

– Ты прямо сама объективность. Недолюбливаешь, но защищаешь, – усмехнулся Вирятин.

– Никогда не была поклонницей обвинительного уклона, – отшутилась Марина Вячеславовна.

– С Михальским ты точно не сойдёшься. Он аж вскипает, когда слышит имя Ирины.

– Он лучше бы вскипал, услышав своё имя! – процедила Багримова. – Знаешь, как мы его недавно отмазывали? Он уже и совесть, и осторожность потерял.

– Ты о чём? – встрепенулся Вирятин.

– Неужели не слышал? Даже губернатор по своим каналам хлопотал, чтобы московские следователи сюда не приехали. Иначе бы замять дело не получилось.

– Не знал... Расскажи!

– Может, хватит об Ирише и о Михальском? – скривила губы Марина Вячеславовна. – Неужели нам больше не о чем поговорить?



## 32. Шантаж? Хакерство? Воровство?

С Дремлюгиной Павел Валентинович встретился только во второй половине следующего дня. Отпросился пораньше с работы и позвонил Ирине Геннадьевне, чтобы та прислала за ним Сашу.

Хозяйка загородного особняка сама открыла калитку и с порога набросилась на Вирятина:

– Как не стыдно, Пал Валентиныч! Вас молодая женщина целые сутки ждёт, вся извелась, а вы где-то пропадаете.

– Так мы с Михальским до позднего вечера квасили, – начал оправдываться журналист. – Вчера от Марины нагоняй получил, а сегодня вот от вас.

– Квасили – это хорошо! – расплылась в улыбке Ирина Геннадьевна. – Значит, он много интересного вам сообщил. Вся в нетерпении. Рассказывайте!

– Ирина, он считает вас убийцей. Говорит, что это вы заказали Сергея Петровича.

– Для меня это не новость. Неровно он ко мне дышит. Ну, и что? Я в постель к этой развалине не полезу под страхом расстрела! Ещё что узнали?

– Диагноз Сергею Петровичу ставили в клинике ЯГУ. Михальский знал, что у него была глиобластома, и приглашал разных специалистов. Онкологов в первую очередь.

– Однако ни один онколог не удостоился чести быть при-

глашённым сюда, в этот особняк! – заметила Ирина Геннадьевна. – И ни одного специалиста мой муж не позвал на охоту. Никого, кроме Кожемякина! Значит, в изысканиях этого старика было что-то особенно ценное для Серёжи. Когда Пётр Савельевич ещё раз приедет в Ямов? Михальский об этом что-нибудь говорил?

– Пётр Савельевич теперь едва ли сюда приедет. У него в дороге случился обширный инфаркт. Михальский даже сомневается, жив ли он.

– Это Танюшка постаралась! – приснула Дремлюгина. – Укатала старика. Молодец, девчонка! Жаль, не до конца его расколола. Мы ведь даже не знаем, над чем этот Кожемякин работал. Что такое эта витрификация? Вы спросили об этом у Михальского?

– Да, но он отказался ответить.

– Почему? Это какая-то секретная технология?

– Да нет, – ответил Вирятин. – Михальский спрашивал Кожемякина о ней. Пётр Савельевич прислал ему файл с популярным описанием. Тот его распечатал и положил бумаги в ящик стола... скорее всего...

– Почему же он не показал эти бумажки вам?

– Не знаю.

– Интересно, как достать этот файл или эту распечатку? – задумалась Ирина Геннадьевна.

– Марина вчера сказала, что на Михальского завели уголовное дело. Москва хотела прислать следователей...

– Хотите шантажировать ректора ЯГУ, чтобы получить какую-то бумажку? – подняла брови Ирина Геннадьевна.

– Ну, да...

– Как вы себе это представляете? Я звоню Юрию Викторовичу и говорю: отдайте распечатку, иначе я задействую свои деньги и связи против вас?

– Нууу... – замялся Павел Валентинович.

– Деньги в нашем мире решают далеко не всё. У меня их больше, чем у Михальского, но я перед ним как мышонок передо львом. У меня нет и десятой доли его связей в чиновничьем, полицейском, криминальном и научном мире. Так что шантажировать его – это глупая идея. К тому же, я не хочу подставлять вас. Ректор ЯГУ меня ненавидит, называет убийцей своего друга. Теперь подумайте, как он станет относиться к вам, если поймёт, что вы приходили к нему по моему заданию. А ведь он обязательно это поймёт, когда я у него начну требовать файл или бумажки. Не хочу, чтобы вы нажили такого врага, как Юрий Викторович: он может сильно навредить даже мне, а вас просто раздавит.

– Хотите к нему подольститься? У него в кабинете туча гномиков. Видимо, он их коллекционирует. Может, подарить ему какие-нибудь редкие и дорогие фигурки?

– Кто дарить будет? – захохотала Дремлюгина. – Если я, то он поймёт, что мы действуем заодно. Если же подарите вы, то у него возникнет вопрос, откуда у вас такие раритеты. И он опять обо всём догадается.

– Можно подластиться как-то ещё. Почитать его блог, найти его слабости. Вот, кстати... Вы же предлагали мне девочку.

– Не клонет, – ухмыльнулась Ирина Геннадьевна. – У него студенток чёртова туча.

– Что ж тогда станем делать? Будем искать человека, который взламывает сеть ЯГУ?

– Пал Валентиныч, в универе очень хороший системный администратор. Есть ли у вас на примете хакер такого уровня, чтобы залезть в комп Михальского?

– У меня нет, но вам, Ирина, несложно будет его найти. С вашими-то деньгами!

– Забудьте сказки о гениальных хакерах! – отрезала Дремлюгина. – Мы сейчас находимся в реальной жизни, а не в дешёвом телесериале.

– Разве нельзя подкупить системного администратора?

– Можно-то можно... но если ему просто взять да предложить деньги, он испугается. Подумает, что это подстава. Придётся искать его знакомых, втираться к ним в доверие... Это займёт много времени, а ведь я далека от айтишной сферы, у меня там приятелей нет. Эх, Пал Валентиныч! Столько вариантов вы придумали, и все нерабочие! Говорите, Михальский хранит эти бумажки в кабинете, в рабочем столе? Как об этом догадались?

– Когда Юрий Викторович сказал мне о распечатке, он неосознанно покосился на левый ящик стола.

– Так себе зацепка! – покачала головой Ирина Геннадьевна. – Правда, лучшей у нас всё равно пока нет.

– Ирина, хотите своровать бумаги? Не меня ли думаете послать?

– Какой из вас домушник, Пал Валентиныч! – рассмеялась Ирина Геннадьевна. – Не смешите мои тапочки! Да и зачем воровать распечатку? Достаточно просто её сфоткать, тихо и незаметно. Затем вернуть на место. Если это сделать ночью, Михальский ничего не узнает.

– Пробраться ночью в кабинет ректора ЯГУ? – поразился Вирятин. – Не представляю даже, как это можно сделать.

– Не ломайте себе голову, – снисходительно сказала Дремлюгина. – Я всё возьму на себя.

Она нажала на кнопку вызова, и через минуту перед ней вытянулся начальник охраны.

– Олег, кто-нибудь из твоих коллег работает в ЯГУ?

– Да. Там бывший гэбист возглавляет охрану. Уволен из КГБ ещё в девяносто первом, во время реорганизации... как и я.

– Ты его лично знаешь?

Олег в ответ молча затряс головой.

– Корпоративной солидарности у вас уже нет, что ли? – язвительно спросила Ирина Геннадьевна. – Напрягись и найди общих знакомых, затем выйди на него. Мне ли тебя учить? Я ему хорошо заплачу. И ему, и исполнителю – его подчинённому, дежурному охраннику. И пусть не волнуются. Ес-

ли что случится, не кину ни того, ни другого. Пристрою куда-нибудь.

– Трудно будет осуществить этот план... – покачал головой Олег.

– Цену себе набиваешь? – злобно посмотрела на него Дремлюгина. – Ну, хорошо. Через два дня фотки этих бумажек должны быть у меня. Добудешь – верну тебе прежнюю зарплату. Все сто тысяч в конвертике. Даже ещё накину, если документы у меня будут раньше...

### 33. Письмо нейрофизиолога

К концу следующего дня Олег зашёл в кабинет хозяйки, держа двумя пальцами флешку-«свистульку». Произнёс он всего два слова:

– Задание выполнено!

– Ты полностью реабилитировался в моих глазах, – похвалила его Ирина Геннадьевна. – Не стану спрашивать, как ты это сделал. Мне это неинтересно. Главное – результат, и он меня впечатлил. Спасибо! Теперь не только верну тебе старую зарплату, но и возмещу те штрафы, которые накладывала на тебя. Можешь остаться здесь. Посмотрим письмо вместе. Две головы лучше, чем одна.

Дремлюгина вставила флешку в системный блок и начала жадно читать:

«Юра! Раз уж обещал, напишу об этих исследованиях. Не пойму только, почему это тебе интересно. Захотел вечной жизни? Но ведь цифровые копии сознания никто ещё не научился снимать и обозримом будущем не научится, да и не могут они обеспечить настоящее бессмертие. Это как квадратура круга – приближение к оригиналу, но не полное соответствие ему.

Технологию разрабатывают в Массачусетсе и Миннесоте. Исследования проводятся на животных. Они не засекречены, но публикации о них выходят редко. Я хорошо знаком

с этими опытами, потому что бываю в обоих университетах по долгу службы.

Американцы поняли печальную истину: человек обязательно должен умереть, чтобы можно было снять копию его сознания. Вот в Массачусетском технологическом институте и придумали такую технологию. Они хотят зафиксировать связи между нейронами при помощи заморозки мозга – криоконсервации особого рода. Голову отчленяют, из неё мгновенно откачивают кровь и заменяют стабилизирующим раствором на основе глутарового альдегида и этиленгликоля. Затем её немедленно погружают в жидкий азот. Мозг превращается в подобие стекла. Они назвали это витрификацией.

Самое главное здесь – темп. Заморозка должна произойти почти мгновенно.

Уже проведены несколько успешных экспериментов: удалось витрифицировать мозги кроликов, свиней и обезьянок. К сожалению, ребята пока не нашли способ снять информацию о связях нейронов с этого остекленевшего мозга и, думаю, нескоро найдут.

Финансируют исследования богатые люди, которым осталось жить очень мало. Они надеются сохранить своё «я» хотя бы в цифре и соглашаются на эвтаназию. Она будет проводиться в тех странах Европы, где разрешена... но повторю: это пустые надежды.

Парни из университета Миннесоты пошли дальше. Они



нашли способ разморозить мозг после витрификации, оживить его. В смесь глутарового альдегида, этиленгликоля и некоторых других веществ они добавляют наночастицы железа, покрытые тонким слоем кремния и намагниченные. Они нужны уже для разморозки мозга без повреждения связей между нейронами. Если ты помнишь «Голову профессора Дуоэля», то вот он, путь к воплощению этой книги.

Наночастицы в криопротекторе позволяют быстро и равномерно прогревать мозг при помощи электромагнитного излучения с частотой от ста до четырёхсот килогерц. Это называется индукционной разморозкой. Нужно строго выдерживать её скорость: она должна составлять сто градусов Цельсия в минуту. После этой процедуры теоретически должны сохраниться и сознание, и память... разумеется, если бы голова осталась жизнеспособной. Во всяком случае, ребята уже сумели разморозить мозг кролика и свиньи, сохранив при этом нейронные связи.

Конечно же, ни о каком рецепте бессмертия речь пока не идёт. Американцы находятся в самом начале пути, а мы на него даже не вступили. Только готовимся.

Пока нет таких компьютеров, которые смогли бы воспроизвести триллионы нейронных связей. Нынешний порог – миллиарда полтора. Пройдут десятилетия или даже столетия, прежде чем мы научимся снимать копии памяти и сознания.

Однако есть люди, которые верят, что это можно будет

делать в ближайшем будущем. Ваш старый друг, например. Я имею в виду Сергея Петровича. Для него это последняя надежда. Помню слёзы его домработницы Ксении Владимировны: они вместе уговаривали меня провести эвтаназию. Наверное, он посчитал, что вдвоём с красивой девицей скорее убедит меня нарушить закон.

Я пока не согласился... но подмывает. Это ведь будет бесценный эксперимент – не над мартышками и кроликами, а над человеком. С полного его согласия и даже по его просьбе.

Надеюсь, моё письмо будет тебе полезным.

Твой Пётр».

Дремлюгина хмыкнула и вопросительно посмотрела на начальника охраны.

– Ну, и какое у тебя мнение, Олег?

– Сергея Петровича никто не убивал, и Ксения об этом знала.

– Да, – согласилась Дремлюгина. – Значит, тело Серёжи обработали вовсе не дезинфицирующим раствором. Вещество было нужно, чтобы правильным образом заморозить мозг.

– Теперь ясно, зачем хозяин продал пятнадцатипроцентный пакет акций.

– Вот видишь, мы с тобой мыслим одинаково. Можешь идти.

Как только Олег вышел, Дремлюгина нажала на кнопку

вызова.

– Ну, ты и мразь, Ксюша! – сказала она входящей домоправительнице.

– В чём я провинилась, Ирина Геннадьевна? – испугалась та.

– Будто ничего не понимаешь! Ты же знала, как умер Серёжа.

Ксения решила не отпираться.

– Ирина Геннадьевна, не губите, не выгоняйте, – запричитала она. – Сергей Петрович хотел как лучше. Он вам не говорил о своей болезни, потому что боялся за вас и за ребёнка. Вы ведь были на четвёртом месяце, когда ему делали ту томограмму. Нельзя было вас расстраивать.

– Он меня тогда отпустил на море, и ничего. Не испугался, что перелёт плохо подействует на плод, на течение беременности. А сказать правду о своей болезни, значит, побоялся?

– Да, Ирина Геннадьевна, – скороговоркой затараторила Ксения. – Он потому и уговорил вас лететь на море, чтоб вы ничего не узнали. Сюда приезжали врачи один за одним... и ещё этот нейрофизиолог.

– Ну, хорошо. Враньё из лучших побуждений... но почему ты ничего не рассказала, когда я уже родила?

– Сергей Петрович запрещал говорить... – промямлила та.

– Хорошо, пусть так. Почему ты молчала после того, как он уже умер?

– Я Сергею Петровичу пообещала молчать об эвтаназии. Полгода, а то и год. Он боялся, что у вас случится нервный срыв или того хуже. Он же знал о вашей предрасположенности, о ваших генах.

– Каких ещё генах?

– Ирина Геннадьевна, пожалуйста, не надо об этом... Поймите: я должна была постепенно вас подводить, чтобы не допустить шока. Вы же помните: я вам намекала! Ведь именно я вам об этом Кожемякине рассказала. Попыталась направить ваше расследование.

– Говори, где голова Серёжи! – закричала на неё Ирина Геннадьевна.

– Откуда мне знать? Я ж не видела, как Сергея Петровича оперировали. И как уносили голову тоже... В городе была. Вместе с Сашей.

– А как эти врачи проникли в дом? Почему камеры наблюдения ничего не заметили?

– Не выгоняйте, Ирина Геннадьевна! Я не по злomu умыслу, а по просьбе Сергея Петровича... Не выгоняйте!

– Да успокойся ты, наконец! – цыкнула на неё Дремлюгина. – Отвечай на мой вопрос!

– Он попросил, чтобы я его усыпила перед их приходом. Ему так было спокойнее. Я выполнила его просьбу и открыла потайной путь. Изнутри. Из кабинета в подвале. Дверь открывается паролем.

– Что там, за этой дверью?

– Вход в лифт.

– А куда ведёт лифт? В лабораторию?

– Откуда же мне знать, Ирина Геннадьевна? Я её открыла, впустила людей и сразу же уехала в город.

– Ты всё ещё помнишь этот пароль?

– Конечно, Ирина Геннадьевна! Меня же его заставил выучить Сергей Петрович.

– И ты ему ни разу не сказала, что эвтаназия – это грех?

– Виновата, Ирина Геннадьевна! – опять стала оправдываться Ксения. – Но разве я могла с ним спорить? Он хозяин, председатель совета директоров, а я кто?

– А охранников усыпила тоже ты?

– Сергей Петрович попросил знакомого сутенёра. Я слышала разговор. Тот прислал девочек.

– Это всё, что ты знаешь?

– Да, Ирина Геннадьевна! Проверьте меня ещё раз на детекторах.

– Толку-то от них! – злобно фыркнула Дремлюгина.

– Поверьте мне, Ирина Геннадьевна! Я всё сделала не по злому умыслу. Просто послушалась хозяина. Не гоните!

– Как я тебя прогоню? – махнула рукой хозяйка. – Ты ведь даже о моих генах знаешь. И об угрозе, которая надо мной висит. И о Серёжиной эвтаназии... Не прогоню. Могу только убить.

– Не убивайте, Ирина Геннадьевна!

– Не бойся, я пошутила. На Земле всего два человека меня

любят – ты да Серёжа.

– Но ведь Сергей Петрович... – машинально вырвалось у Ксении.

– Если сохранились нейронные связи, то и любовь тоже, – ответила Ирина Геннадьевна. – Я так это понимаю. Расслабься, но учти: между нами пролегла трещинка. Станешь заглаживать. Обязанности я с тебя не снимаю, но помимо того будешь ещё и мыть полы. Полгода. Каждый день. У всех на виду.

– За что мне такой позор? – запричитала Ксения. – Я и так служу вам не за деньги, а за совесть. Всем пожертвовала, от замужества отказалась, лишь бы быть рядом с вами.

– Станешь служить ещё ревностнее, Ксюша! Успокойся, выпей воды и позови Олега. Затем откроешь проход.

## 34. Простёршееся жерло

Подойдя к двери, Ксения начала декламировать:

*«Так вот она, страна уныний,  
Гиперборейский интернат,  
В котором видел древний Плиний  
Жерло, простёршееся в ад!»*

– Вот как эти подлые римляне смотрели на наших предков! – усмехнулась Дремлюгина.

– Это же стихи, которые читал Кожемякин в лесу! – поразился Олег, но внезапно замолчал, прислушался к окружающим звукам и воскликнул:

– Что это?!

Снизу раздался негромкий рокот мотора, затем гул, лязганье и похрустывание.

– Лифт, – ответила ему Ирина Геннадьевна. – Правильно, Ксения? Он ведёт туда, где хранится голова Серёжи.

Гул усилился и прекратился. Часть дальней пробковой стены отошла в сторону, и в проёме показалась дверь лифта. Послышался шум медленно раздвигающихся створок.

Кабинка лифта оказалась небольшой, человек на пять.

«Значит, ключом были стихи! Забавно», – прошептала самой себе Дремлюгина. Она посмотрела на Олега:

– Зови двух человек. Пусть возьмут фонарики. На всякий случай, – распорядилась она.

Прибежали два охранника. Дремлюгина первой запрыгнула в кабинку:

– За мной, раздолбаи! – крикнула она. – Чего растерялись?

Когда открылась дверь лифта, Ксения решила раньше всех выскочить наружу, чтобы показать хозяйке свою преданность... но Ирина Геннадьевна схватила её за руку.

– Не спеши, Ксюша! Мы ведь не знаем, что там находится. Это моё расследование, а не твоё. Я пойду первой.

Дремлюгина осторожно вышла на небольшую площадку... но не увидела там никакого хранилища. Фонарик осветил узкий и короткий проход к пологой лестнице, которая вела наверх.

Все четверо шли по ней недолго, не больше минуты. Ступеньки упёрлись в люк двухметрового диаметра.

– Ксения, прочти эти строки ещё раз! – приказала Дремлюгина.

В узком проходе гулко зазвучали стихи Заболоцкого... однако дверь лифта не поддавалась.

– Я так и думала. Либо нужен другой пароль, либо здесь есть какой-то рычажок. Готовьтесь! Скоро мы очень многое узнаем и поймём!

Ирина Геннадьевна начала искать кнопку или рычаг, но эти поиски оказались ненужными. Почувствовал тепло че-



ловеческого тела, аппаратура сама сработала. Люк поднялся, просыпав комочки дерновой земли на головы стоящих под ним людей.

– Выходим! – скомандовала Дремлюгина.

Всё четверо поднялись на поверхность и огляделись. Их окружали заросли орешника, за которым высилась стена лесного особняка. Как только они отошли, люк захлопнулся.

– Ирина Геннадьевна, здесь нет ничего, кроме кустарника. Мы знаем это место как свои пять пальцев: постоянно осматриваем местность! – сказал Олег.

– Однако про люк вы не знали, – возразила Дремлюгина.

– Только про него... Точно могу сказать: здесь нет ничего, кроме орешника. Никакого хранилища, никакой лаборатории!

– Ты уверен?

– Да!

– Тогда возвращаемся назад! – распорядилась владелица особняка.

Вскоре все четверо вошли в дом и услышали заботливый возглас новой, недавно нанятой домработницы:

– Ужин готов, Ирина Геннадьевна!

Дремлюгина пригласила Олега и Ксению к столу.

– Увы, никаких ответов мы не получили, – грустно сказала она. – Кроме, разве что, одного. Я теперь увидела ход, по которому убийцы проникли в особняк и покинули его. Кстати, Олег. Как получилось, что ты о нём ничего не знал?

– Сергей Петрович отправил его отдыхать за границу, когда ход строился, – вступилась Ксения за начальника охраны. – На два месяца.

– И охранники ничего тебе не сказали? – продолжила спрашивать Ирина Геннадьевна.

– По телефону никогда бы не сказали, – ответил Олег.

– А потом, когда ты вернулся?

– Вы же сами их прогнали, Ирина Геннадьевна.

– И не придерёшься ведь к тебе, старый гэбист! – прошипела Дремлюгина.

Её собеседники молча кивнули и потом минуты три наблюдали, как играли желваки на тонком лице их хозяйки. Наконец, она упокоилась и сказала примирительным тоном:

– Давайте вместе подумаем, где сейчас голова Серёжи. Его мозг подвергли витрификации, погрузили в жидкий азот и теперь где-то хранят. Где же? Как считаешь, Ксюша?

– Ничего не могу сказать, Ирина Геннадьевна, – ответила та. – Я ведь не читала письмо Петра Савельевича. Знаю только, что Сергей Петрович сильно болел и решил на эвтаназию.

– Видимо, существует полноценная лаборатория, а не просто хранилище замороженной головы, – предположил начальник охраны. – Сергей Петрович ведь продал пятнадцатипроцентный пакет! Это огромные деньги...

– Мне тоже так кажется, – поддержала его Ксения.

– Где эта лаборатория может быть? – строго посмотрела

на них Дремлюгина.

– Скорее всего, в Москве, – предположил Олег. – Для исследований ведь нужны специалисты. Откуда они возьмутся в Ямове? К тому же Кожемякин – москвич. Конечно же, она в столице.

– Вдруг голова всё-таки здесь? – сказала Ирина Геннадьевна. – Как считаешь, Ксюша?

– Откуда же мне знать?

– Ну-ка, прочти ещё раз шифр.

Ксения прочла стихи Заболоцкого.

– Олег, ты сказал, что слышал раньше эти строки? Правильно? – поинтересовалась Ирина Геннадьевна.

– Да, их читал Кожемякин. В лесу. Возле одной поляны.

– Вот-вот! – воскликнула Дремлюгина. – Кажется, я догадалась, где может быть голова Сергея Петровича. Не там ли, где нейрофизиолог заговорил стихами?

– Едва ли, – покачал головой Олег.

– Это же был, как мы теперь знаем, пароль, – возразила Ирина Геннадьевна. – И Кожемякин его почему-то произнёс именно в лесу.

– Это могло быть простым совпадением, – возразил начальник охраны. – Пётр Савельевич просто любит эту поэму.

– Отправляемся на ту поляну! – жёстко сказала Ирина Геннадьевна.

– Хотите захватить лабораторию? – со скрытой ухмылкой спросил начальник охраны.

– А ты как думаешь? Только сделать это надо так, чтобы не пострадал её персонал и, главное, чтобы с контейнером ничего не случилось. Сможем?

– Конечно, – ответил Олег. – Всё это решаемые проблемы... однако есть один момент.

– Какой же?

– Я не вбил точку в память навигатора. Не подумал. Поляну будет трудно найти. Мы таких мест проезжали добрый десяток.

– Егеря поляну тоже не запомнили?

– Ирина Геннадьевна! Ну, попрошу я их: «Найдите место, где нейрофизиолог пробормотал стихи». Как вы думаете, что они мне ответят?

– И как же мы будем её искать, Олег?

– Не знаю.

– А у тебя, Ксюша, есть идея?

– Нет, Ирина Геннадьевна.

– Эх, Ксюшенька, Ксюшенька! Не нарадуюсь на тебя. Красавица, умница... Внешностью если мне и уступаешь, то совсем чуть-чуть. Как думаешь, почему я выбилась в люди, а ты нет?

– Не знаю... – смущённо ответила Ксения.

– А я вот догадываюсь. У меня всегда есть идея. Правильная или нет, неважно. Главное, чтобы она была, – сказала Дремлюгина и повернулась в сторону начальника охраны. – Олег, в нашем лесу много въездов?

– Всего четыре.

– Там везде стоят наши «глазки»?

– Только возле того, где начинается дорога сюда.

Дремлюгина строго посмотрела на Олега:

– Установи камеры возле трёх остальных. Пусть фиксируют все входящие машины. Всё понял?

– Да!

– Тогда вперёд и с песней! – улыбнулась ему Ирина Геннадьевна.

## 35. Шла машина тёмным лесом

*Луна в эту ночь не смогла прийти на смену дневному светилу: на закате небо сплошь затянули низкие облака, и заморосил дождик. И уже нельзя было различить ни колеи на лесной дороге, ни стволы осин по её краям, ни буроватую осеннюю траву...*

*Вдруг где-то вдали, в стороне города забрезжил желтоватый свет. С каждой секундой он становился всё сильнее. На мокрой траве заиграли блики, и вскоре на дороге показалась морда УАЗ-«буханки» с включёнными противотуманными фарами. Когда машина приблизилась к спрятанному в дупле «глазку» видеонаблюдения, стал виден её номер...*

Дремлюгина поставила видеоплеер на паузу и вопросительно взглянула на начальника охраны. Тот догадался, о чём она хотела его спросить.

– Ни у кого из егерей и охотоведов такого номера нет: знаю их все наизусть, – сказал Олег. – Когда я впервые увидел эту «буханку», то решил, что это охотники. Правда, уже тогда немного засомневался. Подумал, с какой стати они едут в лес поздно вечером. Потом через день смотрю: опять пришла та же машина, и вновь в темное время. Тогда и решил проверить, кто там едет. Придумал, как заставить их показаться на глаза. Вот, посмотрите.

Он дал Дремлюгиной другую флешку, и та загрузила в видеоплеер новый файл.

*«Буханка» дошла до поваленного дерева и остановилась. Щёлкнули замки дверей кабины, и из неё выпрыгнули два человека. Их силуэты были хорошо видны на фоне дороги, освещённой жёлтыми фарами.*

*Один прицепил к экспедиционному багажнику мощный фонарь, и пространство вокруг машины залил яркий свет. Стали различимыми и одежда вышедших из машины людей, и оружие в их руках. Сразу стало понятно, что это не охотники, а охранники.*

*Они тщательно осмотрели лес вокруг машины, затем открыли дверь салона, и вывели оттуда трёх безоружных мужчин в одежде не по размеру, которые встали возле бревна, не понимая, что делать дальше.*

*Из салона вышел третий охранник. В руке он держал ножовку, видимо, специально припасённую для таких случаев, и дал её одному из несуразно одетых людей. Тот стал отпиливать от поваленной осины сучья, а двое других относить их в сторону от дороги.*

*Вскоре деревце превратилось в голое бревно. Пилили его по очереди...*

*Когда дорога была очищена, «буханка» двинулась дальше в лес.*

– Умница, Олег! Как же ты сообразил такое сделать? – с подколкой сказала Дремлюгина.

– Наитие снизошло, Ирина Геннадьевна! – отшутился тот. – Велел охранникам выбрать на лесной дороге такое место, где микроавтобус ни развернуться бы не смог, ни уехать задним ходом. Там мы небольшую мёртвую осинку подрубили – так, чтобы она потом повалилась от одного-двух ударов топором. Ну, и камеру замаскировали, разумеется. Оставил я рядом человечка, дал ему смартфон, сопряжённый с «глазком» на въезде. Сказал ему: как только на экране покажется свет фар, сразу же деревце повалить и затаиться в лесу.

– Умница, Олег! – повторила Ирина Геннадьевна. – Жаль, на твоей записи не видно лиц.

– Как же! – возразил начальник охраны. – Вы просто просмотрели. Отмотайте немножко назад.

Дремлюгина послушалась, и вскоре поймала кадр, где один безоружный мужчина повернулся лицом в сторону замаскированного «глазка» видеонаблюдения.

– Сделайте скриншот, – сказал начальник охраны. – Потом откройте во व्यюере и увеличьте. У камеры отличное разрешение.

Дремлюгина послушалась его и начала всматриваться в черты мужчины. Читались они и вправду неплохо.

Это был пожилой человек с испытанным и иссушенным лицом, морщинистая кожа которого напоминала кору старого дерева. На щеке выделялся большой жировик.



– Кажется, я поняла, кто это такой, – сказала Ирина Геннадьевна.

– Чего ж тут непонятного? – согласился Олег. – Любой нормальный человек давно бы вырезал эту липому. Она же уродует лицо. Это либо алкаш на последней стадии, либо бомж. Интересно, зачем этих людей повезли в лес?

– «Зачем-зачем»! – передразнила его Дремлюгина. – Неужели не понял? Если у тебя ещё есть сомнения, они скоро отпадут. Правда, сначала нам надо обезопасить свои бесценные задницы. Очисти лесной домик! Сделай там такую же обстановку, как в обычном охотничьем.

– Куда девок девать? Неужели?.. – ужаснулся Олег.

– Не убивать же, – вздохнула Ирина Геннадьевна. – Это будет слишком: потом не отмолишь грех. Отдай этих девочек в «Тучную долину». На время.

– В агрохолдинг? – удивился начальник охраны.

– Ты будто вчера родился! – хмыкнула Ирина Геннадьевна. – Не знаешь, что его хозяин до сих пор держит бордель? Он же на этом разбогател.

– Я не о том... Тяжело там девочкам придётся. Будут ублажать по пять, а то и по восемь клиентов в день. И не приличных людей, как у нас. Всяких шоферюг-дальнобойщиков, ментов низшего звена, бригадиров-гастарбайтеров и прочую шелупонь.

– Ты раньше не был таким сентиментальным. Стареешь! – с усмешкой парировала хозяйка. – Кому сейчас легко? В об-

щем, избавляйся их как можно скорее.

### *На следующий день \**

Новенький «Порше» остановился возле панельной пятиэтажки. «Яйца бы выдрать тем, кто проектировал этот дом! Не могли предусмотреть лифт, скоты!» – выругалась Дремлюгина. Кипя от возмущения, она поднялась на третий этаж и позвонила. Дверь приоткрыла пожилая женщина в поношенном свитере.

– Это квартира Пеструшкиных? – сказала нежданная гостья. – Меня зовут Ирина Геннадьевна. Я к Алёне Александровне.

– Ирина Геннадьевна? – мать Алёны даже забыла представиться от удивления. – Это ведь вы перевели дочке деньги на лечение?

– Да.

– Входите, мы вам всегда рады.

Хозяйка квартиры сняла цепочку с замка.

– Предупредили бы, а то как-то неловко, – начала егозить она. – Такая влиятельная женщина заглянула в нашу квартиру, а у нас даже не прибрано. Бардак.

– Меня бедностью не удивишь, – улыбнулась ей Ирина Геннадьевна. – Я ведь дочь не миллионера, а рядовой учительницы, матери-одиночки. Полжизни ютилась в ещё более скромной квартире, чем у вас.

Дремлюгина вошла в прихожую. Навстречу ей выбежала

Алёна.

– Ирина Геннадьевна, вы меня спасли! – залепетала она.

– Не стоит благодарности. Зашла посмотреть, как у тебя заживает лицо.

Ирина Геннадьевна сняла со спины винтажный кожаный рюкзачок.

– Вот, девочка! Принесла тебе гостинцев.

– Спасибо, Ирина Геннадьевна! Может быть, попьёте с нами чаю?

– С удовольствием.

Мать Алёны начала суетливо прибираться в гостиной «хрущёвки».

– Вам помочь? – спросила Ирина Геннадьевна.

– Как-то неловко... – затряслась та от волнения. – Такой человек к нам в гости пришёл! Мы даже не надеялись.

– Фигня! – сказала Дремлюгина. – Подметать не надо. Давайте вместе накроем полянку.

Она начала выкладывать на стол содержимое рюкзачка:

– Сыр... Ветчинка... Икра... Конфеты... Прочая фигняшечка...

– Нельзя есть всухомятку, – осмелев, сказала мама Алёны. – Я пойду на кухню, приготовлю что-нибудь горячее, а вы пока пообщайтесь с дочкой.

Алёна и Ирина Геннадьевна вдвоём сели за стол. «Так даже лучше, – подумала Дремлюгина. – Её мама не будет мешать нашей беседе, встревать не по делу».

– Ну, рассказывай, девочка! Как прошла операция?

– Делали под общим наркозом, – ответила Алёна. – Я проснулась часа через два. Ничего не болело, как ни странно, но навела на себя смартфон – и увидела гипс на носу и на лбу. Всё лицо было опять в отёках и синяках. Глаза заплаыли, как будто меня снова побили. Лишь через неделю я приобрела более-менее человеческий вид. Только вот нос стал какой-то не мой – большой, широкий, висит каплей. Правда, понемножку уменьшается... но всё ещё болит, если уткнёшься им в подушку.

– Всё у тебя будет нормально. Нос может болеть полгода.

– Вы тоже делали ринопластику?

– Нет, – сказала Ирина Геннадьевна. – Мне никогда не требовалась никакие пластические операции. Какой рождалась, такая я и сейчас. Даже волосы не крашу. Зачем, если они и так красивого цвета? А вот некоторые мои подруги носики себе подправляли, потом мне рассказывали... Человек не червь, регенерация идёт долго. Так что потерпи.

Алёна грустно посмотрела на неё.

– Потерплю, куда ж деваться.

– Кто же тебя так избил? – поинтересовалась Дремлюгина. – Слышала, ты говорила про какого-то инопланетного монстра?

– Где вы это слышали? Я о нём только врачам рассказывала. Инопланетный монстр, говорите? Ну, это я так выразилась. Это был очень уродливый мужчина с огромной опу-

холью на шею. Его поймали?

– Не успели, – вздохнула Дремлюгина. – Он погиб в автомобильной катастрофе.

– Значит, Бог есть! – радостным голосом ответила Алёна. – Он и за меня отомстил, и вас мне послал. Есть же на свете добрые люди!

– Как ты вообще попала на свалку? Что там делала?

– Хотела писать материал о том, что кто-то крадёт бомжей.

– Похищает бомжей? – притворно удивилась Дремлюгина. – Зачем? Кому нужно это говно?

– Не знаю. Так и не разобралась. Узнала только одно: бомжей похищают на самом деле. Хватают в дальней лесополосе и куда-то увозят.

– Что-то не верится, – покачала головой Ирина Геннадьевна. – Может, это местная легенда?

– Нет, – уверенно возразила Алёна. – Люди ведь действительно исчезают. На свалке все так говорят.

– Почему они не заявляют в милицию?

– Заявляли. Толку – ноль. Менты передали прокурорским, а те только посмеялись. По-моему, где-то так всё было.

– Зачем бомжи ходят в эту лесополосу, если там так опасно? – продолжила допытываться Ирина Геннадьевна.

– За ней огороды. Там горожане выращивают картошку, а бомжи её выкапывают.

– Так обходили бы лесополосу стороной...

– Она очень длинная, да и не спасёт это. Всё равно где-нибудь подстерегут.

– Тот мужик, что тебя покалечил, был из числа этих похитителей?

– Наверное, – ответила Алёна. – Он понял, что я не бомжиха, и со злости меня побил.

– Какая же ты храбрая! – польстила ей Ирина Геннадьевна. – Одна пошла в такое опасное место. И как много всего накопила! Будешь писать статью?

– О свалке? Что-то не хочется. Надеюсь, Витя меня поймёт и не будет заставлять...

– Это ведь он тебя туда послал?

– Да.

– Теперь, думаю, он обязан на тебе жениться... если ты не возражаешь, конечно. Сам не догадается – я подскажу.

– Не надо, Ирина Геннадьевна! Он женат, а вы и так очень много для меня сделали.

– Разве это долго – развестись? Поговорю с ним. Так поговорю, что не отвертится!

В гостиную вошла Алёнина мама с кастрюлей.

– Ирина Геннадьевна, вы уж на нас не сердитесь, – начала оправдываться она. – Не пошла я в магазин, сварганила обед из того, что было в холодильнике. Это тушёное мясо с картошкой.

– Ну, и прекрасно! – ответила Дремлюгина. – Очень люблю тушёное мясо.

Теперь ей можно было расслабиться и поговорить на малозначимые темы: она узнала от Алёны всё, что хотела.

Ирина Геннадьевна убедилась, что похищение бомжей – это не легенда городской свалки. Поняла, что в «буханке» возят в лес захваченных жителей мусорного полигона.

Конечно, Дремлюгина догадывалась об этом и раньше, но против этой догадки протестовало нутро даже такого циничного человека, как она. Теперь сомнения отпали.

## 36. Прощальный подарок

Приехав домой, Ирина Геннадьевна немедленно позвонила Павлу Валентиновичу. Тот никогда прежде не слышал такого её голоса – не плавного и мелодичного, как всегда, а дёргающегося, смятенного, наполненного пока ещё непонятным Вирятину внутренним раздором.

– Сможете приехать сейчас же? – спросила она.

– Конечно, – не колеблясь, ответил Павел Валентинович.

– Тогда высылаю за вами Сашу.

Через сорок минут Вирятин уже ехал в лесной особняк.

Калитку на этот раз ему открыла Ксения.

Ирина Геннадьевна ждала Павла Валентиновича в гостиной. Она была настолько растерянной, что, посадив его за обеденный стол, забыла предложить чай. К делу она перешла сразу же, без прелюдий.

– Пал Валентинович, ни в коем случае вас не принуждаю... – заискивающим тоном сказала она, – но если вы всё же решите мне помочь, буду очень благодарна. Предупреждаю: я прошу вас поучаствовать в очень рискованном деле... но ведь вы когда-то, лет десять назад и больше, брали опасные редакционные задания?

– Да, – ответил Вирятин. – Я тогда не боялся проводить журналистские расследования, потому что знал: они нужны людям. Однако те времена давно позади, Ирина. Я превра-



тился в кабинетную крысу.

– Но вы ведь хотите потряхнуть стариной?

– Да, но кому это теперь нужно?

– Мне, Пал Валентиныч!

– Что я должен сделать?

– Вы пойдёте на свалку, – смущаясь, сказала Ирина Геннадьевна. – Но не так по-дурачьему, как ваша Алёна. Я вас хорошо подготовлю. Дам жидкость для автозагара. Запрещу бриться недели полторы. Скажете вашей Марине, что отпускаете бороду. Потом одену, как настоящего бомжа...

– Зачем вам это?

– Я всё окончательно выяснила. Помните, вы мне рассказывали о жалобе бомжей? Прокурорские над ними только посмеялись.

– Да, мне о ней говорила Марина. Мы с ней так и не поняли, правду ли написали бомжи.

– Зато я во всём разобралась! – твёрдо сказала Дремлюгина. – Бомжей действительно похищают. Исполняют Серёжину волю! Лаборатория где-то недалеко. Чтобы её найти, мне нужна наживка. Ей будете вы.

– Хотите, чтобы меня... ммм... схватили? – испугался Вирятин.

– Конечно, – невозмутимо ответила Ирина Геннадьевна. – Мне ведь нужно её найти.

– Лабораторию Сергея Петровича? – удивился Павел Валентинович. – Как могло такое случиться, что вы ничего о

ней ничего не знали? Что за исследования там проводятся?

– Я уже поняла, что там изучают. Вы вполне можете потерять голову. В буквальном смысле. Я, конечно, поеду вас выручать... но всё может случиться. Вдруг я опоздаю или собьюсь с пути? Поэтому хорошо подумайте, соглашаться ли с моим предложением. Не стану вас торопить, Пал Валентиныч.

– Ирина, давайте говорить начистоту. К чему эти танцы с бубном? Вы меня хоть и не принуждаете, но очень настоятельно просите... потому что жаждете, чтобы я рискнул, и чувствуете, что я не смогу отказаться. Иначе вы вообще бы не начали этот разговор.

– Да, не стану врать, – кивнула Дремлюгина. – Очень хочу найти Серёжину голову. Я этим живу последние два месяца... но сейчас боюсь взять грех на душу. Вдруг вы погибнете? Я тогда всю жизнь себя не прощу.

Вирятин задумался: «Лицемерка она, да ещё какая. Как смешно звучит в устах Ирины это «... всю жизнь себя не прощу»! У неё целый заповедник рабынь. Скольким девочкам она искалечила молодость! И ничего, по этому поводу душа у неё не болит.

Казалось бы, какое мне дело до головы Сергея Петровича и Ирениных желаний? Ведь я ей не муж, не любовник, не друг и даже не старый знакомый. Что сейчас любой сделал бы на моем месте? Наверное, возмутился бы и навсегда с ней порвал. Или отказался бы в дипломатичной форме. Или от-

шутился бы... А я...»

Он колебался, и Ирина Геннадьевна молча наблюдала за тем, как сменяются гримасы на его лице. Наконец, Вирятин спросил:

– Каков ваш план?

Дремлюгина с облегчением выдохнула.

– Вам под кожу вживят маячок спутниковой навигации, – сказала она. – Вроде того, что вешают на шею собакам, но только намного меньше. По нему я буду следить, где вы находитесь. Когда прибудете на свалку, идите к дальней лесополосе... прохаживайтесь там... И так изо дня в день, пока вас не остановят. Ну, а потом вам останется надеяться только на Бога и на мою расторопность. Сами видите: я с вами говорю предельно честно и не давлю на вас.

– Ирина, зачем такие сложности? Неужели нельзя отследить машину более простым способом? Примагнитить к ней такой же маячок, например.

– К машине-то можно. Вы уверены, что она подъедет прямо к лаборатории? А я вот нет. Эти ребята не идиоты, а Серёжа и по-прежнему дураком не был. Запутывать следы умел. Без наживки тут, увы никак. Ну что, согласны?

– Зачем спрашиваете? Вы же понимаете, что я соглашусь... но только сделаю я это не ради вас или Сергея Петровича. Я готов пойти на риск ради себя самого.

По лицу Дремлюгиной было видно, что её впечатлило согласие Вирятина. «Что бы он ни говорил, рискует он и ра-

ди меня тоже. Я ему нравлюсь как женщина, не могу не нравиться. Отблагодарю», – решила она и сказала уже скорее для проформы:

– Всё-таки подумайте ещё немного. Хотя бы полчаса. Жаль, что у нас нет времени ждать до завтра. Я сейчас отойду, чтобы не мешать вам принять окончательное решение.

– Чего тянуть? – сказал Вирятин. – Вставляйте свой маячок.

– Не сейчас, Пал Валентиныч! Вы ведь наверняка ещё не обедали, а я забыла предложить вам поесть. Простите меня! Кстати, сама я тоже проголодалась. Давайте пообедаем и выпьем вина.

Рука Дремлюгиной потянулась к кнопке вызова, и через минуту в гостиную вбежала Ксения.

– Что у нас на обед, Ксюшенька? – спросила её хозяйка.

– Тройная уха, – начала перечислять домоправительница. – Повар уже доваривает. Кулебяка с мясом судака. Гурьевская каша.

– Отлично! – похвалила её Ирина Геннадьевна. – И ещё пусть принесут вино. Самое лучшее из всего, что у меня есть...

После обеда Вирятин вновь сказал: «Имплантируйте маячок».

– Не так быстро, – опять ответила Ирина Геннадьевна. – Может быть, мы видимся предпоследний раз, и я хочу подарить вам воспоминание на всю оставшуюся жизнь... если

она, конечно, не прервётся.

– Вы меня интригуете, – улыбнулся ей Вирятин.

– Нет, – ответила ему Ирина Геннадьевна. – Я просто решила показать вам свою коллекцию жужелиц. Пойдёмте ко мне.

Она подвела Павла Валентиновича к двери своей спальни, включила свет и обратилась к нему с неожиданной фамильярностью:

– Входи, Паша!

Вирятин не придавал значение её внезапному панибратству. Ему было интересно, что же откроется в святая святых особняка Дремлюгиной.

Павел Валентинович удивился, не увидев в комнате ни ковров, ни картин. Стены были сплошь завешаны застеклёнными коробками с приколотыми небольшими жуками.

– Смотри! Любишься! Среди них есть очень-очень редкие виды. Некоторые стоят целое состояние, – сказала Ирина Геннадьевна.

Вирятин начал рассматривать жужелиц. Некоторых, невзрачных на вид, он уже видел в лесу, у себя на даче и даже в городе. Другие, напротив, изумляли его своей красотой.

Павел Валентинович задержал взгляд на среднего размера жуках с блестящими сине-зелёными крыльями, обрамлёнными каёмкой цвета слоновой кости – такой же, как и у бабочек-траурниц.

– Страшное создание! – усмехнулась Дремлюгина. – Пом-

нишь, я тебе о них рассказывала в день нашей первой встречи?

– И вы с этими тварями сравниваете себя?

– Не я. Мои однокурсницы...

Заинтригованный её рассказом, Павел Валентинович начал разглядывать чудовищных жуков и повернулся в сторону Ирины Геннадьевны, лишь когда она его окликнула.

Она сбросила халат и осталась в украшенном бриллиантами микро-бикини. У Вирятина закружилась голова... нет, скорее даже не от красоты её фигуры, а от мысли о том, что этот невероятно дорогой купальник она надела специально для него.

– Что ты как в рот воды набрал? – рассмеялась она. – Так смешно на меня уставился! Сейчас узнаешь, что такое укусы жухелицы.

Дремлюгина взяла опешившего Вирятина за руку, подвела к кровати и толкнула на неё. Затем долго смеялась, наблюдая, как неуклюже он копошится, запутавшись в пустом пододеяльнике.

– Лежи и смотри! – неожиданно сказала она и сняла купальник. – Мне захотелось станцевать для тебя.

Она взяла с тумбочки крохотный пульт, и в спальне зазвучала медленная музыка.

Ирина Геннадьевна танцевала самозабвенно и безмятежно. Она словно бы плыла над полом. Разнообразные, но неизменно плавные движения рук складывались в сложную вязь.

Этот танец мог быть завораживающим только в исполнении стройной женщины с текучими изгибами тела, и смотрелся бы нелепо, если бы у танцовщицы была сухая угловатая фигура или наоборот, полноватая.

Заканчивая танец, Дремлюгина поправила волосы. Затем изобразила руками водную гладь, по которой шли невысокие волны. Вирятину захотелось утонуть в них...

Утомившись, они долго отдыхали, лёжа в обнимку.

– Марине Вячеславовне не о чем беспокоиться, – наконец, прервала тишину Ирина Геннадьевна. – Это не начало нашего романа, Паша, а просто знак благодарности. Должна же я была отблагодарить человека, который рискует жизнью ради меня.

Она начала неспешно одеваться, оставив драгоценный купальник на тумбочке.

– Как же твой траур? – Павел Валентинович тоже перешёл на «ты».

– На это я решилась ради Серёжи.

Дремлюгина схватила Павла Валентиновича за руку и резко потянула к себе.

– Поднимайся! Готовься. Скоро тебе под кожу вживят маячок, и пути назад уже не будет.

– Его уже сейчас нет, – вздохнул Вирятин.

– Я давала тебе возможность подумать. Ты сам принял решение. В соседней комнатке тебя ждёт врач. Он вставит им-

плант. Выдвинешься, когда заживёт шрам.

– Ирина, давай отложим мероприятие до следующих выходящих. В субботу мне не надо отпрашиваться с работы, придумывать объяснения.

– Разумно, – согласилась Ирина Геннадьевна. – Подожду. Только вот в субботу тебе придётся объясняться с Мариной.

– Какая разница, в какой день? Посвятить её придётся в любом случае. Думаю, она меня поймёт.

– Что ж, поговори, – сквозь зубы процедила Дремлюгина. – Надеюсь, из-за неё мой план не сорвётся.

Вирятин посмотрел на смятую постель и усмехнулся:

– Не сорвётся, Ирина! Можешь не беспокоиться.



## 37. Два рыбака

Перед тем как сесть ужинать, Вирятин постарался смять рукав рубашки гармошкой, чтобы Марина Вячеславовна не заметила желвак под складками тонкой ткани. Это ему помогло, но лишь до тех пор, пока не пришло время лечь в постель.

Напрасно Павел Валентинович выключил свет, прежде чем снять рубашку. То, что он хотел скрыть от глаз Багриновой, нащупали её пальцы.

– Что у тебя с рукой? – испуганно спросила она, прервав ласки.

– Бандитская пуля, – попытался отшутиться Павел Валентинович.

– Паша, я с тобой серьёзно разговариваю. Это опухоль? Почему я раньше её не замечала?

– Подкожный маячок. То ли GPS, то ли ГЛОНАСС.

– Хватит валять дурака! Ответь честно, – настаивала Марина Вячеславовна.

– На этот раз я сказал правду, – сухо ответил Вирятин.

– Зачем тебе эта дрянь?

– Имплант мне вживила Дремлюгина.

Марина Вячеславовна включила ночник, стала разглядывать желвак и тонкий шрамик рядом с ним. Затем её чёрные глаза впились в лицо Павла Валентиновича:

– Похоже, правду говоришь... Значит, Ириша? Чего она от тебя хочет?

Вирятин решил не обманывать будущую жену.

– Просит, чтобы я притворился бездомным и отправился на свалку. Она надеется отыскать скрытую в лесу лабораторию. Для этого надо найти дорогу, по которой возят бомжей. Помнишь, они присылали вам жалобу?

– Ну, и... – нетерпеливо произнесла Марина Вячеславовна.

– Вы в прокуратуре смеялись над этим письмом, а оказалось, что бомжи написали правду. Их действительно похищают и отвозят в лабораторию. Её построил Сергей Петрович. Там делают опыты над людьми. Ирина только на днях об этом узнала.

– Вижу, вы с ней даром время не теряли. Дала ей твой телефон на свою голову!

– Она бы всё равно его узнала.

– Почему ты согласился на этот маскарад? Ты в своём уме? Ириша тебя использует. Ты ей не друг. Она прогонит тебя, как только ты выполнишь всё, что она хочет.

– Понимаю это не хуже тебя, – ответил Вирятин. – Не знаю только, поймёшь ли меня ты. Я ведь проходил обучение за границей. Как раз по специальности «журналистское расследование»...

– Ну и что?

– Наша газета уже не та, что была десять лет назад. Мне

в ней тошно и скучно. Хочу поучаствовать в настоящем расследовании. Может быть, оно станет моей лебединой песней.

– Ой, какой пафос! – рассмеялась Марина Вячеславовна в лицо Вирятину. – Как же она тебя обработала, эта сука!

– Дело не в Ирине, а во мне.

– Паша, не гонись за химерой. Никаких свободных журналистов нет нигде – ни у нас, ни в других странах. Газеты и телеканалы везде монополизированы. Хозяева диктуют журналистам свою волю. Блогеры тоже куплены. Свобода прессы – фикция! Неужели ты об этом не знаешь?

– Знаю... но помню, каким свободным я был пятнадцать-двадцать лет назад. Не в «Ямовских известиях», а в других газетах... в частных...

– Паша, это были смутные времена. Времена бардака. Они уже никогда не вернуться. Ты был свободнее, чем сейчас... но вспомни, как ты тогда распоряжался своей свободой. Продавал себя. Не раз продавал!

– Ты меня за это презираешь?

– Нет. Кто я такая, чтобы тебя осуждать? У меня свои скелеты в шкафу, у прокурорских не может быть иначе. Я тебя принимаю таким, какой ты есть. Со всем твоим прошлым. И не хочу потерять.

– Зачем же тогда меня стыдишь? – вздохнул Вирятин.

– Не стыжу, а хочу избавить от иллюзий. Мне сейчас нужно только одно – чтобы ты порвал с Иришей и вырезал эту дрянь из руки. Тебя ведь могут убить. Маячок загрузит, к

примеру, или Иришина машина сойдёт с дороги...

Вирятин задумался минуты на две, а затем тихо, но твёрдо сказал.

– Поздно уже. Поздно, Марина! Не буду объяснять, почему.

Марина Вячеславовна почувствовала, что он говорит серьёзно и искренне. «Дело вправду не в Ирине Геннадьевне и не в её деньгах, – поняла она. – Павлу это нужно, чтобы сохранить своё лицо в своих же глазах».

– Когда начнётся твоё представление? – тихо и печально спросила она.

– В ту субботу, – ответил Павел Валентинович.

– Хорошо, – улыбнулась ему Багримова. – Не стану тебя удерживать силой, но подстрахую. Время ещё есть. Завтра кое с кем поговорю. Не бойся, Ириша ни о чём не узнает.

– С кем поговоришь? С прокурором, с начальником следственного управления, с фээсбэшниками? – испуганно спросил Вирятин.

– Приходи завтра к часу в прокуратуру...

### *День спустя \**

Кабинетик Марины Вячеславовны преобразился. В нём не осталось и следа того беспорядка, с которым Вирятин встретился во время прошлого посещения прокуратуры.

Багримова не стала ставить чайник. Сказала, что нет времени на чаепитие.

– Если захотел стать наживкой, то будешь ей сразу у двух рыбаков, – шепнула она Павлу Валентиновичу.

– И кто же второй рыбак? – поинтересовался Вирятин.

– Ой, будто не понимаешь!

Она взяла смартфон, набрала чей-то номер, но разговаривать не стала: прервала связь, как только услышала гудки. Вскоре в кабинетик вошёл худощавый седой мужчина с тёмными глазами навывкате. Одет он был в однотонный серый костюм – не вызывающе дорогой, но добротный, хорошей фирмы. Багримова представила друг другу Вирятина и этого человека, которого назвала Николаем Александровичем.

Вошедший сел и спросил Вирятина:

– Итак, вы полагаете, что Дремлюгин не был убит?

– Это не я, а его вдова так считает, – ответил тот. – Сергей Петрович решился на нелегальную эвтаназию, чтобы избежать мучительной смерти от глиобластомы.

– Легальной эвтаназии в нашей стране нет, – поправил его Николай Александрович. – Значит, Ирина Геннадьевна ищет его подпольную лабораторию?

– Да, – кивнул Вирятин.

– Она думает, что там хранится голова её мужа?

– Да.

– Покажите руку, – попросил фээсбэшник.

Вирятин снял рубашку и показал желвак на плече.

– Не подумайте, что я вас задерживаю, но очень попрошу проехать со мной. Это в ваших интересах.

– Зачем? – удивился Вирятин.

– Нам нужно исследовать этот маячок. Мы его вырежем, определим частоту сигналов и вживим снова. Мы, как и Ирина Геннадьевна, станем отслеживать ваши перемещения.

– И вышлете ещё один автомобиль по моему следу?

– Именно так. Автомобиль с оперативниками. Мы будем ехать на приличном расстоянии от Ирины Геннадьевны. В противном случае она нас обнаружит, последствия чего предсказать невозможно. Надеюсь, к моменту нашего прибытия с вами ничего не случится.

– Вдруг Ирина уже сейчас отслеживает мои перемещения? – засомневался Вирятин. – Тогда она узнает, что я был у вас.

– Не узнает, – уверенно ответил Николай Александрович. – Мы вас повезём в специальной машине. Её салон экранирует радиоволны... как и то помещение, где вас будут оперировать.

– Вскроете шрам, который ещё не зажил? – забеспокоился Вирятин.

– Не волнуйтесь, наркоз будет очень хорошим, – ободрил его собеседник.

## 38. Дети свалки

В субботу вечером Марина Вячеславовна по просьбе Ви-  
рятина довезла его до черты города и высадила на дороге. До  
свалки оставалось ещё километра два.

Через полчаса Павел Валентинович добрёл до мусорного  
полигона. Его глаза слезились от дыма: администрация свал-  
ки сжигала осенние листья, покрышки, одноразовую посу-  
ду...

Вирятин подошёл к старому трейлеру, защищённому вет-  
хим тряпьём от солнца и холода. Рядом с входом догорал ко-  
стерок, побрёхивала собака и лежал ржавый велосипед.

Павел Валентинович постучал. Из кибитки послышался  
недовольный хриплый голос:

– Ночь уже. Сплю! Разве непонятно?

– Пустите. Замерзаю.

– Много тут таких, а трейлер не резиновый, – огрызнулся  
хозяин жилища.

– Совсем окоченел!

Послышался шорох. Дверь открылась.

– Ладно! А то вдруг заработаешь воспаление лёгких. Или  
увезут тебя, как тех...

Вирятин пригнулся: вход был низеньким, словно рассчи-  
танным на ребёнка. В углу висела потрёпанная репродукция  
какой-то иконы и горела свечка. На полу была набросана ве-

тошь: старые пальто, одеяла, шубки из искусственного меха.

Мужчина с морщинистым лицом впился в гостя колючими внимательными глазами.

– Ты откуда? – спросил хозяин трейлера.

– Из Ямова.

– Можешь дальше не рассказывать. Таких сюда до хрена приходит. Сильно замёрз? Чай будешь?

Он вытащил из-под тряпья старенький термос.

– Рабочий! – бомж похлопал по его стальному боку. – Хорошо держит. Здесь, на свалке, подобрал. Люди зажрались, чего только не выкидывают. Даже друг друга. Меня вон тоже выбросили на помойку...

– Как? – удивился Вирятин.

– Больше таких вопросов никому не задавай. Здесь не любят вспоминать прежнюю жизнь.

Он отвинтил крышку, наполнил крепким наем и протянул гостю.

– Зовут как?

– Паша, – Вирятин решил представиться настоящим именем.

– А я своё имя на свалке потерял, – ответил хозяин кибитки. – Фамилию тоже. Меня здесь все зовут Митричем. Переночуй, так и быть... но завтра начинай искать свою норку. Найди поскорее, а то вправду умрёшь. До снега не обзаведёшься жильём – пропадёшь стопудово.

– Все места, наверное, заняты?



– Иногда освобождаются. Пропадают же люди. Два года как пропадают...

– В смысле?

– Понимаешь, чем мы живём? Роемся в дерьме, ищем цветной металл. Там проволочку, там детальку... Назавтра сдаём цветмет, покупаем самогон. Ну, а картоху выкапываем в огородах за лесополосой. Раньше редко было, чтоб кто-нибудь оттуда не вернулся. Сейчас – раз в месяц, а то и чаще. Могут два человека пропасть, могут три, а могут и пять... но это редко. Мы в ментуру заявляли, но над нами в глаза посмеялись. Сказали, пить надо меньше.

– Жуть какая! – затряс головой Вирятин.

– Для кого-то, может, и жуть, а для тебя шанс. Как кто-нибудь исчезнет – сразу беги и занимай его халупку. Засядь там и не отходи, пока за тобой право не признают.!

– Чувствую, долго мне приживаться придётся...

– Старайся. Приспосабливайся. И мой тебе совет: никогда не ходи в дальнюю лесополосу. Я всегда только возле кибитки отираюсь. Не так сытно ем, реже самогончиком себя тешу, зато до сих пор цел. Бери пример!

Митрич замолчал, взял у Вирятина опорожнённую крышку и лёг спать.

– Тоже ложись! – скомандовал он, гася свечку.

За окном шелестел мусор, поднятый порывом ветра. Брехали собаки. Однако Вирятин настолько устал, что эти звуки не помешали ему заснуть.

Когда он открыл глаза, Митрич уже пил чай. Лёжа: он не вылезал из-под ветоши, так было теплее.

– Тоже попей, – он протянул Вирятину крышку от термоса.

### *На четвёртое утро \**

Павел Валентинович прожил у Митрича три дня. Хозяин кибитки не гнал его, только просил искать цветмет в залежах мусора.

В первый день Вирятин не нашёл даже кусочка проволоки: весь металлолом уже выбрали местные бомжи, ребятишки и алкоголики из близлежащей деревни.

На следующее утро приехал бульдозер и начал ворошить одну из куч, сдвигая её в сторону. Туда сразу же потянулись обитатели свалки и Павел Валентинович тоже. Ему удалось отыскать несколько алюминиевых деталек непонятного предназначения. Впрочем, какая разница, кому и зачем они были нужны в прошлой их жизни.

– Мало я нашёл, – сказал он Митричу.

– Ничего-ничего. Курочка по зёрнышку клюёт, – ответил тот.

На третий день Вирятину повезло больше. Приехала машина с бытовыми отходами, и среди них он обнаружил медный радиатор от импортной газовой колонки.

– Целое состояние! – позволил его вечером Митрич. – Рублей четыреста. Утом сдадим. Самогона накупим, празд-

ник устроим!

Он напоил Павла Валентиновича чаем, и тот сразу же задремал. Устал: столько часов подряд копался в мусоре!

Наутро он проснулся от сильного стука в окно трейлера. Митрич отворил дверь, и огромная фигура заслонила красноватое восходящее солнце. Кабина наполнилась запахом мочи и одеколona.

– А, Слон! – равнодушно сказал Митрич. – Где ты одеколону надыбал?

– В городе вчера был. Гляжу – непочатый флакон в мусорном ящике. Лежит, меня дожидается. Во бывает!

– Везёт тебе, однако. Судьба!

– Ты особо не разглагольствуй! – осёк его Слон. – Машина с барыгами, говорят, подошла к полигону. Тащи им цветмет, если есть.

– Нет его у меня, – с наигранной грустью сказал Митрич: он решил утаить радиатор.

– Жаль, – ответил Слон. – Я уж о самогончике размечтался.

– А ты, получается, сам весь одеколон вылакал? Ни глотка мне не оставил?

– За кого меня держишь? – обиделся Слон. – Третью всего вылакал. Угощу! Только вот зажрать чем?

– Жратвы у меня тоже нет.

– У тебя, погляжу, новенький приютился. Пусть сходит, надывает картошки, – сказал Слон и повернулся в сторону

Вирятина. – Сможешь накопать, чтобы дачникам на глаза не попасться?

Павел Валентинович кивнул.

– Тогда бери у Митрича лопату – и вперёд!

Вирятин вышел из трейлера и прильнул ухом к его стенке, чтобы подслушать, о чём дальше будут говорить два бомжа.

– Скоро картошечкой полакомимся, – облизнулся Митрич.

– Не-а! – ответил ему Слон.

– Это почему же?

– Там эти приехали.

– И ты туда послал новичка?

– Меньше народу – больше кислороду! – философически произнёс Слон. – Тебе же добро сделал. Избавил от нахлебника.

– А как же моя лопата?

– Потом подберём.

### *Полчаса спустя \**

Вирятин добрался до лесополосы, прошёлся по ней и вскоре натолкнулся на УАЗ-«буханку».

– Ты-то нам и нужен! – сказал вышедший из машины накачанный охранник.

– Братки, что я вам сделал? – умоляюще посмотрел на него Вирятин.

– Садись в машину и узнаешь.

Парень открыл дверь и постелил на сидение газету, чтобы бомж его не запачкал.

– А если не сяду? А если вы меня... того?

– Дурак! – усмехнулся «качок». – Морду тебе набить можно и прямо здесь. Убить тоже. Ты нам живой нужен.

Вирятин сел в машину, где было ещё два пленённых бомжа. Из приоткрытого окошка их обдувал легкий ветерок и разносил по салону запах давно не мытых тел.

С каждым часом эта вонь становилась всё нестерпимее. Кто-то из бомжей начал стучать по стенкам салона, проситься, чтобы его выпустили в туалет.

– Сходишь здесь. Вон бак в углу валяется, – ответил один из охранников.

К баку выстроилась очередь, и после полудня к запаху помета примешался аромат мочи. «Когда же эта чёртова «буханка», наконец, тронется? Зачем только я поддался на Иринины уговоры?!» – злился Вирятин.

Однако машина простояла рядом с лесополосой весь день. Лишь после заката она тронулась в сторону урочища.

## 39. Свинокомплекс

Ещё утром охранники Дремлюгиной повесили видеокамеру над первой развилкой лесной дороги. Неподдалёку они замаскировали леворульный «Хайнс» и укрылись в нём вместе с хозяйкой. Она была в приталенном охотничьем костюме, пошитом по спецзаказу.

Как и Вирятину, ждать им пришлось дотемна. Свет фар долгожданной «буханки» они увидели ближе к полуночи.

– Машина свернула налево, – шепнул Ирине Геннадьевне начальник охраны. – Как скоро выдвинемся?

Та посмотрела на смартфон и ответила:

– У Вирятина прекрасно работает маячок. По пятам ехать не надо, а то спугнём.

Предосторожность оказалась не напрасной: «Тойота» наделала много шума, когда выбиралась из укрытия, разбрасывая маскирующие её ветки.

У Ирины Геннадьевны замирало сердце при каждом повороте микроавтобуса. Находить дорогу ему помогали лишь свет высокой полной луны и дневные ходовые огни: Александр решил не включать ни ближний свет фар, ни противотуманки.

Вначале Дремлюгина подавляла в себе страх, но потом всё же спросила:

– Саша, мы не врежемся в какой-нибудь пень?

– Ирина Геннадьевна, можете не волноваться. Я же возил экскурсии по горам. В проливной дождь. Без дворников. Как видите, жив, в пропасть не свалился.

Хозяйка по-прежнему нервничала, но больше ни о чём не спрашивала водителя, чтобы не выглядеть слабой перед ним и охранниками. Она не отрывала глаза от экрана, на котором кружочком было отмечено местоположение Вирятина.

Кружочек медленно двигался по петляющей дороге, но примерно через полчаса замер.

– Пятнадцать километров к северо-западу. Другой дороги нет. Прибавь скорость! – закричала Ирина Геннадьевна, поняв, что «буханка» прибыла на место. – Сумеешь?

Александр нажал на газ.

Минут через двадцать микроавтобус, подпрыгивая на неровностях лесной дороги, ворвался на небольшую круглую поляну, посреди которой стояла пустая «буханка».

Свежие следы вели от неё к маленькому холмику, который возвышался на границе поляны с лесом. Видимо, во времена войны там был блиндаж. В нём зияло жерло, недавно выложенное изнутри кирпичом.

«Водитель высадил здесь охранников и бомжей, и пошёл вместе с ними!» – решила Ирина Геннадьевна, от волнения забыв посмотреть на экран смартфона.

Она выскочила из «Хайнса» и крикнула охранникам:

– За мной, раздолбаи! Скорее!

Дремлюгина потеряла страх, почувствовав, насколько

близка цель, к которой она стремилась последние два месяца.

Охранники тоже выскочили из салона «Тойоты», включили фонари и понеслись к входу, боясь, как бы хозяйка не оказалась одна в подземелье.

Через полминуты все они все уже были в небольшой комнате. Воняло фекалиями, потом и перегаром. Запаха глутарового альдегида, однако, Ирина Геннадьевна не почувствовала.

Посреди помещения стояло компьютерное кресло, а по периметру – деревянные скамейки. На полу валялась грязная, сильно поношенная одежда и несколько одноразовых шприцов.

– Бомжей переодели. Потом им, наверное, что-то вкололи и отвели в лабораторию. Она где-то рядом, – задумалась Ирина Геннадьевна и приказала: – Осмотрите стены!

– Не теряйте время, – возразил Олег. – Лаборатория в другом месте. Построить её – это вам не укрепить старый блиндаж. Если бы тут шли серьёзные работы, я бы знал.

Лицо у Дремлюгиной передёрнулось.

– Молчи, придурок! Смотри, вот же ещё дверь! – закричала Ирина Геннадьевна, открыла её и устремилась в коридор. У Олега не хватило реакции, чтобы опередить хозяйку.

Она пробежала минуты три, прежде чем свет фонарика упёрся в ступени. Ирина Геннадьевна поднялась по ним и осмотрелась. На небольшой поляне виднелся свежий след



колёс. Дремлюгина хлопнула себя по лбу, злобно посмотрела на охранников и вытащила из кармана смартфон.

– Какая же я дура! – с досадой закричала она. – Столько времени потеряла! Это всё спешка и нервы! Срочно назад – и в «Хайнс»!

Сев во внедорожник, она шепнула водителю:

– Саша, вон туда! Видишь, точка на северо-западе.

– Километров через пять лес кончится, – ответил водитель, глядя на навигатор.

И правда, «Хайнс» вскоре вышел на лесную опушку. Александр сразу наглухо закрыл окно кабины: машину окутала удушающая вонь.

Вскоре путь внедорожнику преградил длинный и высокий железный забор.

– Свинокомплекс! – раздражённо бросил водитель.

– Наш свинокомплекс, бальзамовский! – ухмыльнулся Олег.

Дремлюгина раздражённо посмотрела на него, но взяла себя в руки.

– Всё логично, – спокойным голосом сказала она. – Лаборатория там. Лучшего места не придумать. Бомжей в лесу накачали какой-то гадостью, чтобы они на проходной не подняли шум. Да, нам сюда!

Она ещё раз посмотрела на экран смартфона и добавила:

– Да-да, сюда! Гони, Саша!

Подъезжая с выключенными фарами ко входу, «Хайнс» чуть не врезался в ещё один микроавтобус. В нём не было никого, кроме водителя.

Ирина Геннадьевна выскочила из машины и крикнула ему.

– Не отпирайся! Куда они пошли?

Тот, заметив за спиной Дремлюгиной телохранителей, решил не валять ваньку.

– Вам туда, – указал он на ворота. – Однако въезд на территорию запрещён.

Ирина Геннадьевна не стала тратить время на разговор и понеслась к проходной.

– Я хозяйка этого комплекса! – заорала она.

Секьюрити узнали и безропотно пропустили её, однако другие – те, что стояли чуть дальше и отвечали за санитарную безопасность – оказались уже не такими покладистыми.

– Помойте руки. «Никой». И ещё пройдитесь по дезковрику.

– Чем помыть? – Ирина Геннадьевна посмотрела на свои ухоженные ногти, и её глаза наполнились ужасом.

– Таков порядок, – сказал начальник охраны.

– Моя фамилия Дремлюгина.

– Не имеет значения. Профилактика африканской свиной чумы.

Она с демонстративной покорностью помыла руки, вытерла ноги о коврик и красноречиво посмотрела на своих охран-

ников, мол, следуйте моему примеру.

– Теперь можно? – язвительно спросила она секьюрити.

– Нет, – бесстрастно ответил начальник охраны. – Нужно ещё принять душ, надеть новую одежду и обувь, а вашу оставить в раздевалке.

– У меня нет времени! – разъярилась Дремлюгина.

– Простите, Ирина Геннадьевна, – улыбнулся ей начальник охраны. – У меня инструкция. На вас она тоже распространяется. К тому же, на вас охотничья одежда... На кабанчика ходили? Они очень подвержены чуме. Нужно помыться, иначе никак.

– Охранникам со мной можно?

– Разумеется, но они тоже должны пройти санобработку.

– Смартфон могу взять?

– Вы – можете. Только после обработки. Украшения оставьте на себе. В виде исключения.

Дрожа от раздражения, Ирина Геннадьевна вбежала в раздевалку «грязной зоны», махнув телохранителям, чтобы они тоже скорее шли мыться.

Выйдя с противоположной стороны душевой комнаты, она увидела приготовленную для неё чистую одежду и резиновые сапоги. «Смотри-ка, этот секьюрити точно определил мой размер. Глазами раздел. Глаз-алмаз!» – усмехнулась она и включила смартфон. Вирятин находился прямо под ней.

Когда Дремлюгина вышла из раздевалки, к ней подбежал директор свинокомплекса, взволнованный и с заспанными

глазами. Видимо, он только что примчался сюда, узнав, что прибыла хозяйка.

– Ирина Геннадьевна, простите, что заставили вас мыться... – начал он расшаркиваться. – Они были вынуждены так поступить. Поймите, если сюда проникнет вирус, вы же понесёте убытки. Огромные убытки!

– Плевать! – бросила она. – Есть вещи важнее денег.

Директор свинокомплекса насторожился.

– Зачем вы приехали?

– Мне нужно пройти вниз! – закричала на него Дремлюгина. – Срочно!

– Куда вниз? Зачем?

– Не притворяйтесь идиотом! Я сказала: мне нужно пройти вниз. Показывайте, где вход!

– Туда нельзя...

Ирина Геннадьевна не ответила ему и стала набирать номер генерального директора своей империи.

– Натусечка, извини, что разбудила. Человек, похоже, не понимает, кто я такая. Председатель совета директоров ему, значит, не начальница.

– Ириша, пойми его правильно, – ответила подруга. – Сергей Петрович распорядился...

Дремлюгина не стала её слушать.

– И ты, сука! И ты, значит, всё знала? Никому доверять нельзя! Но некогда выяснять отношения. Объясни всё этому... – прошипела она и передала смартфон директору ком-

плекса.

Уже через полминуты тот вернул ей девайс и расплылся в улыбке:

– Нам в убойный цех.

– Не врите! Помещение прямо подо мной!

– Но вход там. Потом длинный коридор.

– Опять мыться?! – заорала Дремлюгина.

– Нет-нет. Пойдёмте.

Он провёл Ирину Геннадьевну в холодное помещение, по которому был разлит слабый запах глутарового альдегида.

– Чем здесь так воняет? – Дремлюгина сделала вид, что не узнала это вещество.

– Каждую неделю «Глюдезив» распыляем. Во всех помещениях. Для дезинфекции, – ответил директор комплекса.

– И люди им дышат?

– У них хорошая зарплата. Где они ещё такую найдут?

Придышались...

И правда, сотрудники в белых касках и фартуках потрошили подвешенные на крюках свиные туши, не обращая внимания на химическую вонь.

– Нам в тот конец! – сказал директор комплекса.

– Скорее! – поторопила его Дремлюгина и побежала по проходу между тушами.

Наконец, директор свинокомплекса открыл дверь, за которой виднелась ведущая вниз бетонная лестница.

– Вы свободны, дальше я пойду сама, – бросила ему Ири-

на Геннадьевна, крикнула телохранителям: «За мной!» – и устремилась к входу.

Один из охранников поймал хозяйку за талию и с силой обхватил её, чтобы удержать и не дать первой войти в подземное помещение.

– Вот облапал так облапал! – извиваясь в клещах его рук, прошипела она. – Всю меня ощупал? Всё у меня на месте?

– Вам туда нельзя. Это опасно, – невозмутимо ответил телохранитель.

Его коллеги тем временем спустились вниз.

– Отпусти! – приказала Ирина Геннадьевна.

Он разжал руки, понимая, что хозяйке больше ничего не грозит.

Дремлюгина вошла в холл и увидела людей в чистой одежде, но с лицами обитателей свалки – бурыми, обветренными, морщинистыми... Они сидели на диване из кожзама.

Ирина Геннадьевна скользнула взглядом по лицам бомжей, убедилась, что Вирятина среди них нет, на секунду упёрлась глазами в смартфон и побежала в длинный коридор. Телохранители бросились за ней.

– Подвергаете себя риску! – сказал запыхавшийся Олег и попытался забежать впереди неё. Однако Дремлюгина вытянула руку в сторону, чтобы не пропустить его.

– Это моё расследование, и риск тоже мой! – ответила она.

За коридором находилась комнатка с большим входом, который охраняли три вооружённых парня.

– Вам туда нельзя, – угрожающе сказал один из них, однако не выстрелил.

Через секунду-другую в помещение вбежали телохранители Ирины Геннадьевны и выстроились живым щитом между ней и охранниками лаборатории.

– Хватай её и тащи назад! – крикнул Олег подчинённому, у которого уже был опыт обращения с хозяйкой.

Тот вновь обхватил Ирину Геннадьевну вокруг талии и поволок в холл с бомжами. Уже оттуда она услышала звук выстрела и незнакомый дребезжащий голос: «Не стреляйте! Это его жена!»

Охранник выпустил Ирину Геннадьевну из объятий, и она вновь побежала по коридору.

– Олег! Олег! – в ужасе заорала она.

Тот в ответ лишь слабо простонал. На минуту она замерла, уставившись на пулевую рану. Рядом растерянно стояли три охранника лаборатории, которые бросили оружие на пол. Путь в главное помещение был свободен.

Комната была заставлена компьютерами, непонятной аппаратурой и небольшими контейнерами. К операционному креслу был пристёгнут Вирятин. На лице у него играла блаженная улыбка.

На компьютерном стуле сидел трясущийся мужчина в белом халате. Дремлюгина прижала его к креслу ледяным взглядом.

– Где голова Серёжи? – медленно и жёстко спросила она.

– Ирина Геннадьевна, послушайте меня! – начал оправдываться то ли врач, то ли учёный. – Вы же всё слышали. Мы вам не враги. Писали сообщения, просили прервать исследование. Месяца через два под ваше начало перешло бы всё – и эта лаборатория, и другая, московская. По неофициальному завещанию Сергея Петровича. Мы бы начали работать на вас, если бы вы решили продолжить исследования.

– Лаборатория уже сейчас моя! – усмехнулась Дремлюгина. – Повторяю вопрос: где голова Серёжи?

Человек в белом халате указал пальцем на контейнер, стоящий особняком от остальных, и негромко сказал:

– Не вздумайте его открывать!

– А в остальных что? – поинтересовалась Дремлюгина.

– Неужели не понимаете?

– Где же тела и использованные головы?

– В установках биогаза. Изрублены и отправлены в свиное дерьмо.

Ирина Геннадьевна скорчила брезгливую гримасу.

– Прикажете прекратить эксперименты? – опасливо спросил её мужчина в белом халате.

– Ни в коем случае! – твёрдо ответила новая хозяйка лаборатории. – Опыты продолжатся. Денег жалеть не буду. А теперь ответьте, что вы с ним сделали, – она кивнула в сторону Вирятина.

– Ничего! – пролепетал человек в белом халате. – Мы при всём желании не успели бы ему навредить. Только-только



посадили в это кресло и начали готовить.

– Что за препарат вкололи? Надеюсь, не глютаровый альдегид?

– Что вы, что вы! Со временем он отойдёт, Ирина Геннадьевна!

– Освободите его, – приказала Дремлюгина. – Дома его ждёт невеста. А вот бомжей оставьте здесь. Пригодятся.

Затем она крикнула телохранителям:

– Уходим! Вирятина и Олега берём с собой. Пусть их бабы выхаживают... а этих... – она презрительно усмехнулась, посмотрев на охранников лаборатории. – Не знаю, что с ними делать. Может, тоже переработать на биогаз?

Дремлюгина с наслаждением посмотрела на их перепуганные лица.

– Не тряситесь так: я пошутила. Будете у меня работать...

Вдруг она замолчала. Сверху послышался шум, а затем усиленный громкоговорителем голос:

– Выходите все! Вам ничего не угрожает.

Ирина Геннадьевна, не желая вступать в схватку с представителями государства, тихо приказала своим охранникам:

– Бросьте оружие и поднимайтесь. Не бойтесь. Вас не за что судить.

Затем она повернулась к человеку в белом халате:

– А вот вас мне жаль. Простите. Могли бы на меня поработать, а сядете в тюрьму. Идите! Оставьте меня одну.

Через несколько минут сверху вновь раздался беспреко-  
словный голос:

– Ирина Геннадьевна, выходите!

Она не ответила.

Скоро в лабораторию вбежали вооружённые оперативни-  
ки и увидели Дремлюгину, которая плакала, обхватив кон-  
тейнер с жидким азотом. Она безумными глазами посмотре-  
ла на них.

– Попробуйте только приблизиться! Своими зубами пере-  
грызу вам глотки. Это вам не улика, не вещдок. Это голова  
Серёжи! Она заморожена, но ещё цела. В ней сохранились  
связи между нейронами. Её когда-нибудь смогут оживить!  
Докажу это в любом суде. Привлеку вас за убийство, если вы  
её разморозите...

## 40. Восемь лет спустя

Ксения сидела в коридоре возле кулера. На нём дымилась чашка с густым горячим шоколадом и стояла тарелочка с нарезанным сыром и двумя таблетками. Из-за двери спальни доносились стоны и хрипловатые сдавленные вскрики.

«Нет-нет, не притворяется, не изображает страсть... Сорок три года уже, а какой темперамент! Дельного паренька я ей подобрала на этот раз, качественного», – радовалась домохозяйка.

Наконец, звуки стихли, и из спальни выбежал непричёсанный молодой человек в льняной рубашке, застёгнутой сикось-накось.

– Ирина Геннадьевна довольна? – опасливо спросила его домохозяйка.

– Не то слово, Ксения Владимировна! – хвастливо шепнул парень и побежал в туалет умыться.

Она добавила в чашку кипятка, размешала, схватила тарелочку и встала возле двери. Минуты через две просигналила хозяйка, и Ксения осторожно вошла в спальню.

Дремлюгина лежала на спине, разбросав руки и прижав щеку к подушке. По её загорелому животу растеклась белёсая лужица.

– Ксюш, что ты там шуршала под дверью? – спросила она вошедшую домохозяйку. – Чего ждала? Оботри меня:

утомилась я, неохота вставать, принимать душ.

Ксения поставила поднос на тумбочку, рванула в душевую, намочила полотенце и бегом вернулась.

– Недовольны вы пареньком, значит? – вытирая тело хозяйки, поинтересовалась она.

– Как же ты, Ксюшка, достала своими сомнениями! Всё отлично, – улыбнулась ей Дремлюгина и посмотрела на поднос. – Что там у тебя, кроме остывшего какао?

– Сыр и утренний сероквель.

– Сероквель... – сморщила лицо Ирина Геннадьевна. – И за что мне такое наказание до конца дней?

– Я старалась, искала, заказывала, а вы... – возмутилась Ксения. – Это же АстраЗенека! Вам заказала и Пал Валентинычу. Мы же над ним шефство взяли.

– Он до сих пор в прокуратуре работает?

– У жены под крылышком. В пресс-службе. Разве не вы помогали Марине Вячеславне туда его пристроить?

– Помню-помню, – кивнула Дремлюгина. – Как же не помнить? Просила я за него, устраивала...

– Давно он здесь не был, восемь лет уже... – осторожно намекнула Ксения.

– Нет, не надо его приглашать! – нервно отрезала Ирина Геннадьевна. – Не надо! Марине Вячеславовне это не понравится.

– Бог с ним, – согласилась Ксения. – Пейте сероквель.

– Говорят, от него поправляются.

– Только не вы! Восемь лет уже его пьёте, а до сих пор иззящны, словно вам восемнадцать. Я не лъщу, так все говорят.

Дремлюгина грустно улыбнулась.

– Только зачем мне это теперь?

Домоправительница поняла, что хотела сказать хозяйка, и жалостливо посмотрела на неё.

– Ирина Геннадьевна, не думайте о своём расстройстве. Дай Бог каждой здоровой иметь столько ума. Такую огромную империю в кулаке держите. Любой и сейчас был бы рад на вас жениться. Вышли б замуж за понимающего, внимательного человека. Вон Камран какие букеты присылает! Он мужчина деликатный, благородный и вам вроде нравится. А то, что восточный – разве это страшно?

– Не могу, сама знаешь! – злобно посмотрела на неё Ирина Геннадьевна, а затем перевела взгляд на контейнер с жидким азотом. – Как же я выйду замуж при живом Серёже? Чем давать мне советы, лучше приготовь новое какао. Себе и мне.

Домоправительница убежала с остывшей чашкой, а когда вернулась, Дремлюгина уже накинула халат.

– Ксюш, давай присядем в уголок.

Они расположились за журнальным столиком и начали молча отхлёбывать маленькими глоточками горячий шоколад. Ирина Геннадьевна первой нарушила тишину.

– Хорошо сварила, молодчинка, – сказала она. – Покажи мне ещё раз ту заметочку.

– Не травите себе душу, – ответила Ксения. – Болезнь ведь может обостриться...

– Спорить со мной решила? – строго посмотрела на неё Дремлюгина.

Ксения вынула из кармана смартфон и открыла на нём страничку какого-то научного портала.

– То-то же! – вяло сказала Ирина Геннадьевна. – Ксюшка, прочти мне заметку вслух.

Ксения начала читать публикацию. Речь там шла о новейшем варианте криоконсервации – витрификации, которая была разработана в США. Её сотрудники обещали к 2024 году смоделировать биологическую нейронную сеть, чтобы загрузить туда модель сознания двадцати пяти подопытных добровольцев. В их числе был назван известный директор венчурного фонда, который уже оплатил депозит, чтобы войти в список ожидания первой волны заморозки. В жидком азоте. С применением глутарового альдегида.

Дремлюгина грустно посмотрела на контейнер с головой мужа.

– А ведь эти технологии могли бы развиваться и в России, – вздохнула она. – Если бы лаборатория мне досталась... Может быть, тогда бы я сумела поговорить с тобой в виртуальном мире, Серёжа...